

НА

Кто удобряет
почву с сорняками?

БОЕВОМ ПОСТУ

Опыт,
кровью
оплаченный

В
стреляющем
Цхинвали

**Меняю
каска
на краповый
берет...**

ДОЛГОВАЯ КАРУСЕЛЬ

Как-то через знакомых дошли до меня слухи, что мой одноклассник военный летчик 1-го класса, самозабвенно влюбленный в свою профессию, уволился, и, вроде бы, по собственному желанию. Не поверил. Ждал встречи с ним и надеялся, что слухи не подтвердятся. Увы...

Будучи проездом в Москве, заскочил он ко мне в гости. Как водится, сели за стол — перекусить, а заодно и за жизнь поговорить. Слухи подтвердились — уволился летчик.

А ведь так все хорошо складывалось в его военной судьбе. Окончил престижное летное училище. С первых же дней офицерской службы зарекомендовал себя толковым специалистом. От трудностей не бегал. Служил там, куда Родина пошлет. Заслужил право на поступление в академию. После академии попросился на самое напряженное направление. Туда, где много летали. Летал от души. Больше него налета ни у кого не только в части, в соединении не было. Должность занимал солидную. Звание — подполковник. Казалось бы, служи и служи. Ан нет. Начались реформы в государстве. Докатились они и до армии.

— Представляешь, последнее время мои орлы из гнезда не вылетали. Налет — по нулям, — сокрушался одноклассник. — То керосина нет, то обмундирования летного, то техника ресурс выработала. Деньги месяцами не платят. Продпаяк не дают, компенсацию за него — по-прежнему. Санаторно-курортные, детские и прочие, прочие выплаты — мимо. На вещевых складах ветер гуляет. Ходят летчики кто в чем.

Пока заместителем командира был, не так все близко к сердцу принимал. Ему все шишки доставались. А тут командир наверх пошел, стал выполнять его обязанности. Теперь мне пришлось перед подчиненными ответ держать.

Утром построение начинается с вопросов: командир, когда деньги будут? А я в ответ руками развожу: не знаю. Когда пайковые наконец выдадут (санаторно-курортные, детские, подъемные и т.д.)? И снова сказать нечего.

Так мне неудобно перед людьми было — представить себе не можешь. Вроде командир, облеченный властью и доверием, а ничего сделать не могу. Стыдно подчиненным в глаза смотреть.

Тут еще звонок: перечисляем части кругленькую сумму, на ... покупку тренажера...

Когда моего товарища вызвали на военный совет утверждать на должность командира части, он от высокого назначения отказался. Поставил начальство перед фактом — увольняюсь. И несмотря ни на какие уговоры, посулы, ушел.

Вот такая история.

Кстати, увольнялся мой товарищ с трудом. Его пытались удержать на службе всеми правдами и неправдами — то оснований для его увольнения не видели, то с документами волокитили. То есть использовали наши традиционные методы работы с кадрами. В Америке, читал, другой подход к этой проблеме — военнотрудовые там

тоже имеют обыкновение увольняться, как правило, по достижении определенного законом возраста. Чтобы удержать ценного, опытного специалиста в строю, государство идет на всевозможные ухищрения — повышает жалование в зависимости от выслуги, предоставляет возможность для хорошего отдыха, придумывает различные льготы и т.д. Их специалисты подсчитали, что каждый год службы, например, опытного сорокалетнего летчика оборачивается для бюджета чуть ли не миллионной — в долларах, естественно — экономией.

А что же наше родное государство? У него другие заботы. Во-первых, грядет очередное сокращение — скорее всего первоклассных, опытных, заслуженных и увольят в первую очередь. Во-вторых, не до жиру — с долгами бы рассчитаться. С летчиками, танкистами, пограничниками, воинами внутренних войск.

Помните, в конце прошлого года правительство торжественно рапортовало стране о полной и безусловной выплате всех долгов бюджетникам? На поверку оказалось, как бы это помягче выразиться, сказанное не совсем соответствует действительности. Еще за прошлый, 97-й год государство должно своим защитникам. К старым долгам плюсоются новые.

Долг правительства по индексации денежного довольствия военнослужащих, которое в нарушение действующего Закона Российской Федерации "О статусе военнослужащих" не увеличивалось адекватно росту минимальной заработной платы аж с 95-го года, составляет сегодня 24 миллиарда рублей.

О бедственном положении армии говорится давно. Разговоры на эту тему оскомили набили. Но дальше ни дело не идет. Невольно напрашивается мысль: а может быть, невыносимые условия существования для служивых создаются намеренно в преддверии предстоящего сокращения? Разуверятся люди в торжестве справедливости и сами побегут из рядов защитников Отечества.

Хотелось бы верить, что это все-таки не так, что государство намерено сделать и сделает все от него зависящее для человека с ружьем. Отрадный факт, Государственная Дума приняла три важнейших военных закона: "Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации и сотрудников федеральных органов налоговой полиции", "О воинской обязанности и военной службе" и "О статусе военнослужащих". Правда, последний, самый важный из них, президент не подписал, сославшись на отсутствие средств для его реализации.

Надеемся, подпишет.

**Подполковник
Алексей ПЕТРОВ,
заместитель начальника отдела социальных
проблем и воинского воспитания**

Указ Президента Российской Федерации

О Степашине С. В.

1. Назначить Степашина Сергея Вадимовича Министром внутренних дел Российской Федерации.

2. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации
Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль
28 апреля 1998 года, № 467

СТЕПАШИН Сергей Вадимович

Родился 2 марта 1952 года в городе Порт-Артуре.

Окончил Высшее политическое училище МВД СССР в 1973 году, Военно-политическую академию в 1981 году, адъюнктуру Военно-политической академии в 1986 году.

Доктор юридических наук, кандидат исторических наук.

Государственный советник юстиции России.

Воинское звание — генерал-лейтенант.

В 1973—1980 годах служил во внутренних войсках МВД СССР.

В 1980—1990 годах — преподаватель, заместитель начальника кафедры политической истории Высшего политического училища МВД СССР в Ленинграде.

С 1990 по 1993 год являлся народным депутатом России, возглавлял Комитет Верховного Совета России по вопросам обороны и безопасности.

В 1991 году возглавлял Государственную комиссию по

расследованию деятельности КГБ.

Занимал должность начальника Управления Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области — заместителя министра безопасности и внутренних дел РСФСР.

С сентября 1993 по март 1994 года — первый заместитель министра безопасности России.

Неоднократно выезжал в горячие точки бывшего СССР (Баку, Фергана, Нагорный Карабах, Абхазия).

1994—1995 годы — директор Федеральной службы контрразведки России.

С ноября 1995 года по июль 1997-го — начальник Административного департамента Аппарата Правительства России.

1995—1996 годы — ответственный секретарь Государственной комиссии России по урегулированию кризиса в Чеченской республике.

С июля 1997 по март 1998 года — министр юстиции России.

С октября 1997 года — координатор Комиссии при Президенте России по противодействию политическому экстремизму в России.

Член Совета Безопасности России (1994—1995, 1997 годы).

Член Совета обороны России (с июля 1996 года).

Женат, имеет сына.

Указ Президента Российской Федерации

О Маслове П.Т.

1. Назначить Маслова Павла Тихоновича заместителем Министра внутренних дел Российской Федерации — главнокомандующим внутренними войсками Министерства внутренних дел Российской Федерации, освободив его от должности первого заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации — начальника Главного штаба Министерства внутренних дел Российской Федерации.

2. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

**Президент Российской Федерации
Б. ЕЛЬЦИН**

Москва, Кремль
9 мая 1998 года, № 520

**МАСЛОВ
Павел Тихонович**

Родился 10 октября 1946 года в г.Шахты Ростовской области.

В 1968 году поступил в Ульяновское гвардейское высшее танковое командное училище.

Проходил службу на должностях командира танкового взвода, роты, батальона.

По окончании в 1981 году Военной академии бронетанковых войск был начальником штаба танкового полка, командиром танкового полка,

заместителем командира и командиром мотострелковой дивизии.

После окончания в 1991 году Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил перемещен во внутренние войска МВД России, где проходил службу на должностях заместителя начальника управления внутренних войск по Западной Сибири, заместителя командующего внутренними войсками Северо-Кавказского округа по району чрезвычайного положения — начальника войсковой оперативной группы, заместителя начальника штаба внутренних войск — начальника оперативного управления ГУКВВ МВД России, заместителя командующего внутренними войсками МВД России по чрезвычайным ситуациям, первого заместителя командующего внутренними войсками МВД России — начальника штаба внутренних войск.

С февраля 1997 года — первый заместитель министра внутренних дел — начальник Главного штаба МВД России, генерал-полковник.

Неоднократно выезжал в горячие точки бывшего СССР, принимал участие в разрешении международных конфликтов.

Награжден орденом "За службу Родине в Вооруженных Силах СССР" 3-й степени, орденом Мужества, многими медалями.

Женат, имеет сына, дочь.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА
БОЕВОМ ПОСТУ

№ 6 ♦ 1998

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск
111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная улица,
9а

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71

Содержание

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ

А. ПЕТРОВ

Долговая карусель 1
Из редакционной почты 6

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Ю. КИСЛЫЙ

Сердце комбата 8

История родного края дала нам множество примеров, когда любовь к Отчизне вела людей на ратные и трудовые подвиги. И мы должны быть и будем достойны славы своих отцов и дедов.

Б. КАРПОВ

Ефрейтор Сергей Шафагатов: "Я не жалею, что попал в эти серьезные войска..." 13

СЛУЖБА

Г. МАЛЮШКИН

В стреляющем Цхинвали 15

Мне довелось быть очевидцем того, как начиналась братоубийственная гражданская война в Грузии, тяжкие последствия которой ощущаются и по сей день.

П. СМИРНОВ, С. ЖУЛЕВ

Опыт, кровью оплаченный 20

Опыт выполнения внутренними войсками МВД России служебно-боевых задач в Чеченской республике в 1994-1996 гг." — тема конференции, проведенной кружком военно-научного общества слушателей при кафедре тактики и оперативного использования внутренних войск Военного университета.

И. СОФРОНОВ

В "боях" под Мулино и Богородском... . 24

В районе с координатами... обнаружено крупное "бандформирование" численностью до ста двадцати человек. Напав на склад с вооружением и боеприпасами, "преступники" захватили два БТРа и стрелковое оружие...

Б. ФЕДОТОВ
Кто удобряет почву с сорняками? 28

Обсуждаем статью генерал-майора П.Лысикова "Другого не дано, или Как изжить неуставщину".

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

П. АЛЕКСЕЕВ
Каждому, каждому в лучшее верится... . 32

Попытки зайти в сытую жизнь с улицы успехом не увенчались. Там, где брали, работать не хотелось. Там, где хотелось работать, не брали. "А ты поезжай в центр переподготовки", — посоветовал один знакомый офицер.

Ю. РЖЕВЦЕВ
Болевой шок, или Послесловие к "телеправде" от ОРТ. . . 35

РЕТРОСПЕКТИВА

Ф. КОПТЕВ
Три встречи с маршалом Жуковым 39

Д. КОРОЛЕВ
Человек-легенда 42

Ю. ДУРНЕВ
Трагедия генерала Павлова 46

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Е. РУДНЕВ
Западня (повесть, начало) 53

Их было шестеро, и сегодня пошел десятый день, как они выбирались из окружения. Они были разными по званию, из разных воинских частей, но волею судеб, которые безжалостно определила для каждого из них начавшаяся война, сейчас оказались вместе...

Глазами скорби и любви (стихи) 70

КАЛЕЙДОСКОП

Е. МАЛЫШЕВА:
"Не думайте о здоровье свысока!" 72

Пусть медики в погонах больше лечат мирные болезни, чем раны, травмы и все остальное, что связано с военным временем.

Сапоги всмятку (сатира, юмор) 76

Шахматный клуб 79

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А.
ЕРМИЛОВ А.М.
(зам. главного редактора)
КАРЕВ А.Н.
(ответственный секретарь)
КАРПОВ Б.В.
КИСЛЫЙ Ю.П.
КУДРЯШОВ В.И.
МУЧАК И.Н.
СИМОНОВ А.В.
ШЕРЕМЕТА В.А.

Художественное оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.
БУКАТКО В.С.

На 1-й странице обложки фото
И. ЗЛОТНИКА.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник"

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал
"На боевом посту", 1998

Сдано в набор 24.04.98 г.
Подписано к печати 29.05.1998 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. № 817
Индекс
для индивидуальных подписчиков — 70610
для предприятий и организаций — 73175

Ордена "Знак почета" типография "Красная звезда". 123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38

Из редакционной

Книга о чеченской войне перешагнула украинский кордон

Здравствуй, редакция "На боевом посту"! Хочу поделиться с читателями журнала мыслями и чувствами, которые пробудила у меня замечательная книга Бориса Карпова и Олега Смирнова "ВВ: кавказский крест". Эту книгу подарил мне офицер российских внутренних войск, приехавший на Украину, "за границу", в отпуск, в гости к своей маме — моей самой близкой подруге еще со школьной скамьи. Он привез также несколько номеров журнала и газеты "Ситуация" с материалами о его однополчанах, воевавших в Чечне. Так я узнала ваш адрес.

Перелистав книгу, долго не решалась приступить к чтению, было страшно и больно: фотоиллюстрации открыли ужасную правду об этой проклятой, никому не нужной войне. А когда начала читать, не могла оторваться. Душили слезы, в горле стоял ком, а сердце переполняли любовь и сочувствие к великому народу, к юным мальчикам, героям войны.

Очень правильно сделали, что сохранили речевой слой, не приглаживали окопную лексику, это сберегло достоверность, жизненность. Книга горячая, обжигает. Она говорит с читателем языком передовой, языком мужества. Каждая строка убеждает в том, что "Кавказский крест" создавался искренними, неравнодушными сердцами.

Книга не лежит на полке, она постоянно в чьих-то руках. Ее прочитали многие мои друзья и знакомые. Показала книгу членам литобъединения русскоязычных писателей "Россы", носила ее в детский литературный кружок — видели бы вы глаза мальчиков и девочек, будущих журналистов и писателей, узнавших благодаря "Кавказскому кресту" о коллективном подвиге российских солдат и офицеров, честно исполнявших воинский долг. Все, кто держал в руках эту книгу, просили передать благодарность авторам и их коллегам, причастным к выходу в свет "Кавказского креста".

Меня, как писательницу, очень радует, что публицистическая фотоповесть о чеченской войне перешагнула украинский кордон. Она прожигает и будет прожигать души людей, нести правду о храбрости, стойкости, патриотизме мальчишек и мужчин в военных погонах, боровшихся с сепаратизмом и бандитизмом на Кавказе — за целостность Государства Российского. Вы, наверное, знаете, как информировали нас украинские СМИ о трагических событиях в Чеченской республике — кому сочувствовали и кого проклинали. Но порядочным людям совесть подсказывает — где правда, а где кривда. И те,

кто прочитал у нас на Украине и еще прочтает "ВВ: кавказский крест", душой с вами, российские воины, защитники Отечества.

Мира, добра, счастья, удачи всем вам!

С искренним уважением —

Майя ФРОЛОВА,
лауреат
литературной премии
им. Владимира КОРОЛЕНКО

Украина, г.Черкассы

Спасибо вам за правду!

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет вам бывший военнослужащий 101-й ОСБРОН внутренних войск. Недавно мне случайно попал в руки журнал "На боевом посту" № 2 за 1997 год со статьей "Чи вы, хлопцы, будете?..." о выводе нашей многострадальной и героической бригады из Грозного. Когда я читал этот материал, у меня наворачивались слезы на глаза. Я уже привык, что во многих газетах и журналах в статьях об армии одна чернуха или показуха, а здесь — правда. Все, о чем пишет автор полковник Ю.Кислый, я и мои товарищи испытывали на собственной шкуре. И напруг в ожидании нападения "духов" на колонну, и унижение, когда подростки кидали в нас камнями, а боевики наставляли "Мухи". Но мы терпели, мы хотели домой. И мы прошли. А как нас везли в эшелоне! Как скот. В товарном вагоне, в котором щелей больше, чем людей, — одна буржуйка. Мы мерзли почти четверо суток, но терпели, согреваясь мыслями о родном доме.

Через несколько дней нас уволили в запас. Чумазыми, небритыми, потому что привести себя в порядок не имели возможности, в замусоленном, латаном-перелатаном обмундировании, другого не было. Когда мы с другом приехали на вокзал, нас задержал патруль — подполковник и два курсанта. За неряшливый внешний вид. Попытались объяснить, кто мы и откуда, с войны, мол, едем, но начальник патруля ответил, что ему на это наплевать, и отобрал документы. У меня сорвало крышу, пригрозил: "Отпустите по-хорошему, а то за себя не ручаемся, подле Чечни нам терять нечего!". Кое-как отбились...

Но за другое обидно. Почему так несправедливо обошлись с нашей боевой бригадой, со всеми пацанами и офицерами, кто честно воевал, выполняя приказ? А сколько еще мытарств испытали те, кто остался в Ставрополе! Спасибо добрым людям — жителям города, руководству края за помощь, без нее вообще была бы труба. Да и сейчас, как сообщали в прессе и по телевиде-

почты

нию, несладко моей родной 101-й. Вот так нас "отблагодарили" за ратный труд. Чем все это объяснить? Равнодушием властей к судьбе военных? Или тем, что государству уже не нужна сильная армия? Так ведь нас тогда голыми руками возьмут. Те же чеченские бандиты, которые вовсю мутят воду на Северном Кавказе. Тяжело на душе от этих мыслей...

Мы отметили 53-ю годовщину Великой Победы. В связи с этим вспоминаются мне кадры из старых фильмов о том, как страна встречала воинов-освободителей. Цветами, музыкой оркестров, развернутыми флагами. Да, тогда была другая война. Но ведь и мы не с пикника вернулись. Так же проливали кровь, месили грязь, теряли боевых товарищей. Разве не заслужили заботы и внимания со стороны державы?!

Может быть, слишком резко пишу. Но поймите, не дают покоя воспоминания о проклятой войне, о тех мытарствах и унижениях, которые мы испытали. Утешает то, что есть журнал, где пишут правду, все как было. Спасибо вам!

**Рядовой запаса А.Х.,
ветеран чеченской войны**

По следам наших публикаций

**К репортажу майора милиции Юрия Ржевцева
"Разведка больше, чем спецназ" (1998, № 2)**

Читая материал, искренне радовались за бойцов, проявивших мужество при сдаче экзамена на право ношения зеленого берета. Однако с некоторыми оценками и выводами автора не согласны.

Разведка — глаза и уши. Она должна видеть все и всех. Ее — никто. Засветился в тылу врага — ты уже не разведчик, а объект для охоты. Наши разведчики, как пишет Ю.Ржевцев, в течение часа отбили аж десять внезапных атак "противника". Почему? Проявили непрофессионализм. На пути следования не вели наблюдение, поставили под удар всю группу. Тут уж не до разведки. Дай Бог ноги унести. А это срыв задания, невыполнение боевого приказа. Чем же тут восторгаться? Однако автор доволен действиями кандидатов в "зеленые береты" и сопоставляет их со спецназом, утверждая, что разведка даже больше... Это все равно что сравнивать двух мастеров спорта — по боксу и по шахматам. Уместно было бы еще такое сравнение: "Оставшись на поле с одним королем, он свел партию вничью. Крепление патом подчас больше, чем боковой удар в челюсть". Как нельзя сравнивать интеллект с грубой физической силой, так же нельзя мерить одной меркой два совсем разных подразделения.

Поэтому параллель майор Ржевцев провел не совсем удачную, чем обидел ветеранов спецназа. А за то, что ребята старались действовать по вводным на грани своих физических возможностей, мы перед ними преклоняемся. Однако разведка все же не может быть больше, чем спецназ, как спецназ не может быть больше, чем разведка.

Слава спецназу!

По поручению ветеранов спецназа МВД РФ — членов Ассоциации социальной защиты военнослужащих подразделений специального назначения "Братство "краповых беретов" "Витязь"

**полковник запаса
Виктор ПОСПЕЛОВ**

ОТ РЕДАКЦИИ. Боевые друзья! Благодарим за письмо, за внимание к журналу. Радует, что вы читаете наши публикации, неравнодушны к проблемам войсковой жизни. Ваши критические замечания мы обсудили на редколлегии, приняли к сведению и, как говорится, сделали выводы. Действительно, заголовок "Разведка больше, чем спецназ" неудачен — это наш просчет. Хотя в конце материала есть и оговорка "п о д ч а с больше...", то есть при выполнении задач, для которых разведчики предназначены, — в целом фраза дает повод двусмысленно толковать заложенное в ней содержание. Впредь постараемся более вдумчиво готовить к печати статьи и репортажи о "краповых" и "зеленых беретах", дабы ни у кого не возникало обид.

Что же касается негативной оценки действий солдат по решению вводной на отражение десяти внезапных атак, то здесь позволите с вами не согласиться. Слов нет, работая во вражеском тылу, разведчики должны превратиться в невидимок, всячески избегать боестолкновений. Но на войне бывают критические ситуации, когда обстановка вынуждает разведгруппу вступить в схватку с противником: скажем, попали в засаду — неприятель ведь тоже не лыком шит, возникла необходимость провести отвлекающий маневр, чтобы дать возможность товарищам прорваться на соседнем участке... Стало быть, им тоже необходимы знания и навыки "глаз и ушей". А для этого офицерам и бойцам разных войсковых структур надо учиться друг у друга, обмениваться опытом. Не случайно отдел по применению подразделения спецназа введен в состав разведывательного управления Главкомата внутренних войск. Посему вряд ли справедливо сравнивать "краповых" и "зеленых беретов", как боксеров и шахматистов. Для разведчиков и спецназовцев в равной степени важны и бойцовские качества, и сильный интеллект. Недаром же говорят в народе: "Кулак без головы — дурак".

Отстаивая свою точку зрения, ни в коей мере не претендуем на истину в последней инстанции.

Желаем успехов в вашей благородной и очень важной работе.

Твои Герои, Россия

*Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты со слезными слезами на ус намочил,
Если в жарком бою испытал что такое —
Значит, нужные книги ты в детстве читал!*

Владимир ВЫСОЦКИЙ,
"Баллада о борьбе"

СЕРДЦЕ КОМБАТА

Второй час войны разведбата стойко держались в блокаде, ведя ожесточенную перестрелку с "духами". Ждали подкрепления. Но бронегруппы, посланные комбригом на подмогу, не смогли протаранить плотные заслоны боевиков. И тогда капитан Визнюк приказал: "Заводить бэтры, грузить "трехсотых" и "двухсотых"! Идем на прорыв! Я прикрою!" Обеспечивая отход своих бойцов, он занял позицию у горевшей "коробочки", ближе к территории завода, откуда долбили-наседали "волки". Выдернул чеку гранаты, привстав с земли, замахнулся для броска, и в этот миг...

Он рос с романтическим чувством Родины

Миг и 28 лет — вся жизнь. Молодая, не дотянувшаяся до зрелости и мудрой старости жизнь...

Как недопетая боевая песнь...

Жизнь, своим конечным горестным мгновением влитая в лаконичную формулу последнего командирского приказа: "...Я прикрою!"

Жизнь и миг...

Несоизмеримые по временной протяженности годы и последние секунды его, комбата, бытия

на нашей прекрасной, много-страдальной и грешной земле, там, у ощетинившегося бандитскими стволами завода в Грозном-городе, перевоплотились в иной, не связанный с категорией времени, неосязаемый, но прочный, как броня, сплав.

Название этой духовной матери-энергии — ПОДВИГ. Когда оборванная пулями жизнь земная здесь, на земле, воплощается в ПАМЯТЬ, а ТАМ...

"Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят".

Мысленный приказ себе, приказ — повелительно-командным голосом — подчиненным, стремительное движение-рывок

Продолжение. Начало в № 5.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

мощного тренированного тела: защитит солдат-пацанов широкими плечами батяни, метким выстрелом, точным броском гранаты прикрыть...

А перед этим — жертвенный душевный порыв, светлый, как гроздь гнева, яркий, как вспышка новой звезды, согревающей своим появлением холодное пространство вселенной.

“За други своя”...

А перед этим — жизнь. Мальчика, юноши, мужчины. Школьника, курсанта, офицера. Жизнь-тренировка, учеба, подготовка к главному: есть такая профессия — Родину защищать, коль выбрал ее, повинуюсь Божьей воле-призванию, внуши себе по-пионерски романтично, по-взрослому серьезно — “Всегда готов!”

Знаю, Олег Станиславович, по жизни ты не любил громких фраз, справедливо считая, что лучшее слово — это дело. Ты жизнь свою строил не словами. Поступками. А я, автор маленькой повести-были о тебе, о твоей последней, восьмидесятой по счету, боевой операции в Грозном, чуть ли не на эпический гекзаметр перешел. Прости, капитан. Сердцем чувствую, не одобряешь из своего бесконечного далека, скромный, немногословный комбат, высокий штиль в начале этой главы. Не одобряешь и лирическое отступление от темы. Есть язык боевого донесения и наградного листа: только суть, никакой лирики-романтики. Да, можно бы и так — по-военному скупыми строками: Но ты сам, Олег, строками своего школьного сочинения на вольную тему, которое бережно хранят твои родители, задал тон вступлению-запеву этой главы...

Помнишь?

“Интересно, каким будет наш

город через 10-15 лет. Ведь именно в этот период я и мои сверстники станем уже окончательно взрослыми, и именно от нас будет зависеть, каким быть родному Брянску...

Брянск будто превратился в огромный парк, полный цветов, деревьев и птиц. Среди множества зданий нас привлекает одно, такое же, как и все: светлое, современное. Из его открытых окон льется веселый детский смех, а перед этим домом, утопая в зелени, стоит знакомый с детства памятник трем Героям Советского Союза — Валентине Сафроновой, Владимиру Рябику, Игорю Кустову. На их суровых лицах — решительность и молодая удаля. Этот памятник всегда являлся для меня олицетворением беззаветной любви к Родине, своему народу. И сейчас он воспитывает новые и новые поколения молодых граждан России.

История родного края дала нам множество примеров, когда любовь к Отчизне вела людей на ратные и трудовые подвиги. И мы должны быть и будем достойны славы своих отцов и дедов”.

Так ты писал в девятом классе. Конкурсное сочинение — на “отлично”. Не только по стилистике. По духу, по идеалам, воспитанным в тебе родителями, твоей учительницей Еленой Михайловной Амелиной и другими педагогами брянской средней школы № 27. Тобой самим...

Ты рос и мужал с романтическим восприятием таких понятий,

как Родина, честь, отвага. Благодаря родным и близким людям, которые очень любили тебя, Олег, — по словам поэта, “нужные книги ты в детстве читал”.

Помнишь, каждый год, в день твоего рождения, папа включал магнитофон, записывал твой голос. Ты пел песни, декламировал стихи. О Советской Родине, о Красной Армии, об Отчественных войнах...

Помнишь?

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя, —
Богатыри...

Ты читал “Бородино” с выражением, с толком, с чувством — звонким мальчишечьим голоском. Словно заглядывая в буду-

На память об офицерской дружбе

щее, подсознательно закаляя-приготавливая себя к бою.

А как ты готовился к офицерской службе!

С детства знал, что на роду тебе написано стать военным. Было на кого равняться. Прадед твой, Дмитрий Митрофанович, воевал в коннице Буденного. Дедушка и бабушка, Петр Титович и Вера Митрофановна, всю

Олег Визнюк в училище

Великую Отечественную, от первого до последнего дня, провели на фронтах (там и познакомились-поженились), он — артиллерист-зенитчик, она — медсестра. И родной дядя твоего отца, Иван Митрофанович, носил погоны с тринадцати лет, поступив в суворовское училище. Красноречивая деталь: в тридцатилетнем возрасте его выслуга в льготном исчислении (служил на Чукотке) составляла «сороковник»(!). Когда случилось землетрясение в Ташкенте, его послали на восстановление разрушенного города. Там и остался жить гвардии полковник после увольнения в запас. Именно по совету Ивана Митрофановича (твоя мама, Олег, сказала мне, что ты его копия — такой же смуглолицый красавец мужчина) ты сделал свой выбор: Ташкентское ВОКУ — замечательное, богатое традициями училище. Отец твой, Станислав Петрович, тоже мечтал об офицерских звездах и носил бы их, если б не приговор медкомиссии: здоровье подвело.

Стремясь продолжить семейную традицию, династию, ты го-

товился к служению Отечеству обстоятельно, не по-детски серьезно. Клуб юного следопыта. «Зарница» — «Орленок» (подростковая военная игра-учебка»). Кружок будущего командира при гарнизонном Доме офицеров. Плюс факультативы, планетарий... Везде, школьный комсорг, ты был председателем, инициатором, заводилой, вожак. Ты везде поспевал. Круглый отличник, ты по-пионерски-комсомольски помогал товарищам, увлекал их за собой личным примером: «Делай, как я!».

Ты в хорошее (ныне оплеванное-очерненное) время рос, впитывая детской и юношеской душой все лучшее из этого времени.

Ты и многие твои сверстники были романтиками. У сынков «новых русских» — иные идеалы: «бабки»-баксы, «мерсы», дворцы-коттеджи на фоне нищеты и горя обманутого, ограбленного народа. Но разве можно сравнить: крутой нувориш-скоробогатей, торгующий Россией оптом и в розницу, и Герой-комбат, ценой своей жизни спасающий мальчишек. «Нет уз святее

товарищества» и «все продается-покупается», даже Родина, даже тяжкая война, на которой тебя не стало... Проданная, преданная твоя война, Олег...

Помнишь, когда ты решил поступать в Ташкентское командное, которое окончил один из твоих любимых писателей Герой Советского Союза Владимир Карпов — автор романа о начальнике этого училища, выдающемся полководце генерале армии Иване Петрове, ты попросил отца заказать на заводе штанги-тренажеры (в спорттоварах продавались только двухкилограммовые гантели — не для мужика) и каждый день качался до изнеможения. А еще ты купил себе сапоги-кирзачи, и научившись наматывать портянки, каждое утро поднимался в пять часов и накручивал километры по тротуарам микрорайона в этих мужчинских сапогах, набивая мозоли, тренируя ноги к училищным кроссам и марш-броскам. Плюс к тому — ринг, в десятом классе стал перворазрядником по боксу.

И вот позади трудный конкурс, блестящие ответы на экзаменах. Ты — курсант. День присяги. На тебя с гордостью и восхищением смотрят мама, папа и брат-второклассник, приехавшие в Ташкент на твой праздник. И не было тогда на свете человека, счастливее тебя...

Помнишь?

В училище, как и в школе, ты — лидер. Отличник. Тебе присваивают звание «сержант», назначают командиром отделения, потом замкомвзвода.

Ты упорно грыз гранит военной науки. Не ради красного диплома. Хотел после выпуска поехать в Афганистан и настоящим образом готовил себя к войне, к бою. Переживал, возмущался, сталкиваясь с пофигизмом отдельных

преподавателей, с формализмом и упрощенчеством на тактических занятиях. Открыто, принципиально говорил об этом на комсомольских собраниях, писал в окружную газету, не боясь «накатов» за «сор из избы»: завтра мы будем обучать солдат, а как это делать без глубоких знаний и практических навыков, которые должны шлифоваться на стрельбище и полигоне?

Из критической заметки второкурсника ТВОКУ сержанта О.Визнюка, опубликованной в газете «Фрунзевец», «Как не надо проводить занятия в поле»:

«...Ротные тактические учения. С отражением атаки ТВД. В роли противника — третий курс. Шли долго, без аварий и поломок. Техника не подвела, потому что ее вовсе не было. И в боевую линию развертывались понарошку, понарошку выполняли команду «К бою!» Мне что, солдат своих тоже понарошку учить?»

Мы предлагаем перестроиться, мы не молчим. Ведь можно самым заурядным занятием заинтересовать курсантов. К примеру, в обязательном порядке проводить его в динамике, в виде двусторонних тактических учений, с использованием бронетехники, преподаватели — в роли посредников. Два взвода, изучающие одинаковые темы, — «противники». БТРы и БМП обслуживать не только после занятий, но и перед ними. Тогда мы сможем подготовить технику заранее. Предложения были, но реакции никакой...»

Быть может, публикация этой заметки поможет найти выход из положения, иначе первые годы офицерского становления уйдут у нас на углубление весь-

ма скромных знаний, полученных в училище».

Но несмотря на недостатки в организации учебного процесса, ты получил отличные знания: сам старался, чего недодавали преподаватели, восполнял методом самоподготовки. Как передового выпускника, тебя направили служить за границу, в Южную группу войск. Три года в должности командира взвода (торопиться не надо!) — прекрасная офицерская школа. Верный своему правилу — пахать с полной самоотдачей, ты приобрел в этой школе богатый офицерский опыт, возмужав, стал настоящим профессионалом.

После Венгрии — поселок Гвардейск, что под Днепропетровском, затем Одесский военный округ, 6-я гвардейская танковая армия. Должность ротного. Освоение новой для тебя военно-учетной специальности разведчика. А главное — здесь, в Гвардейске, ты встретил свою суженую.

Лена, Аленка — хрупкая, стройная, как тополек, девчонка-красавица. Познакомившись с ней на дискотеке, куда с трудом вытащили тебя, не жаловавшего увеселительные заведения, друзья, ты загрузил: «Жаль, она, похоже, семиклассница, долго ждать придется до свадьбы». К счастью, долго ждать не пришлось. Внешне юная девочка, Лена в то время была второкурсницей факультета английского языка Днепропетровского университета. В английском и ты был — не пас, читал и разговаривал почти свободно. Фраза, другая на языке Шекспира, и глаза — в глаза, и рука — в руке. Здравствуй, любовь!

О вашей счастливой супружеской жизни, о том, как вы любил-кохали друг друга, как лелея-

ли доченьку Настеньку, повесть-поэму бы писать.

«Нет повести печальнее на свете...»

Одно омрачало тогда ваше счастье. Беловежские соглашения.... Россия — независимая (от кого?!), Украина — самостийная. Раскололась великая держава — СССР. Но ты, поверив политикам-геростратам, что СНГ — Союз в новом качестве, что будут объединенные вооруженные силы, что завтра будет лучше, чем вчера, и все мы по-прежнему будем вместе, ты, патриот Советской Родины, скрепя сердце остался служить «за кордоном», выучил украинский язык. А когда стало ясно, какую лапшу навешали доверчивым согражданам похоронщики единого государства, когда в украинской армии стали насаждать провинциальную-националистическую идеологию, ты, украинец по роду-племени, написал рапорт. Решил возвращаться домой, в Брянск...

Ох и тяжело ж тебе было, Олег. Приказом министра обороны независимой Украины ты уволен в запас. Впереди — неизвестность... В те дни ты был сам не свой, терзаясь мыслями-вопросами: как встретят в России бывшего офицера иностранной армии, примут ли на службу? А без нее жизнь для тебя — не жизнь. Готов был идти на любую должность, в любой род войск, в МВД — только бы служить, носить военную форму.

Перед самым отъездом, рассказывала мне Лена, вы смотрели по телевизору фильм «Афганский излом». Глядя на тебя, на твое лицо, глаза, исполненные тоски и боли, она поняла: ты как бы соизмеряешь трагическую боевую судьбу комбата Бандуры со своей судьбой. Душой ты там, в грохоте боя, среди горящих на горной дороге

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

наливников, за рычагами танка, расчищающего под огнем “духов” путь колонне... В этот момент заплакала в кроватке Настенька. Лена поднялась со стула, чтобы перепеленать дочурку и нечаянно заслонила экран. И тогда ты единственный раз за всю вашу совместную жизнь повысил голос на жену. Крикнул: “Мешаешь смотреть!” Вскочил, хлопнул дверью. Лена не обиделась: поняла, что не на нее ты сердиться — на самого себя, на проклятые обстоятельства, заставившие тебя наступить на горло собственной песне...

Приехав в родной Брянск и сразу же начав обивать пороги военкомата, УВД, ты главную надежду возлагал на блестящую характеристику, которую написал начальник разведки части незадолго до твоего увольнения. С такой визитной карточкой в личном деле смело можно рассчитывать на благосклонность людей, от которых зависит твоя дальнейшая судьба:

“...Разведывательная рота, которой командовал старший лейтенант Визнюк О.С., неоднократно признавалась лучшим подразделением в соединении... Молодой офицер требователен к себе и к подчиненным, служебный долг ставит выше остальных интересов. Постоянно работает над повышением своего профессионального и интеллектуального уровня. Взыскательно относится к поддержанию уставного порядка, умело ведет ротное хозяйство. Много времени уделяет изучению техники, умело действует при во-

“Прости, мать, что не уберегли мы своего комбата...”

ружении БМП, БРМ, БРДМ, БТР. Уверенно водит танк, БМП, БТР, автомобиль, имеет квалификацию “специалист первого класса”. Способен самостоятельно принимать решения и действовать в экстремальных ситуациях. Много времени уделяет занятиям спортом. Является призером соединения по офицерскому многоборью, гиревому спорту, рукопашному бою, марш-броску на 5 км, стрельбе”.

И вот она, госпожа удача! С тобой подписывают контракт в брянском оперативном полку внутренних войск. Должность — командир взвода. Но ты, давно переросший этот уровень, не сказанно рад. Ты снова в своей стихии. Проводишь с бойцами тактические занятия, стрельбы, днюешь и ночуешь в подразделении. На тебе твой любимый камуфляж.

Рассказывает заместитель командира части подполковник Сергей Черный:

— Когда я увидел Визнюка в деле, понял — это офицер с

большой буквы. Решение любого — учебного, служебного, хозяйственного вопроса — на высшем уровне. Кое-чему сам у него учился, особенно при проведении занятий с боевой стрельбой. В батальоне все брали с Олега пример. Сделает у себя Визнюк, повторят остальные офицеры. А делал он все с огоньком, с выдумкой, творчески. Использовал различные подручные средства для совершенствования учебной базы, вносил новизну,

живинку в проведение ночных стрельб. У каждого его солдата была записная книжка с основными положениями уставов, наставлений, которые должен знать рядовой боец. Работать с ним было для меня великой радостью.

В сентябре 95-го Олега назначают командиром отдельно дислоцированной роты. Но я его вижу начальником группы боевой подготовки полка, специально держу эту должность вакантной. Ну а дальше — прямая дорога в академию...

Его академией стала война...

Полковник Юрий КИСЛЫЙ

Фото Григория СИМОНЕНКО, Александра АЛЕКСАНДРОВА и из семейного альбома

Москва — Брянск

(Окончание следует)

По страницам Книги памяти

Ефрейтор Сергей ШАФАГАТОВ:

*“Я не жалею,
что попал
в эти серьезные
войска...”*

2 июня 1996 года при проведении инженерной разведки БТР внутренних войск подорвался на фугасе. Погиб пулеметчик ефрейтор Сергей Шафгаатов. В его семье бережно хранятся письма, присланные за время службы. Эти бесхитростные строки красноречивее любых воспоминаний. От письма к письму зримо представляешь становление мужчины, солдата, гражданина. В таких письмах не слукавишь. Они не требуют посторонних комментариев. В них все — как было...

“Пишу вам в поезде. Забрали меня во внутренние войска, ВВ. Служить буду в Астрахани, наверное, как милиция будем патрулировать районы. Смотрите не волнуйтесь, у меня все хорошо — жив, здоров. В горячие точки не пошлют — это точно.

Папа, мама, вы меня извините, когда вам доставлял неприятности. Здесь на самом деле понимаешь, что для человека такое — родители. Ой, аж на душе стало тяжело...”

“Витек! Попал я служить во внутренние войска. Ты меньше говори, что я в ВВ попал, эти войска не любят, вторыми мусорами называют...”

Служба у меня не из легких — много бегаем, маршируем и вообще физкультура у нас сильная. В неделю раз на стрельбище ездим, из автомата научился стрелять. Нас могут послать в Чечню воевать... Дедовщины у нас сильной нет, много земляков, они помогают в службе...”

“... Пока я не хочу вас огорчать, но чему быть, того не избежать. Если конфликт в Чечне не

прекратится, нас, наверное, будут на три месяца отправлять. Но ничего, это все переживем. А сейчас будем скоро на дорогах стоять и как патруль браконьеров ловить с икоркой. Уже в роте своя компания — нас, краснодарцев, сильно уважают, наверное, за кровь горячую. Ну ладно, я не жалею, что попал в эти серьезные войска, здесь выкладываешься на полную: боевые искусства, полное владение оружием и многое другое, от которого устаешь, аж с ног валяешься. Одним словом, у меня все хорошо”.

“Я жив, здоров и у меня все просто отлично. Мы ездили на учения в пустыню на полигон на 4 дня. Вот приехал, и сразу пишу письмо. Было там трудно: холод, сильно трудно, даже очень трудно. Жили мы в палатках в

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

полевых условиях. С утра по песку бег 5 км, дальше получали оружие, полное обмундирование — и на боевые задачи. У нас там было, как будто мы в Чечне.

У меня уже есть личное оружие — ручной пулемет Калашникова, коротко — РПК. Дальше мы ели и шла постройка КПП самая настоящая: всякие заграждения, море окопов, я их замучился копать. Постоянные караулы, все, в общем, как на войне. Стрелять я там замучился: днем ты стреляешь, ночью тоже стреляешь, гранаты кидали. Учили обращаться с минами, что какая из себя представляет. Вечером у нас была "война" между взводами, как по-настоящему, только с холостыми патронами. Что там очень плохо — постоянно очень сильный ветер. Губы в песке, глаза в песке. В общем, когда уже в части в бане купался, килограмм песка с себя смыл. В общем, там было ничего, только холодно было и песок этот, а так — классно! Особенно ночью понравилось из пулемета стрелять. В общем, я там научился многому для себя полезному. И кормили там очень хорошо, почти как дома. Мы сейчас отдыхаем после учений..."

"... С нами вчера разговаривал старшина, говорил, что из нас он должен сделать машины, иначе в Чечне человек, у которого много чувств, не выдержит. С нами вчера вечером (письмо от 5 февраля 1995 года. — Б.К.) разговаривал в клубе полковник. Он сказал, если в Чечне не останется война, 24 апреля едем туда уже. Но он обещал, что мы в саму войну влезать не будем. Наша задача — охрана КПП, изъятие оружия у местного населения и отправка пойманных боевиков куда надо..."

"12.04.95 г. ... В середине мая будет выезд — это уже точно.

Как я вам писал, поедет только кто захочет, кто напишет рапорт. А заставлять никого не будут туда ехать. Но я собираюсь ехать туда, потому что как так — пацаны поедут, а я, например, не поеду, неудобно получится..."

К нам в роту новое вооружение прибыло. Пулемет ПК, такая "дура" — бьет глухо, валит все на своем пути. Гранатометы и много всяких еще вещей интересных. В классе нас еще сажают, начинают нас учить, как быть морально устойчивым..."

"23.04.95. Бегали недавно 12 км с утра — запыхались, как лошади. У нас 25 апреля должен был быть выезд в Чечню, но его отложили на май. Говорят, технику не успели пригнать..."

Да, совсем забыл вас поздравить с праздником Пасхи. Нам с утра яйца тоже давали, правда, некрашенные. Сегодня в 4 часа в кино пойдем, а с утра, наверное, часа три в футбол играли на поле.

Сейчас в будние дни палатку делаем: внутри все устанавливаем — стеллажи для сна, табуретки, в общем, полностью оборудуем ее. Нас специально учат, чтоб на выезде имели представление, какая она, а эта палатка на 50 человек, здоровая, как дом.

Вчера вечером встречали милицейский батальон, он ночью приехал. Они стояли на КПП, где мы будем. Говорят, там неплохо, даже понравиться может..."

Да, сейчас замучили — по ночам по полной боевой поднимают, а если плохо поднимаемся, бегаем. Но это все на пользу нам, хоть и замучивает. Сейчас я уже намного выносливее благодаря армии стал, сам удивляюсь, какой был слабый до армии. Максима (брат. — Б.К.), отец, там на дачу почаще гоняй, пусть он мускулатуру качает перед школой..."

"29.10.95. ... У нас похолодало сильно, дожди не идут, но мороз сильный и ветер постоянно холодный. Скоро уже тулупы будут давать нам на посты. Ротный все шутит надо мной — как на про-верку пойдет по постам, кричит. "Ну что, Сочи, аз-зяб?" А я ему: "Нормально!" Смеется. Хороший он мужик. Капитан у нас попался строгий, у него порядок будет ого-го какой! Он из нас точно солдат настоящих сделает, если у нас не отпадут ноги от бега, а руки от отжиманий..."

Сергей любил жизнь, был оптимистом. Об этом рассказывали его родные, это чувствуется по всем его письмам: от первого — из вагона поезда, увозящего новобранца Шафагатована на службу, до последнего, из Чечни, где пулеметчик ефрейтор Шафагатов уже успел побывать в разных переделках и на "контролях", и в сопровождении колонн. Последнее задание было — обеспечить безопасную работу саперного подразделения. Сергей погиб, обеспечивая безопасность... Так нередко случалось на той войне с солдатами внутренних войск. Он ведь не случайно называл свои войска "серьезными".

За него теперь поднимают товарищи третий тост. А в одном из его писем читаем:

*Мой тост огин на всех пирах
— Я пью за тех, кто в сапогах...*

И еще строки из тетрадного листка, совсем уж прощальные: "За меня можете не волноваться — у меня все хорошо. Всего и вам хорошего, живите — не тужите..."

**Полковник
Борис КАРПОВ**

Дагомьс — Москва

Злободневные мемуары

В мартовском номере журнала "На боевом посту" я поделился воспоминаниями о боевой службе внутренних войск в Нагорном Карабахе и прилегающих к нему районах. Сегодня речь пойдет о другой горячей точке – Южной Осетии. Мне довелось быть очевидцем того, как начиналась братоубийственная гражданская война в Грузии, тяжкие последствия которой ощущаются и по сей день.

Первая попытка вооруженного вторжения грузинских боевиков в Южную Осетию была предпринята в конце 1989-го — начале 1990-го под руководством З. Гамсахурдиа и его ближайших единомышленников, когда они еще не были у власти, а находились в оппозиции. Этому предшествовала антиосетинская истерия в тбилисских газетах. В лице осетин формировался образ врага Грузии, раздавались откровенные призывы к вооруженному выступлению против осетинского народа.

В результате первого похода грузинских вооруженных отря-

дов в Южную Осетию несколько человек погибли, десятки были ранены, около двух тысяч стариков, женщин и детей стали беженцами первой волны. Кроме того, 18 осетин были захвачены в заложники, над которыми грузинские боевики основательно поиздевались, перед тем как освободить несчастных.

Показательно, что Горбачев и его окружение тогда вообще не придали значения этому "походу", попросту прозевали начало конфликта, недооценили его последствия и, по сути, даже способствовали приходу Гамсахурдиа к власти, раздув "тбилисский синдром".

СЛУЖБА

Правда, для населения Южной Осетии последствия могли быть более тяжкими, если бы в конфликт не вмешались подразделения внутренних войск, прибывшие в Цхинвал. Да и сами жители в ряде случаев давали отпор боевикам.

Примечательно, как сам Гамсахурдиа объяснил эти события в интервью голландской газете "Затердаге Биджвосгель" 3 февраля 1990-го: "Тот поход был организован мной. Мы хотели склонить осетин к примирению, но нас туда непустила армия. Мы не применили никакой силы (а убитые и раненые? — Г. М.). Хотя мы могли их легко оттолкнуть. Там было всего 100 солдат. Осетины испугались этого — и логично, так как они преступники... Осетины необразованный, дикий народ".

Вряд ли стоит комментировать это заявление. Скажу лишь, что оно характеризует национальную политику, проводившуюся господином Гамсахурдиа, когда он пришел к власти.

С февраля по сентябрь 1990-го в Южной Осетии наступило временное затишье, относительное спокойствие. Но именно относительное: внутри автономной области уже обострились отношения между жителями осетинских и грузинских селений, участились уголовные преступления, которые никем не расследовались и, естественно, виновные оказались безнаказанными. Годы накапливались проблемы социально-экономического и культурного развития автономной области. Из-за наступившего паралича власти не решались кадровые вопросы, поэтому сила руководящих органов начала подменяться силой толпы...

Группа наиболее агрессивно настроенных женщин Цхинвала, к примеру, изгнала из кабинета бывшего начальника УВД области, мешала нормальной работе прибывшего с миротворческой задачей представителя МВД страны генерала Б. Дзюова.

Негативное влияние на общественное сознание населения Южной Осетии оказывала не всегда объективная позиция лидеров народного фронта "Адамон ныхас", которые, выступая под флагом демократических преобразований, в пылу борьбы иногда делали поспешные, а порой и необдуманные шаги. Это давало формальный повод грузинским националистам к вооруженной осаде Цхинвала.

Но вот в сентябре 1990-го Южно-Осетинский областной Совет принял обращение к Верховному Совету Грузии. В нем

Верховный Совет Грузии эти решения отверг. Началась новая волна антиосетинской истерии в Тбилиси. В этой обстановке, чтобы не допустить кровопролития, было принято решение направить в Цхинвал дополнительные силы внутренних войск в составе оперативного полка, дислоцировавшегося в Тбилиси.

Мне было поручено возглавить войсковую оперативную группу МВД. К этому времени я уже имел опыт организации боевой службы по поддержанию общественного порядка в условиях чрезвычайного положения — сначала в связи с известными

было высказано несогласие с тем, что высший законодательный орган республики объявил "незаконность" советской власти и Конституции СССР (теперь уже бывшей) на территории Грузии, и заявлено, что на территории области образуется Юго-Осетинская Советская Демократическая Республика, где действуют органы советской власти и Конституция СССР. В связи с этим в Южной Осетии были назначены выборы в новые органы власти на 9 декабря 1990 года.

событиями в Фергане, а затем — в Нагорном Карабахе.

Прибыли мы с группой офицеров управления внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью в Цхинвал 7 декабря, то есть накануне объявленных выборов и, не теряя времени, приступили к изучению общественно-политической и оперативной обстановки. В результате личных наблюдений, бесед с руководителями автономной области, жителями осетинских и грузинских сел, командованием армейских частей цхинвалского

СЛУЖБА

гарнизона пришли к выводу, что необходимо организовать службу войск во взаимодействии с местными правоохранительными органами таким образом, чтобы не допустить нового кровопролития. Подъезды к городу были перекрыты КПП, а внутри организовано круглосуточное патрулирование. Это позволило в день выборов избежать правонарушений.

На следующий день мне позволил бывший председатель Совета Министров Республики Грузия Тенгиз Сигуа и пригласил на очередную сессию Верховного Со-

вету. Перед началом заседания состоялась встреча с Гамсахурдиа, который предупредил, что на сессии будет приниматься закон об упразднении Южно-Осетинской автономной области и чтобы я в своем выступлении воздержался от оценки этого решения. Стало очевидным: готовится новая акция против населения Южной Осетии.

Парламент принял также закон о введении чрезвычайного положения и комендантского часа на территории Цхинвала и Джавского района. Эти территории были определены не случайно: в них не входили грузинские села. А это означало, что стоявшие тогда у власти руководители Республики Грузия развязывали себе руки, имея возможность маневрировать силами и средствами для достижения главной цели — поставить осетинский народ на колени, но уже с участием внутренних войск МВД.

Я призвал депутатов к разрешению обостряющегося конфликта политическими средствами и на примере Нагорного Карабаха попытался объяснить, к чему могут привести конфронтация и силовые приемы.

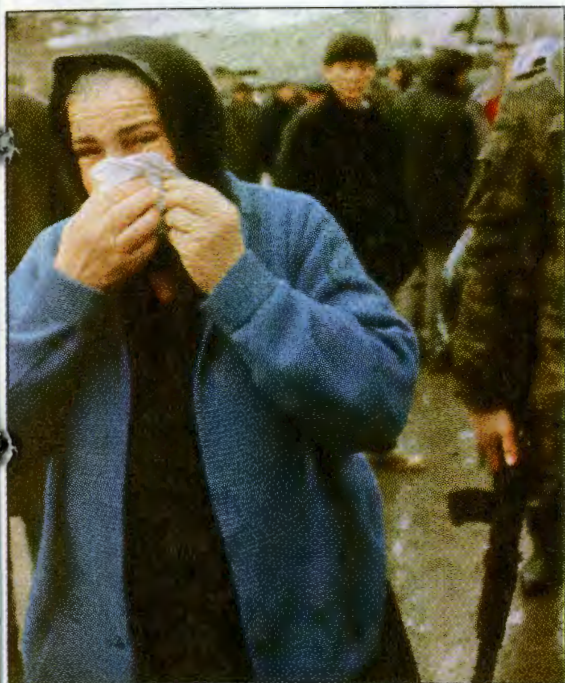
И вот на следующий день, 12 декабря в центре Цхинвала прозвучали первые, после зыбкого затишья, выстрелы. Из проезжавшей автомашины были обстреляны "Жигули", в которых погибли три человека, а двое оказались ранеными. В машине пострадавших обнаружили автоматическое оружие, пистолеты и множество боеприпасов к ним. Стрельба по автомашине велась из пулемета. Это преступление наложило свой отпечаток на весь ход дальнейших событий, поскольку

каждая из сторон пыталась представить данный факт в выгодном для себя свете. Для расследования этого происшествия в Цхинвал прибыла оперативно-следственная группа МВД во главе с начальником одного из управлений министерства генералом Б. Вороновым.

Хочу подчеркнуть, что, несмотря на все усилия Гамсахурдиа и его преемников, им не удалось отвести внутренним войскам позорную роль участников гено-

цида по отношению к южноосетинскому населению. Мы глубоко осознавали двусмысленность положения, в котором оказались. Войска по закону о правовом режиме чрезвычайного положения должны были взаимодействовать с правоохранительными органами республики, парламент которой объявил чрезвычайное положение и комендантский час. В то же время, подчиняясь только центру, войска должны были выполнять приказы, поступавшие из Москвы. Особенность ситуации состояла еще и в том, что оперативный полк, прибывший в Цхинвал, как и специальный моторизованный батальон, уже находившийся там, дислоцировался в Тбилиси, где проживали семьи офицеров и прапорщиков. С одной стороны, это обстоятельство попытались использовать грузинские националисты, а с другой — оно давало повод для осетинской стороны выражать войскам недоверие. Забегая вперед, скажу, что личный состав внутренних войск, несмотря на всю сложность обстановки, проявлял выдержку и достойно выполнял свой долг, не допустив ни одного происшествия и нарушения законности, чем и заслужил искреннее доверие людей, души которых не пропитались ядом национал-шовинизма.

Сразу после события 12 декабря пошла полоса задержаний на КПП при въезде в Цхинвал автомашин с тбилискими номерными знаками, в которых при проверке и досмотре находились, как правило, люди с удостоверениями телохранителей президиума Верховного Совета Грузии, а при них — оружие различного образца, боеприпасы и даже спецсредства. Ясно, что эти эмиссары из Тбилиси пытались проникнуть в Цхинвал для выполнения определенных заданий. Задержанных войсковые наряды передавали в комендатуру района чрезвычайного положения, которую возглавлял один из замес-

вета. Перед началом заседания состоялась встреча с Гамсахурдиа, который предупредил, что на сессии будет приниматься закон об упразднении Южно-Осетинской автономной области и чтобы я в своем выступлении воздержался от оценки этого решения. Стало очевидным: готовится новая акция против населения Южной Осетии.

Парламент принял также закон о введении чрезвычайного положения и комендантского часа на

тителей министра внутренних дел республики. Оттуда вместо проведения расследования и принятия мер этих "телохранителей" отпускали. А у меня стали раздаваться гневные звонки от руководства Грузии, в том числе и от Гамсахурдиа, с выражением недовольства. Пришлось дать им соответствующие разъяснения и доложить об этом в Москву.

19 декабря Верховный Совет и Совет Министров Грузии направили в адрес четвертого съезда народных депутатов СССР, президента страны и МВД телеграмму. В ней, в частности, говорилось:

"Внутренние войска МВД СССР ведут себя возмутительно. Они вступили в сговор с осетинскими экстремистами, на постах стоят вместе с ними, проверяют и обыскивают только грузинское население, превышают свои полномочия, отнимают табельное оружие у сотрудников ("телохранителей". — Г. М.) МВД Республики Грузия. Исходя из этого, требуем:

1. Подчинить находящиеся в Цхинвале и Джавском районе внутренние войска МВД СССР Верховному Совету Республики Грузия и назначенному коменданту либо вообще их вывести оттуда.

2. Принять меры для пресечения незаконной деятельности "правительства" (имелся в виду вновь избранный состав областного Совета Юго-Осетии. — Г. М.), арестовать преступников. Ввести грузинскую милицию в город Цхинвал и Джавский район.

Если все требования не будут выполнены в ближайшее время, правительство Республики Грузия и ее народ прибегнут к крайним мерам".

Не берусь комментировать правовую основу и стиль изложения этого документа, скажу лишь, что позиция грузинского руководства окончательно прояснилась: любой ценой покончить с Южной Осетией.

(Кстати, в июле 1995 года в средствах массовой информации появилось сообщение о том, что в Тбилиси началась продажа книги З.Гамсахурдиа "Духовная миссия Грузии", проповедующей идеи богоизбранности и исключительности нации. По мнению ныне уже покойного философа Мераба Мамардашвили и других современных политиков, идеи, которые пропагандировал экс-президент, и привели Грузию к катастрофе, гражданской войне и социально-

конфронтации, мы с генералом Б.Вороновым неоднократно и настойчиво добивались от Москвы направления в Цхинвал народных депутатов страны для выполнения посреднической миссии, а также для подготовки предложений президенту о путях выхода из сложившейся ситуации и мерах по стабилизации обстановки в регионе. С ответом центр не спешил, и только в конце 1991 года прибыла первая депутатская группа.

Одновременно большую актив-

экономическому краху. Свои бредовые идеи Гамсахурдиа стал непосредственно осуществлять в декабре 1990 года.)

Одновременно началась экономическая и информационная блокада Цхинвала и Джавского района. О ней в свое время много сообщалось, поэтому не буду останавливаться на этом. Скажу лишь, что, принимая решение о блокаде, грузинское руководство не задумывалось о нравственной стороне вопроса, о судьбах детей, женщин, стариков. Теперь уже и военным пришлось нести службу в условиях этой блокады, которая еще более усилила тяготы и лишения, связанные с плохим размещением, отсутствием элементарных условий для службы и отдыха.

Учитывая явное ужесточение

ность в посреднической миссии проявило руководство Северо-Осетинской республики, которое неоднократно предпринимало попытки склонить Гамсахурдиа и его окружение к разрешению конфликта политическим путем. Со своей стороны, мы организовали встречу коменданта района чрезвычайного положения Г.Кванталиани и министра внутренних дел Северной Осетии Г.Кантемирова у Южного портала Рокского перевала.

Непосредственно в Цхинвале была организована пресс-служба МВД страны, через которую в центр шла объективная информация о происходящих в регионе событиях.

Обстановка требовала активизировать работу с местным населением, отвечать на многочисленные вопросы, связан-

ные с законом о правовом режиме чрезвычайного положения, усилением экономической и информационной блокады со стороны Грузии. Особое внимание пришлось уделить разъяснению всем жителям требований о необходимости соблюдения выдержки и спокойствия.

К сожалению, к нашим предостережениям не все прислушались. Экстремистское крыло народного фронта Южной Осетии в конце декабря 1990-го спровоцировало группу женщин на попытку захвата в заложники возвращающихся со службы офицеров и курсантов тбилисского филиала Высшей школы МВД. Затем в Цхинвале была взорвана автомашина, в которой погибли четыре сотрудника МВД Грузии.

2 января 1991 года группа подростков, подстрекаемая женщинами, на окраине Цхинвала обезоружила грузинских милиционеров, отобрав у них автоматы и другое табельное оружие. Все наши попытки добиться, чтобы оружие было возвращено, успеха не имели.

Создавалось впечатление, что кому-то было невыгодно идти по пути мирных переговоров. Вместо поиска разумного компромисса определенные силы подталкивали отчаявшихся людей к провокациям. И результаты такой близорукой политики не могли не сказаться. 5 января я получил шифротелеграмму из Москвы, в которой отдавался приказ пропустить грузинскую милицию в Цхинвал и Джавский район, никаких препятствий ей не чинить, службу войскам выполнять в режиме охраны военных городков. Трудно передать наше настроение, настроение всего личного состава, когда каждый солдат, находящийся там, понимал, к чему может привести такое решение.

Мы с генералом Б.Вороновым предприняли отчаянную попытку сорвать этот замысел. Для этого он поехал в Гори (где, как мы узнали позже, уже начали концент-

рироваться милицейские силы из Тбилиси, перемешанные с боевиками и откровенно уголовными элементами, накануне бежавшими, а вернее, отпущенными из СИЗО и ИТК), чтобы попытаться убедить руководство Республики Грузия отказаться от преступного намерения. Но Воронова к Гамсахурдиа не допустили, насильственно задержав в Гори, чтобы он не смог сообщить нам о силах и средствах, надвигавшихся на Цхинвал.

И вот на рассвете 6 января около четырех тысяч вооруженных боевиков на автобусах в сопровождении бронетехники появились в Цхинвале. (Есть что-то зловещее в таком совпадении: ровно через год на рассвете 6 января 1992 года свергнутый диктатор Гамсахурдиа покинет бункер, в котором впоследствии будут обнаружены трупы людей со следами пыток и истязаний.) Перекрыв автобусами и наспех организованными КПП улицы города, «милиционеры» парализовали его жизнь.

В ответ на эти действия местные жители стали возводить баррикады из подручных средств, сдерживая продвижение боевиков к жилым домам.

Началась перестрелка, усилившаяся к ночи. В первый же день был изорван пулями государственный флаг над зданием облисполкома, заняты банк, почта, телецентр и другие административные здания, разгромлены драмтеатр, магазины, школы, автопредприятия. Начались поджоги домов, мародерство и квартирные кражи. «Милиционеры» не брезговали ничем, забирали в домах все — вплоть до детской одежды, обуви, игрушек. Все это позорным пятном ложится на вдохновителей этого похода и его исполнителей.

Справедливости ради скажу, что мне приходилось встречаться — и до этих событий, и после них — со многими грузинами самого разного положения. Большинство из них

в откровенных разговорах с глазу на глаз осуждали как политику, так и практику насилия, проводимую Гамсахурдиа и его приспешниками. Но тем не менее в официальной обстановке они предпочитали отмалчиваться. Их можно понять: в условиях тотального психологического и физического террора, установленного режимом Гамсахурдиа, нельзя было сбрасывать со счетов инстинкт самосохранения.

Вопреки строгому приказу из Москвы «не высовываться» я решил постоянно вести разведку, собирать и обобщать сведения об обстановке, чтобы передавать их в центр. Грузинская сторона, естественно, попыталась скрыть правду об истинных событиях. Разведку вели на бэтэрах путем патрулирования. Их появление сдерживало противоборствующие стороны, стрельба прекращалась. Наши войсковые наряды сопровождали колонны автомашин с продовольствием и товарами первой необходимости, которые в это время шли из Владикавказа в Цхинвал через Рокский перевал. По этой же дороге в Северную Осетию вывозились под перекрестным огнем беженцы и раненые из Цхинвала. В городе шли непрерывные бои.

И только когда вести о трагедии Цхинвала, о творящихся там бесчинствах и терроре дошли до Москвы, Горбачев подписал указ о мерах по стабилизации обстановки в Южной Осетии, а затем последовал приказ о разделении противоборствующих сторон. Но эти меры безнадежно опоздали — в Южной Осетии гремела гражданская война, которая через год докатилась до проспекта Руставели в Тбилиси...

**Генерал-майор запаса
Генрих МАЛЮШКИН**

Фото из архива редакции

Эхо Чечни

Опыт, КРОВЬЮ оплаченный

“Опыт выполнения внутренними войсками МВД России служебно-боевых задач в Чеченской республике в 1994-1996 гг.” – тема конференции, проведенной кружком военно-научного общества слушателей при кафедре тактики и оперативного использования внутренних войск Военного университета.

Интерес к чеченской теме чрезвычайно велик, ведь свыше шестидесяти пяти процентов наших слушателей, начальники курсов полковники Б.Миненко и Н.Суслов прошли через Чечню. Семнадцать офицеров из числа участников конференции побывали в других горячих точках, тринадцать имеют ранения и контузии, шестнадцать отмечены государственными наградами. Вот почему конференция переросла рамки научного кружка, превратившись, по сути дела, в факультетскую. Существенную помощь в ее подготовке оказал военнанаучный отдел Главного командования внутренних войск, его начальник полковник А.Капкин и

старший офицер полковник А.Голышкин.

Перед началом конференции ее участники почтили минутой молчания память своих товарищей, павших в боях. А первокурснику майору А.Яковенко была вручена медаль Суворова. Эта прелюдия придавала высокий эмоциональный настрой всему мероприятию.

С докладом “Военно-политическая и криминогенная обстановка накануне ввода войск и в ходе выполнения служебно-боевых задач” выступил слушатель второго курса майор Д.Коноваленко. Время, прошедшее после вывода федеральных сил из Чечни, уже позволяет сделать некоторые оценки и выводы по

СЛУЖБА

Майор Д. Коноваленко

Полковник В. Иванов

этим событиям. Стали привычными со стороны людей непосвященных обвинения военных в бездарности, неподготовленности и тому подобном. Однако даже имеющиеся в открытой печати данные свидетельствуют о том, что ввод войск в Грозный в декабре 1994 — январе 1995 года проходил в условиях, когда не было преимущества над боевиками в личном составе, а перевес в артиллерии и боевой технике именно в тот период был весьма незначительным. Для блокирования города, а затем для его штурма, как того требует военный опыт, сил и средств явно не хватало (о качественной стороне — разговор особый). В докладе и в последующих выступлениях неоднократно

но звучал справедливый вывод о том, что ошибки военных нередко были обусловлены ошибками политиков.

Несомненно, что “разоружение незаконных вооруженных формирований в Чеченской республике” еще получит со временем всестороннюю оценку. Однако уже сейчас можно сделать вывод о том, что такой термин, как “разоружение”, неприемлем для военной науки, что неясность целей всегда порождает неясность задач, “различность” способов их выполнения. Не случайно, впервые появившись в годы боевых действий в Нагорном Карабахе, этот термин — “разоружение незаконных вооруженных формирований” — стал неперемennым спутником поражений властных структур в различных межнациональных конфликтах. В Военном университете впервые после военно-научной конференции в Главном управлении командующего внутренними войсками (в феврале 1996 года) была предложена периодизация событий в Чеченской республике от ввода до вывода войск.

В числе первых на нашей конференции выступили непосред-

ственные участники штурма Грозного слушатели военно-педагогического факультета майор В.Мельников (заместитель командира мотострелкового батальона 131-й майкопской бригады) и майор Ю.Охотников (заместитель командира зенитного дивизиона 255-го мсп). Они

Полковник в отставке В.Т.Огрызко

У карты майор Ю. Мельников

пролили свет на некоторые подробности первых дней чеченской кампании, которые до сих пор имеют самую разнообразную (зачастую ложную, фальсифицированную) трактовку. В частности, уже сложилось общественное мнение о якобы "полной гибели" майкопской бригады в новогоднюю ночь. На самом деле все было иначе. Да, потери были действительно велики — техника там была потеряна на 90 процентов. Что касается личного состава, то погибших было 76 человек, около двухсот было ранено, 24 военнослужащих пропали без вести. Через две недели после пополнения новый командир бригады докладывал вышестоящему командованию о готовности к выполнению боевых задач.

Интересно было услышать из уст очевидцев и оценку нашумевшего невзоровского фильма "Чистилище". В действительности в республиканской больнице в центре Грозного оборонялся 255-й полк, но не 131-я бригада. Было тяжело. Но гор трупов, из которых боевики складывали баррикады, не было. Как и наемников-негров. А уж сцена погребения погибших под гусеницами танка целиком лежит на совести автора сценария.

Офицеры Российской армии отметили, что основными причинами гибели большого числа военнослужащих в боях за Грозный были необученность личного состава, слабая слаженность подразделений, неподготовленность вооружения и боевой техники, использование ее устаревших образцов, игнорирование опыта Великой Отечественной войны при боях в населенных пунктах, неподготовленность операций вышестоящими штабами, отсутствие организации и

четкого взаимодействия (не только с соседями, но даже в своих подразделениях и частях), слабое знание тактики дудаевцев, низкая морально-психологическая подготовка солдат и офицеров.

Необычным по теме было выступление выпускника военно-психологического факультета майора В.Миронова. В боях за Грозный он участвовал в качестве заместителя командира роты радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Офицер привел конкретные факты, когда рэбовцы засекали координаты дудаевского штаба, передавали их командованию. К сожалению, этой информацией никто не воспользовался. Отмечалось и неумение наших радиотелефонистов своевременно переходить на запасные частоты, когда противник ставил помехи на основных.

Доцент полковник А.Мурыгин посвятил свое выступление вопросам организации работы коммандатур в Грозном в феврале-апреле 1995 года. В то время офицер выполнял обязанности направленного Главного управления командующего внутренними войсками и проблему знает не понаслышке.

Командир отряда спецназа "Русь" полковник В.Иванов, кстати выпускник нашего факультета, рассказал о действиях отряда в Первомайском, конкретно, с демонстрацией схем, разобрал одну из удачных специальных операций по ликвидации бандформирования в условиях горно-лесистой местности. Интерес к этому выступлению был вызван еще и тем обстоятельством, что многие выпускники факультета (можно назвать полковников А.Батькова, И.Ковалева, Б.Ми-

ненко) в сложной боевой обстановке выполняли в полном объеме обязанности командиров полков.

Значительное место в выступлениях отводилось вопросам тактики внутренних войск. В частности, о специальной операции в селе Гехи рассказывал капитан Р.Урусов. В то время он выполнял обязанности заместителя командира войскового оперативного резерва бригады по работе с личным составом, находился непосредственно в боевых порядках. Выступление свое он построил на анализе замысла командования, что важно при обучении офицеров более высокого тактического уровня, коими выпускники Военного университета станут в ближайшем будущем.

О применении артиллерии при выполнении служебно-боевых задач в Чечне рассказал участникам конференции майор В.Юдаков.

Чеченская кампания выявила, кроме массы положительных примеров, немало и ошибок, неудачных действий. Учиться на них крайне важно, дабы не повторить просчетов. Именно с этих позиций весьма полезным стало выступление майора В.Кобцева, рассказавшего о действиях войск под Бамутом в апреле 1995 года.

Драматично проходил и финал чеченской кампании — вывод войск в конце 1996 года. Чем он был обусловлен? Закончена ли война в Чечне? Свою точку зрения по этим непростым вопросам изложил старший преподаватель кафедры истории войн и военного искусства полковник Б.Божедомов, признанный специалист в области локальных войн и военных конфликтов.

"За что мы воевали там?" —

вопрос, задаваемый многими солдатами, не может не волновать и майора А.Яковенко. Заместитель командира батальона ОДОН, этот офицер имеет богатый опыт работы по морально-психологическому обеспечению служебно-боевых задач в Чечне. Нельзя не согласиться с высказанным в выступлении утверждением, что самые тяжелые поражения — это поражения моральные.

Наши слушатели выполняли в Чечне разнообразные задачи. Майор И.Зуйков, например, был заместителем коменданта района по работе с местным населением. Он рассказал об этой малоизвестной, в общем-то, сфере деятельности представителей внутренних войск в районе боевых действий.

С большим интересом участники конференции ждали выступления полковника в отставке В.Огрызко. Многим слушателям уже приходилось знакомиться с его опытом ликвидации банд в горах Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. И в этот раз ветеран поведал немало полезного для наших офицеров. "Кто выше в горах — тот хозяин положения" — с таким выводом, проиллюстрированным конкретными примерами из практики пятидесятилетней давности, нельзя не согласиться. Именно В.Огрызко командовал отрядом, который по ледникам вышел в тыл банде Занкашиева летом 1944 года и выгнал ее вниз по ущелью на боевые порядки главных сил. Ветеран внутренних войск четко изложил, как готовилась и проводилась эта удачная операция. Вроде бы ничего нового — все по Полевому уставу 1944 года. Только почему-то забыли о непреложных истинах в 1995 году

в Чечне, упорно загоня банды в горы на заранее подготовленные ими базы. Противник сохранял при этом все преимущества, мы же лишились возможности маневра, ограничивали сами себя в использовании артиллерии и авиации, растягивали коммуникации по ущельям и теснинам, создавая идеальные возможности для действий противника. Достаточно назвать трагические события под селением Ярышмарды, где в засаду головорезов Хаттаба попала колонна Российской армии.

По многим выступлениям можно было сделать вывод, что мы проиграли в Чечне войну информационную. Министр информации Ичкерии М.Удугов вкупе с различными "независимыми" и откровенно прочеченскими газетами, теле- и радиоканалами превзошел благодаря своей оголтелости все правительственные средства массовой информации. Не случайно на конференцию пригласили одного из авторов получившей признание в войсках книги "Внутренние войска: кавказский крест" полковника Б.Карпова. Начальник отдела военного очерка и публицистики журнала "На боевом посту" выступил по теме "Образ солдата в произведениях художественной литературы, средствах массовой информации". "Наши" и "ненаши" — таковы были весьма категоричные, но очень точные и емкие характеристики различных изданий, публикаций, художественных и документальных фильмов на чеченскую тему. В этом сравнении, на контрасте выводов и оценок, очень неприглядной выглядит антиармейская позиция так называемых правозащитников, которые не жалели и в ходе чеченской войны, и после нее

сил и средств на развал федеральных силовых структур, да и самой России.

В качестве некоторых выводов по итогам конференции следует отметить, что, судя по выступлениям людей, не понаслышке знающих существо проблемы, военные действия в этом регионе вполне вероятны. Сепаратизм, антироссийские, антирусские настроения, замешанные на криминальном беспределе, щедро приправленные несметным количеством оружия, делают обстановку в регионе перманентно неспокойной, взрывоопасной.

События в Чечне 1994-1996 годов, безусловно, стали достоянием новейшей истории. Они будут еще всесторонне изучаться. Но вопросы, связанные с использованием внутренних войск, тактикой их действий, приобретенный боевой опыт должны уже теперь активно изучаться и внедряться в боевую и оперативную подготовку.

**Подполковник
Павел СМЕРНОВ,
кандидат исторических наук,
майор Сергей ЖУЛЕВ,
слушатель факультета
внутренних войск
Военного университета**

Фото Александра ДОВГАНЯ

Полигон

*Для достижения
будущего успеха
нужно освоить
войска с явлениями
войны посредством
маневров,
до того близких
к действительности,
чтобы солдат
смотрел
на настоящую войну...
как на обычный
маневр.*

А.В.Суворов

В „БОЯХ“ ПОД МУЛЦНО И БОГОРОДСКОМ...

**Как всегда
мы на подъем легки...**

“...В районе с координатами... обнаружено крупное “бандформирование” численностью до ста двадцати человек. Напав на склад с вооружением и боеприпасами, преступники захватили два БТРа и стрелковое оружие...”

Вскрыв полученный конверт и прочитав это известие, майор Андрей Владимиров незамедлительно поднял по тревоге свое подразделение, отдал необходимые распоряжения. Сборы по тревоге были недолгими, и в расчетное время комбат доложил о готовности личного состава выполнить поставленную задачу.

Она была достаточно сложной.

Оперативному батальону, усиленному артиллерийскими и специальными подразделениями, предстояло совершить восьмидесятикилометровый марш, выйти в указанный район, заблокировать и, развернувшись в боевой порядок, уничтожить “противника”. Ротам и экипажам предстояло действовать в поле не менее трех суток.

Первый этап тактического учения — многокилометровый марш. Он стал серьезной проверкой на выносливость и профессиональное мастерство для подчиненных майора Андрея Владимирова. Маршрут движения колонны, насчитывающей несколько десятков единиц техники, проходил по различным участкам: асфальтовое шоссе под колесами

БТРов и ЗИЛов сменялось проселочными дорогами, которые через некоторое время опять выводили вереницу машин на оживленные многорядные трассы, а затем автомобили вновь утопали в грязи бездорожья.

Через три часа, заглушив двигатель, последняя машина заняла свое место в автопарке пункта временной дислокации. Дошли все. Правда, не обошлось без небольших поломок, но мнение посредников и руководителя учения было однозначным: с первым этапом личный состав батальона справился неплохо, можно приступать к дальнейшим действиям — занимать позиции, организовывать разведку и боевое охранение, разворачивать пункты управления, полевые кухни и многое-многое другое.

Пока подразделения заканчивали военные приготовления — слово одному из организаторов БТУ (батальонного тактического учения) старшему офицеру отдела боевой подготовки округа полковнику Вячеславу Проникину.

— Эти учения стали завершающей точкой в многодневной напряженной работе и боевой учебе офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат подразделения. По их результатам станет ясно, насколько качественно эта работа была выполнена.

К сожалению, округ пока не располагает учебными центрами для проведения “боев” таких масштабов, поэтому договорились с миноборонцами провести учение на их полигоне. Параллельно отрабатываем вопросы боевого взаимодействия. Здесь, под Мулино и Богородском, на завершающем этапе батальонного учения наша оперативная рота будет действовать с танковым взводом армейцев. БТУ

только начинаются, так что нас впереди ожидает еще много интересного.

Под грохот оружейной канонады...

Последующие двое суток выдались действительно интересными. И весьма поучительными. Учебный центр Московского военного округа, где проходили учения, жил своей напряженной, расписанной по часам жизнью. Время от времени воздух раскалывался от грохота артиллерийских орудий. Это батарея САУ выполняла боевые стрельбы. Лязгая траками, прокатывались самоходки, меняющие огневые позиции. Поднимая узкими гусеницами пыль, проносились юркие БМП, из люков которых армейцы с интересом и удивлением рассматривали БТРы и грузовики с желтым оленем на красном круглом поле. Чувствовалось, что наш “зверь” в этих краях — гость довольно редкий. Но, несмотря на это, воины внутренних войск сразу и органично

вписались в отлаженный ритм жизни полигона. На опушке леса, где временно расквартировался батальон майора Владимира, было организовано одиннадцать учебных мест. Теоретическая часть БТУ охватывала большой круг вопросов и проблем, с которыми могут столкнуться военнослужащие в реальном бою. В качестве руководителей занятий выступили офицеры управления части, начальники и специалисты различных служб.

Майор Сергей Удовиченко подробно рассказал и продемонстрировал порядок работы средств связи, обратив особое внимание на умение найти и устранить в бою возможную неисправность в аппаратуре. Подполковник Виктор Алехин показал способы эвакуации поврежденной техники, ее буксировки и транспортировки. Солдаты химподразделения под руководством капитана Василия Кушина установили дымовую завесу и продемонстрировали все достоинства системы задымления,

находящейся на бронетранспортерах, а майор медицинской службы Александр Семенов и руководимые им санитары показали способы извлечения раненых из бронемашин и разрушенных зданий, оказания первой помощи пострадавшим в бою сослуживцам.

Запоминающееся по своей наглядности и достоверности занятие провели саперы. Руководил "разминированием" лесной дороги старший лейтенант Александр Куропятник, а помогали ему воины инженерно-саперного отделения во главе с младшим сержантом Иваном Зориным. В общем, было на что посмотреть и почерпнуть для себя немало полезного на всех без исключения учебных местах. Занятия получились показательными. Но отнюдь не показушными. Личный состав подразделений получил возможность перед грядущим "боем" обновить и пополнить свои знания и практические навыки, столь необходимые в боевой обстановке.

Второй этап БТУ уже близился к завершению, когда на одной из лесных тропок удалось перехватить командира батальона и узнать его мнение о ходе учения и действиях подчиненных.

— Только так, времени у нас — на одну сигарету, — закуривая, предупредил майор Владимир и спрятал в карман куртки портативную рацию. — Пока все идет нормально. Настроение у подчиненных бодрое, никто носа не вешает, каждый занят конкретным делом.

На марше выше всяких похвал действовали инструктор по вождению прапорщик Николай Щербина и водитель КШМ рядовой Виктор Иванов. Другие водители тоже молодцы. Уже здесь, на полигоне, четко, сла-

женно и организованно "воюют" подчиненные капитана Мустафы Мустафаева. Подготовка к предстоящему блокированию и ликвидации "бандформирования" идет полным ходом. По условиям учения только один взвод возглавит офицер — лейтенант Эдвард Сайдуллин, два других — старшие сержанты Андрей Артемкин и Александр Карепанов. Решено проверить, как будут самостоятельно действовать в боевых условиях младшие командиры. "Убитые" взводные, конечно, переживают за своих замов, но парни держатся молодцами. Дисциплина во взводах железная.

Застрашный день покажет, чему мы научились в зимнем периоде. Будем действовать, исходя из конкретно складывающейся обстановки. Вводных и сюрпризов руководители БТУ приготовили немало.

Погнялась зеленая ракета...

Утро последнего дня учений выдалось пасмурным и ветреным. Но ведь не зря говорят: у природы нет плохой погоды. Теперь можно добавить: и у войны тоже. В том смысле, что она не делает скидок на капризы погоды. Полевой военный лагерь замер в ожидании сигнала, давать который руководители БТУ почему-то не спешили.

Пока суд да дело, успеваю побеседовать с представителем управления боевой подготовки Главкомата полковником Юрием Зайцевым.

— Учения подобного масштаба, — рассказывает он, — в Приволжском округе внутренних войск проводятся впервые. Поэтому учиться приходится всем. Не случайно было принято ре-

шение о совмещении БТУ и показательных занятий, где, как вы сами видели, в качестве обучаемых действовали все категории военнослужащих — от рядовых до старших офицеров. Что можно сказать о минувших двух днях? Высокий профессионализм в ходе подготовки к БТУ показали офицеры управления части, ее штаба, особенно в разработке служебной документации. Уверенно командуют батальоном майор Андрей Владимиров и его заместители. Что касается ротных и взводных командиров, то некоторым из них пока приходится больше учиться самим, чем обучать солдат. Особенно умению управлять подразделениями в боевых условиях. Этот пробел и призваны восполнить учения.

Хорошо действуют солдаты и сержанты. Настроены у них боевой. На трудности не жалуются, старательно осваивают военную науку. А уж насколько успешно, увидим через пару часов, когда завершится "бой". Кстати, подразделения уже начали выдвигаться на рубеж развертывания...

Действительно, пункт временной дислокации ожил, с каждой минутой становясь все больше и больше похожим на растревоженный муравейник. Все, время вопросов и расспросов закончилось. Теперь события будут развиваться очень быстро и динамично.

Вот за небольшим бугорком притулились три Т-80, угрюмо-равнодушно (как и положено танкам) наблюдающие за всем происходящим на небольшом предлесном пятчке. Танкисты, устроившись на еще теплых крышках двигателей, ждут указаний.

Знакомимся. Командир танковой роты старший лейтенант

Михаил Ситников подружился с военнослужащими внутренних войск еще в Чечне. Участвовал в совместных боях и специальных операциях под Шали, Новыми и Старыми Атагами. Это боевое братство скреплено огнем и кровью. Командиры танков младшие сержанты Геннадий Кошелев и Алексей Попов в реальных боях не были, но в своем деле уже не новички, служба к завершению подходит.

— Для моих экипажей ваши учения — тоже хорошая школа. Наш полк после всех реорганизаций стал танковым, мотострелков убрали. Поэтому такие элементы, как взаимодействие с пехотой — передвижение, прикрытие друг друга, связь экипажей с подразделениями, тоже давно не отработывали. Так что будем притираться друг к другу, вместе ратную науку осваивать. Ваши вон уже пошли.

И действительно, батальон начал движение. Подбегаю к БТРу, рядом с которым, бросая последние взгляды на завершающих посадку подчиненных, стоит капитан Мустафаев. На вопрос: "Возьмешь с собой?" — он, немного подумав, коротко бросает: "Ладно, залезай".

Под броней за командирским местом расположился майор Алексей Климов. Сейчас он в роли посредника. Едва глаза успевают привыкнуть к полумраку внутри "коробочки", колонна начинает движение. Минуты — и вот уже машины, развернувшись, замирают на заданном рубеже. Из-под зилловских тентов и из люков БТРов выскакивает пехота, мгновенно рассыпаясь в цепь.

Зеленая ракета в воздух — и "боевая операция" началась! Две роты блокируют место ско-

пления "боевиков из бандформирования". Автоматчики, пулеметчики, гранатометчики, снайперы — все со своим штатным, готовым к бою оружием. Переваливаясь на ухабах и рытвинах, позади цепей движутся бронетранспортеры со снаряженным вооружением. Наверное, с высоты птичьего полета вся эта миниармада представляет впечатляющую картину. Но мне из открытого верхнего люка виден лишь участок поля между БТРами и бегущим взводом солдат.

Роты выходят на рубеж атаки, занимают позиции для стрельбы. БТРы подходят вплотную к лежащим на земле солдатам. Радист в командирской "коробочке" передает по взводам распоряжения капитана Мустафаева. В зенит устремляются красные ракеты.

Команду на открытие огня получают гранатометчики. В нескольких метрах от нашего броневичка боец с трубой на плече, припав на колени, принакает к прицелу. Грохот выстрела. Сразу за ним — еще и еще. Вдали, в поле, среди скопления "боевиков" встают султаны разрывов.

А радист уже передает в эфир новую команду, завершающуюся, впрочем, все тем же словом, которое связист повторяет как заклинание: "Огонь!.. Огонь!.."

В "бой" вступают экипажи БТРов. Воздух наполняется мерным таканьем ПКТ и солидным рокотом КПВТ. "Боевики" — выкрашенные темной зеленой краской мишени — как подрубленные валяются один за другим. Но дело пока сделано только наполовину. Часть "бандформирования" вышла из зоны обстрела и пытается скрыться. Тщетно. Рота капитана Мустафаева, усиленная спецназом и танковым

взводом, настигла "бандитов". Некоторое время воздух еще сотрясали выстрелы танковых пушек и ожесточенная перестрелка. Напавшее на военный склад "бандформирование" было уничтожено.

Над полигоном наконец-то установилось затишье. Теперь уже окончательное. БТУ с боевой стрельбой закончилось. Подчиненные майора Андрея Владимировича поставленную задачу выполнили на твердую четверку. В "боях" под Мулино и Богородском они показали хорошую боевую выучку и уверенное владение оружием.

**Майор
Игорь СОФРОНОВ**

Фото Александра
АЛЕКСАНДРОВА

*Приволжский округ
внутренних войск*

Лицом к проблеме

Обсуждаем статью генерал-майора П.Лысикова "Другого не дано, или Как изжить неуставщину"

КТО УДОБРЯЕТ ПОЧВУ С СОРНЯКАМИ ?

Статья, которая вот уже несколько месяцев обсуждается на страницах журнала, затрагивает, пожалуй, одну из самых злободневных армейских проблем. Со всеми мыслями, выводами автора согласен, как говорится, на все сто. Есть и свое видение путей борьбы с нашим хроническим недугом, основанное как на результатах современных психолого-социологических исследований, так и на собственном служебном опыте.

Вначале далеко не праздный вопрос: кто и как взрыхляет-удобряет почву, на которой буйно разрастается ядовитый дурнотрав?

Сообщения в СМИ о расстрелах караулов, о массовых уклонениях от военной службы, самоубийствах на почве дедовщины и других формах протеста

униженных и оскорбленных солдат вот уже который год будоражат умы и сердца людей, так или иначе соприкасающихся с повседневной жизнью войск. Такой интерес журналистов к ранее закрытой теме можно было бы только приветствовать. Ведь справедливая, объективная критика помогает органам власти и военному командованию лучше увидеть недостатки, перейти от констатации тревожных фактов к их анализу и принятию научно обоснованных решений. Но погодим с аплодисментами в адрес "радетелей". Только слепой не видит: во многих средствах массовой информации преобладают публикации и телепередачи, цель которых не оказание помощи силовым структурам, а подрыв их авторитета и статуса, формирование устойчивого негативного отношения к защитникам Отечества.

Вот, например, что пишет о

дедовщине в еженедельнике "Аргументы и факты" в статье "Дедушки и салабоны" корреспондент И.Попов: "Как ни далеко зашла современная медицинская мысль, а элементарный насморк, терзавший еще пещерного человека, по-прежнему лечится. Увы, неизлечим, вероятно, основной недуг отечественных Вооруженных сил — дедовщина. Меняются эпохи, но казарма на российский социально-политический календарско-плевать хотела — при любом режиме она диктует свои жесткие законы, которые пока не смог отменить ни один министр обороны. Редкий коротко остриженный солдатик избежит встречи с чугунными кулаками "дедушки"... Участь новобранцев нелегка, но ее можно облегчить, если знать, как вести себя в той или иной ситуации".

Далее автор статьи дает сове-

* На боевом посту, 1997, № 10

ты — не о том, как с этим злом бороться, а как приспособиться к новым условиям с меньшими издержками для себя.

“АиФ” — одно из самых массовых изданий в стране. А ежели приплюсовать к нему множество других газет, газеток, газетенки и брошюр с рекомендациями, как “закосить” от армии, что получаем в итоге? То-то и оно... И вот ведь парадокс: государство совершенно не реагирует на мощную антиармейскую информационно-пропагандистскую кампанию. Словно так и надо. Еще бы, гласность, демократия, свобода — все дозволено.

Эта информация к размышлению о недругах-разрушителях (идеологического “оппонента” надо знать в лицо). А теперь о наших — о созидателях, борцах с социальным злом в армейской среде, их опыте работы по укреплению здоровых основ воинской жизни. Вспоминаю свою службу в середине 80-х годов в одном отдаленном гарнизоне Забайкалья — в роте, которой командовал капитан А.Романенко. Это было одно из типичных подразделений региона с суровым климатом и массой социально-бытовых проблем (отопление, водоснабжение, заготовка овощей на зиму, оторванность от цивилизации и т.д.). Словом, медвежий угол, тмударакань. Но вопреки всем трудностям ротному удалось сплотить офицерский состав, сержантов в крепкое жизнестойкое ядро коллектива. Несмотря на собственные бытовые невзгоды офицеры почти ежедневно оставались допоздна в казарме, решая вопросы боевой службы и учебы, занимаясь воспитательной работой: совещания с младшими командирами и активом, подведение итогов, индивидуальные беседы с людьми, куль-

турно-массовые и спортивные мероприятия, а главное — постоянный анализ положения дел во взводах, состоянии воинской дисциплины, взаимоотношений солдат различных призывов, стремление предупредить конфликтные ситуации, взаимная помощь и поддержка. Все это приносило хорошие плоды. Рота по всем показателям была признана лучшей в соединении.

Единичный пример? Отнюдь. И в то “застойное” время правофланговых по пальцам не считали, и нынче в каждом округе — десятки таких воинских коллективов. В конце прошлого года я руководил группой курсантов пятого курса Новосибирского ВВКУ, проходивших стажировку в части, где командиром полковник И.Медведев. Можно сказать, выпускникам повезло: они на практике познакомились с опытом умелой работы по искоренению неуставщины. Проанализировав его при подведении итогов, вот на чем заострил внимание будущих офицеров. Успешному решению проблемы способствует ряд факторов. Во-первых, личный авторитет командира, основанный на строгой ровной требовательности в сочетании с заботой о подчиненных, повседневным влиянием на жизнь подразделений (учитесь, парни!). Во-вторых, действенные меры по предупреждению происшествий на почве дедовщины. В-третьих, жесткое реагирование на проступки военнослужащих: неотвратимость наказания; умение извлечь уроки и выводы из каждого нарушения уставного порядка. Не случайно многие курсанты-стажеры написали рапорта с просьбой направить их после окончания училища в эту часть.

А теперь вернемся к объективному трудностям: увы, жизнь за-

ставляет. И результаты научного анализа, и войсковая практика не дают повода для оптимизма. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на данные социологических исследований, проведенных недавно в Санкт-Петербургском и Саратовском военных институтах и Новосибирском училище внутренних войск. Среди опрошенных курсантов-выпускников не совсем уверены или сильно сомневаются в том, что после окончания вуза будут служить в войсках: в СПбВИ — 27,8, в СВИ — 26, в НВВКУ — 26,9 процента. То бишь в среднем каждый четвертый настроен сменить военную форму на гражданский костюм. Эта неутешительная цифра — к вопросу, какими силами бороться с неуставщиной, коль изначально, в стенах военной школы, редуют ряды тех, кто призван наводить и поддерживать уставной порядок в подразделениях.

Впрочем, и без научного анализа ясно: все проблемы в солдатской, офицерской, курсантской среде — звенья одной цепи. И пока не решим их в комплексе — сумеем изжить неуставщину лишь локально, на отдельных участках, при наличии железной воли и огромного желания командиров и офицеров воспитательных структур. А как победить зло в масштабе войск? Для этого необходимо только одно — государственный подход к проблеме, помощь, а не злопыхательские атаки со стороны СМИ. Другого не дано!

**Подполковник
Борис ФЕДОТОВ**

*Новосибирское ВВКУ
внутренних войск*

Льготы военнослужащим, проходящим службу в районах Крайнего Севера и других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями

На вопросы, поступающие от военнослужащих и членов их семей, отвечает офицер отдела правового обеспечения Главного командования внутренних войск МВД России майор Ю. ДУБОВСКИЙ.

Будет ли выплачиваться пенсия военнослужащему, который имеет право на пенсию по выслуге лет, но предельного возраста нахождения на военной службе не достиг?

В соответствии с пунктом "в" статьи 13 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, и их семей" (далее — закон о пенсионном обеспечении военнослужащих) единственным условием для получения права на пенсию за выслугу лет является 20-летний срок военной службы, в том числе в льготном исчислении. Обращаю внимание читателей: если основаниями для увольнения не являются организационно-штатные мероприятия или состояние здоровья, то в рассматриваемом случае уволенные военнослужащие не будут иметь права на ряд льгот,

таких, например, как оплата в размере 50 процентов жилой площади, коммунальных услуг и пользования телефоном.

Сохранится ли коэффициент к пенсии, выплачиваемой МВД России, при выезде из районов Крайнего Севера?

В соответствии с частью второй статьи 48 закона о пенсионном обеспечении военнослужащих с 1 января 1997 года за пенсионерами из числа военнослужащих, прослуживших в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях соответственно 15 и 20 календарных лет, которым пенсия была исчислена с применением районных коэффициентов, при выезде из этих районов и местностей на новое место жительства размер пенсии, исчисленной с учетом соответствующего коэффициента, сохраняется в порядке, определяемом постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. № 434 "О внесении изменений и дополнений в решения Правительства Российской Федерации по вопросам пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, налоговой полиции, и их семей".

Как исчисляется трудовой стаж жен военнослужащих, проходящих военную службу в районах Крайнего Севера?

В соответствии с частью второй статьи 25 Закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 г.

№ 4520-I "О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях" (далее — закон о государственных гарантиях) женщинам, имеющим двух и более детей, пенсии устанавливаются по достижении 50 лет при общем трудовом стаже 20 лет, если они проработали не менее 12 календарных лет в районах Крайнего Севера или не менее 17 календарных лет в приравненных к ним местностях. При этом необходимо иметь в виду, что льгота, предусмотренная пунктом 4 статьи 10 Закона Российской Федерации "О статусе военнослужащих" для жен военнослужащих на включение в стаж их работы для назначения пенсии времени их проживания с мужьями в местностях, где они не могли работать по специальности в связи с отсутствием возможности трудоустройства, предусматривает включение этого времени только в общий трудовой стаж. Причем на основании статьи 93 Закона Российской Федерации "О государственных пенсиях в РСФСР" (в редакции от 5 мая 1997 г.) в общий трудовой стаж засчитывается лишь фактическое время их проживания с мужьями в указанных местностях и поэтому в полуторном размере (т.е. на основании статьи 28 закона о государственных гарантиях) исчислено быть не может. Если же жена военнослужащего работала, то время, в течение которого она фактически проживала с мужем, будет включено в общий трудовой стаж в полуторном размере.

Какие местности относятся к отдаленным и с тяжелыми климатическими условиями?

Перечень отдаленных местностей Российской Федерации, в которых военная служба засчитывается на льготных условиях в выслугу лет для назначения пенсий, дан в приложении № 1 к постановлению Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 22 сентября 1993 г. № 941 (в редакции постановления от 20 февраля 1995 г. № 154).

Каким образом возмещаются расходы при выезде из районов Крайнего Севера?

В соответствии с пунктом 1 постановления Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 11 августа 1992 г. № 572 "О компенсации расходов, связанных с выездом из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей" (в редакции постановления от 2 ноября 1992 г. № 840) установлено, что гражданам, переселя-

ющимся из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, компенсируются расходы, связанные с выездом в размере произведенных транспортных затрат, включая перевозку личного имущества до 1000 кг на выезжающего и каждого члена его семьи.

Разрешена ли оплата перевозки личного имущества военнослужащих в пункты, где единственным видом транспорта является воздушный?

При перевозке личного имущества, когда воздушный транспорт является единственным, по желанию военнослужащих перевозка имущества может быть осуществлена багажом от ближайшего аэропорта из расчета до 75 кг на каждого выезжающего члена семьи. Право на оплату перевозки личного имущества в универсальных контейнерах в этом случае за счет средств МВД России не предоставляется (приказ МВД России от 17 ноября 1994 г. № 309).

Военнослужащий направляется для прохождения военной службы в районы Крайнего Севера или приравненные к ним, должен ли он сдать квартиру воинской части или имеет право сохранить ее за собой?

В соответствии с пунктом 8 статьи 15 Закона Российской Федерации "О статусе военнослужащих" за военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, направленными для прохождения военной службы за границу, в районы Крайнего Севера и другие местности с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, занимаемые ими жилые помещения в домах государственного, муниципального и ведомственного жилищных фондов бронируются на все время их пребывания за границей или в указанных районах и местностях. Военнослужащим, за которыми бронируются жилые помещения, на новом месте военной службы предоставляются служебные жилые помещения или общежития.

Социальная адаптация

КАЖДОМУ, КАЖДОМУ
В ЛУЧШЕЕ ВЕРИТСЯ...

Меня уволили. Точнее, я сам уволился — отслужив положенное, ушел на гражданку искать сытую жизнь. Слышал, что там не мед, но надоело жить от зарплаты до зарплаты, отказывая себе и близким своим даже в необходимом. К тому же возраст. Сорокалетних отставников еще берут на работу. На тех, кто постарше, смотрят с подозрением...

Те товарищи, кто ушли раньше, предупреждали: уходить, как в омут головой, нельзя. Надо готовить базу — искать работу, овладеть новой профессией, получать практику. Не послушался, ушел без подготовки, и, как результат, попытки зайти в сытую жизнь с улицы успехом не увенчались. Там, где брали, работать не хотелось. Там, где хотелось работать, не брали. «А ты поезжай в центр переподготовки, — посоветовал мне один знакомый

офицер. — Может, там тебе помогут». Дал адрес — Садово-Сухаревская, 16, и телефон — 208-61-57.

Оказалось, Главный центр переподготовки военнослужащих внутренних войск и членов их семей (ГЦПВВ) находится в здании Министерства общего и профессионального образования. Вообще-то, центр — громко сказано. Комната на первом этаже. Стучу в дверь под номером «5» — никто не отвечает. Странно, прежде чем отправиться сюда, позвонил и договорился о встрече. Подергав для верности за ручку, собрался уж было уходить — вахтерша из сопредельного ведомства останавливает.

— Они были сегодня, — говорит она. — Девушка их только только вышла. Без пальто. Значит, вернется. Посидите, подождите.

И точно — «их» девушка скоро вернулась.

— Вы к нам? Проходите, пожалуйста.

Кабинет секретаря, он же приемная, располагает к спокойному, обстоятельному разговору — стильная офисная мебель, современный интерьер, обязательный атрибут подобного рода заведений — компьютер.

— Не волнуйтесь. Расскажите о себе.

Рассказываю: закончил славный путь в рядах внутренних войск. Пенсионер. Показываю диплом об окончании Саратовского высшего военного командного училища внутренних войск МВД России им. Ф.Э.Дзержинского. В нем указана моя специальность — «офицер мотострелковых войск с высшим общим образованием». Ах да, есть еще водительское удостоверение, в котором стоит штампик «Без

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

права работы по найму". Вот такой специалист.

Секретарша внимательно выслушала мой рассказ:

— Вам бы лучше поговорить с заместителем нашего директора — Авдюшиным Игорем Александровичем. Кадровые вопросы в его ведении. Я же, если хотите, расскажу вам, чем занимается наше учреждение...

Девушка вкратце поведала мне, что приоритетная задача центра — переподготовка увольняемых и уволенных в запас военнослужащих, членов их семей. Основная форма обучения — дистанционная — является модифицированной формой заочного образования, основанной на применении новейших учебных технологий, средств связи и передачи информации. Учебный процесс проходит следующим образом — слушатель получает на руки конспекты по всем предметам специальности, диски и занимается самостоятельно. В случае необходимости он может получить консультацию у преподавателя. По завершении 6 месяцев учебы проводятся экзамены. Выдержавшему испытание выдается диплом государственного образца.

Сотрудница центра любезно представила мне возможность ознакомиться с учебной литературой, выставленной на стендах, в соседнем, директорском, кабинете. Одну за другой беру с полки методички. "Психология деловых отношений". "Основы бизнеса". "Управление персоналом". "Маркетинг". "Основы менеджмента"...

За изучением брошюр и стал меня вернувшийся с деловой встречи заместитель директора центра переподготовки.

Знакомимся.

— Мне кажется, — Игорь Александрович всматривается в мое лицо, — мы с вами где-то встретились.

Вполне возможно. Авдюшин в недалеком прошлом офицер гвардии. А там мне приходилось бывать не раз. Заместитель ди-

ректора без долгих предисловий перешел к делу.

Центр переподготовки предоставляет возможность увольняемым в запас или отставку офицерам, а также членам их семей получить дополнительное образование и специальность без отрыва от военной службы, независимо от возраста и места проживания. Воспользоваться ею могут и отставники.

— Обучение, как правило, платное, — подчеркнул Игорь Александрович, — но существует система скидок и льгот.

Прошу Игоря Александровича огласить перечень специальностей, которые я могу приобрести при посредничестве центра.

— Сейчас мы набираем группу из уже уволенных военнослужащих в возрасте до 45 лет для обучения в Российской экономической академии им. Г.В.Плеханова по специализации "менеджмент предпринимательской деятельности". Обучение бесплатное. Все расходы берет на себя Департамент труда и занятости. Проект будет осуществляться под эгидой Московской международной высшей школы бизнеса "МИРБИС".

Второе направление — подготовка специалистов по информационной безопасности. В Российской государственной академии. Срок обучения — две недели. Ориентировочная стоимость обучения 4,5-5 миллионов рублей.

Третье направление — заочное (дистанционное) обучение в Московском международном университете бизнеса и информационных технологий при МЭСИ. Срок обучения — 6 месяцев. Стоимость — около 3,5 миллиона рублей. Специализация — менеджмент в малом и среднем бизнесе, производственный менеджмент, менеджмент в области рекламы и связи с общественностью.

Еще одно направление — четвертое — подготовка по специальности "Персональный менеджмент" и "Юриспруденция" в

Московском Государственном университете экономики и статистики. Стоимость обучения — 5 миллионов рублей. 1,5 миллиона рублей платит центр, 2,6 миллиона рублей — Министерство труда и занятости и 900 тысяч — обучаемый.

Мне тут же было предложено выбрать любое из интересующих меня направлений, но я от поспешного выбора отказался. Игорь Александрович занес мою фамилию в книгу регистрации обратившихся за помощью в центр переподготовки под номером "29". Договорились, когда определюсь с выбором, звоню. Если появятся еще какие-либо интересные предложения, меня поставят в известность. На том и расстались.

Возможности и желания

Безусловно, дело, которым занимается ГЦПВВ, благородное. Его немногочисленные сотрудники в компании с заинтересованными лицами и учреждениями разрабатывают программы и перечень специальностей для лиц, имеющих среднее (среднее специальное) образование, которым по итогам обучения выдается свидетельство государственного образца о профессиональной подготовке по современным специальностям. Пока центр только оказывает содействие в трудоустройстве. В перспективе — трудоустроивает прошедших переподготовку. Прорабатывается вопрос о создании региональных центров переподготовки в городах Пермь, Саратов, Эссен-туки, Санкт-Петербург, Новосибирск.

Проблема уволенных и увольняемых в запас военнослужащих весьма серьезна, чтобы не замечать ее. В текущем 1998 году только численность Вооруженных сил Российской Федерации планируется сократить до 1,2 миллиона человек. Увольнению подлежат свыше 100 тысяч офицеров. Из них почти 60 процен-

тов не имеют права на пенсию и 70 процентов не имеют гражданской специальности. По закону всем им необходимо выплачивать выходное пособие в размере 20 должностных окладов, не имеющим квартир — предоставить их, уволенным по выслуге лет должна быть назначена соответствующая пенсия, желающим обеспечена переподготовка по гражданским специальностям.

Во внутренних войсках число увольняемых на порядок ниже, чем в армии, но возникающих в связи с этим проблем не меньше.

Многие увольняемые — как правило, трудоспособные люди, чей средний возраст не превышает 45 лет, имеющие высшее образование, обладающие высокой профессиональной подготовкой и хорошими деловыми качествами. Они могут эффективно трудиться и внести значительный вклад в дело предприятия или фирмы, которые пожелают воспользоваться их услугами.

Объективности ради заметим: несмотря на высокий уровень образования и профессиональной квалификации, этой категории увольняемых будет нелегко найти работу на рынке труда в Москве и тем более в Подмоскowie, где сложилась острейшая ситуация с избыточной численностью работников военно-промышленного комплекса и других отраслей экономики. Да и на периферии дела с трудоустройством будут обстоять не лучше.

Жизнь подсказывает, что получить специальность проще, чем рабочее место. Вопрос напрашивается сам собой: а может, приоритетной задачей должно стать трудоустройство?

Деньги утром — стулья днем

Нельзя сказать, что проблема увольняемых в запас и отставку военнослужащих появилась внезапно и застала государство врасплох. Еще в 91-м российский президент Б.Н.Ельцин подписал распоряжение о перепод-

готовке офицеров, увольняемых в запас в связи с сокращением Вооруженных сил. Напомню, этим распоряжением предписывалось — в целях социальной защиты офицеров, увольняемых в запас в связи с сокращением Вооруженных сил, оказания им государственной поддержки в переподготовке по специальностям, необходимым в условиях рыночной экономики, и их трудоустройстве — принять предложение Совета Министров РСФСР о создании Всероссийского центра переподготовки увольняемых в запас офицеров.

Для организации работы указанного центра предписывалось создать Координационный совет.

Постановлением правительства такой совет был создан. Он здравствует и поныне. На него возложена задача подготовки и внесения для рассмотрения Правительством Российской Федерации проектов государственных программ переподготовки и трудоустройства офицеров, увольняемых в запас, согласование действий государственных, общественных и иных органов и организаций, участвующих в их реализации. Этим же постановлением было предписано образовать Всероссийский центр переподготовки офицеров, увольняемых в запас, действующий как государственное предприятие на условиях хозрасчета и самофинансирования, доходы которого направляются для организации и проведения переподготовки и трудоустройства офицеров, увольняемых в запас в связи с сокращением Вооруженных сил по специальностям, необходимым в условиях рыночной экономики.

После знаменательного акта российского президента документов разного рода было принято немало. Все они подготовлены специалистами, прошли необходимую обкатку в различного рода инстанциях. Но об их воплощении в жизнь говорить пока не приходится.

Под любой проект нужны день-

ги. Денег же нет. Реализация вышеупомянутой программы планировалась в основном за счет внебюджетных средств — а этот источник слабенький, поступления из него не гарантированы.

Вот почему Координационный совет по проблемам переподготовки офицеров, увольняемых в запас, при Правительстве Российской Федерации намерен обратиться к президенту с просьбой — “разбронировать из Госрезерва материалы на сумму, предусмотренную программой”.

Петр АЛЕКСЕЕВ

От автора. Если помните, дорогой читатель, мой материал начинался словами: “Меня уволили. Точнее, я сам уволился”. Так вот, никто меня не увольнял, и я продолжаю служить. В центре переподготовки представлялся пенсионером для того, чтобы хотя бы приблизительно почувствовать то, что чувствует уволенный с военной службы офицер. Для чистоты же эксперимента назвал только одну свою военную специальность — среди подавляющего количества моих однокашников по училищу она была и остается одна-единственная.

Скажу, эксперимент удался. Мне знакомы теперь те чувства, которые испытывает военный, оказавшись за воротами части, — неопределенность, неустроенность, неуверенность в завтрашнем дне. Возможно, завтра отставники будут переходить в мирную жизнь плавно, легко, без нервных потрясений. Но не сегодня. Пока их никто на гражданке не ждет.

А сотрудникам центра переподготовки — большое спасибо. В это нелегкое время они делают для устройства офицерских судеб то, что могут. Делали бы и больше, но не все от них зависит.

Провокация: кому это выгодно?

БОЛЕВОЙ ШОК

или Послесловие к "телеправде" от ОРТ

Когда длительное время в регионе не случается столь лакомых для всякого журналиста сенсаций, то их следует... изобретать. Замешивая в одном котле хоть и реальные, но тем не менее никак не связанные между собой, кроме внешней созвучности, факты. Похоже, именно такое малопристойное кредо, наравне с "желтой" прессой, начали исповедовать в своей профессиональной деятельности и представители калининградского корпункта Общественного российского телевидения. Убедительное доказательство — снятый и озвученный разоблачительный сюжет, который был продемонстрирован 5 марта в программе "Время" и своей убийственной "правдой" вверг в шок миллионы телезрителей. Его суть заключалась в следующем: в Калининграде умер солдат внутренних войск, и смерть его целиком на совести руководства местного флотского госпиталя, якобы категорически отказавшего принять на стационарное лечение от бригады "Скорой помощи" военнослужащего "чужого" ведомства (не Министерства обороны, а МВД).

Смерть — всегда трагедия

Рядовой Денис Спиридонов был призван во внутренние войска 10 декабря 1997 года из города Луга, что под Санкт-Петербургом. Служить попал в Калининград. Уже на момент прибытия в часть выделялся среди других новобранцев острым дефицитом веса. Регулярное недоедание в сегодняшней России — явление для многих семей, к прискорбию, более чем типичное. А парень, судя по

всему, ушел на срочную именно из такой малообеспеченной семьи.

На небогатырское здоровье новичка отцы-командиры сразу обратили внимание. Было принято решение не направлять его в боевые подразделения полка. Для личного состава батальона оперативного назначения предусмотрена интенсивная боевая учеба. В специальном моторизованном батальоне, солдаты которого несут патрульную службу, служебная нагрузка большая. Ему нашлось иное приме-

нение — был зачислен в единственную стрелковую роту, которая периодически привлекается к выполнению конвойных функций. Служба здесь тоже далеко не из легких, но повседневные физические нагрузки, по сравнению с другими штатными подразделениями, значительно ниже.

Впоследствии приказом по полку солдат был определен в группу военнослужащих с недостаточной массой тела, которым полагается усиленное питание.

В общем, беды ничто не предвещало. Рядовой Спиридонов, как и остальные его сослуживцы, ежечасно, если не сказать ежеминутно, находился под отеческой опекой своих начальников. Забота о солдате была проявлена ими и утром 17 февраля. В этот день по возвращении с утренней физической зарядки он вдруг пожаловался на внезапно возникшее физическое недомогание. Его без промедления в сопровождении сержанта отправили в полковой медицинский пункт.

Медики к жалобам солдата отнеслись внимательно, но каких-либо серьезных отклонений, за исключением дефицита веса, в здоровье Дениса не выявили: температура не повышенная, легкие чистые, дыхание ровное... В общем, ограничились сугубо профилактическими ме-

рами: дали временное освобождение от посещения физзарядки и занятий по физической подготовке.

Выполняя наставления медиков, солдат практически весь день на правах амбулаторного больного провел в теплом помещении ротной казармы. Состояние его здоровья, по внешним проявлениям, не вызывало у командиров и сослуживцев каких-либо опасений. Но где-то приблизительно в 21.30 этих суток он заставил всех окружающих серьезно поволноваться: внезапно, без каких-либо видимых причин впал в состояние, именуемое медиками психомоторным возбуждением. А если выражаться по-простонародному — приключился припадок. Раньше с ним ничего подобного в течение всего времени пребывания на военной службе не происходило. По крайней мере, при свидетелях.

Дежурный фельдшер полкового медпункта прапорщик Валентина Бизунович, на чьем попечении Денис оказался в этот поздний час, заподозрила отравление психотропными препаратами. Такой эффект, уточним, последние дают, когда потенциальные жертвы употребляют их без каких-либо санкций и рекомендаций врача. Рядовому Д. Спиридонову во время утреннего амбулаторного приема они прописаны не были и на руки не выдавались. Но нельзя исключить, что он мог их иметь у себя, что называется, нелегально.

Использование соответствующих медикаментозных методик видимого облегчения больному не принесло. Пришлось по "03" вызывать "скорую". Сопроводить Дениса до места госпитализации выпало все той же Валентине Бизунович.

Бригада "Скорой помощи" решила прежде всего показать солдата, не переставшего биться в припадке, специалистам областной психиатрической больницы. Путь туда не долгий, всего минут десять — пятнадцать. Причем много времени не занял и осмотр Дениса дежурными врачами "психиатрички". "Это не наш больной!" — было их однозначное резюме.

Машина с включенными проблесковыми маячками на максимальной скорости вновь мчалась в ночь. На этот раз она взяла курс в больницу "Скорой помощи". Выбирать иное место госпитализации уже просто не было времени — солдат так же внезапно, как поддался припадку, начал впадать в бессознательное состояние.

Он умер вечером 19 февраля в реанимационной палате, в которую был помещен двое суток назад. Все это время врачи днем и ночью самоотверженно боролись за его жизнь. На вскрытии обнаружилась причина смерти: "а) острая легочно-сердечная недостаточность; б) двусторонняя тотальная крупозная пневмония". Однако медики, делающие все, что было в их силах, практически до последнего вздоха больного бились над разгадкой болезни, сразившей их пациента. Ибо каких-либо общеизвестных клинических проявлений воспаления легких, в частности повышенной температуры, у него вплоть до 19 февраля не наблюдалось. Даже на флюорографических снимках, сделанных в первые же часы госпитализации, ярко выраженные признаки пневмонии отсутствовали. По крайней мере медикам, изучавшим тогда эти снимки, они ничего вселяющего тревогу не сообщили.

Спекулировать на человеческом горе — аморально

Сегодня прокурор гарнизона подполковник юстиции Леонид Писаренко отказывается делать какие-либо предварительные выводы. Это и понятно — обстоятельное расследование уголовного дела, возбужденного по факту гибели солдата, не закончено. Многие еще не ясно даже самим военным медикам. В частности, чем была вызвана та двусторонняя тотальная крупозная пневмония и почему она протекала без характерных клинических проявлений: крайне редкий для современной медицины клинический случай или, может быть, налицо банальная халатность, проявленная медперсоналом, принимавшим участие в спасении больного? Во многом ответить на эти вопросы сможет (по крайней мере, следствии на это очень надеется) назначенная военной прокуратурой гарнизона комиссия судебно-медицинская экспертиза.

Очевиден и неоспорим для Леонида Дмитриевича лишь факт, которым, делая ссылки на официальные документы следствия, он и поделился. Рядовой внутренних войск Денис Спиридонов никогда не доставлялся в местный военный госпиталь Балтийского флота, где, если верить заявлению калининградских корреспондентов ОРТ, ему якобы по причине принадлежности к "чужому" ведомству было отказано в срочной медицинской помощи, что (опять же якобы) и повлекло за собой смерть солдата...

Свое искреннее возмущение и негодование подтасовкой фактов, до которой опустились телевизионщики с ОРТ, через свой пресс-центр выразило и

командование дважды Краснознаменного Балтийского флота. В распространенном в местных СМИ официальном заявлении, в частности, говорится: "Поскольку абсолютно точно установлено, что в госпиталь БФ Спиридонов не доставлялся и сопровождающие его медработники части туда не обращались, пресс-центр БФ заявляет, что в сообщении ОРТ допущены клеветнические измышления, порочащие честь и достоинство конкретных должностных лиц медицинской службы Балтийского флота, которые оставляют за собой право в случае отказа обнародовать опровержение и обратиться в суд".

Вполне справедливая и достойная позиция — профессиональная нечистоплотность журналистов, которая в данном случае по своей сути равноценна откровенной подлости, должна быть публично изобличена. А сами эти репортеры, сознательно преступившие нормы профессиональной и общечеловеческой этики, привлечены к строгой ответственности...

Кстати, о профессиональной ответственности. При подготовке того самого "жареного" телесюжета представители ОРТ даже не сочли нужным затребовать какие-либо комментарии и разъяснения у первых лиц командования калининградской части внутренних войск, хотя у ворот части (причем в святой для каждого военного человека день 23 февраля) появились. Появились, чтобы тайком, всячески стремясь при этом не привлечь к себе внимания военных, снять на видеопленку въездные ворота, а также табличку с номером воинской части, прикрепленную традиционно на видном месте у КПП. Правда, улизнуть незамеченными им тогда все же

не удалось. Объяснений о причине производства несанкционированной видеосъемки военного объекта у них потребовал вышедший к ним навстречу заместитель командира полка по работе с личным составом подполковник Валерий Волковский. Ограничившись общими, а потому голословными заверениями, что не преследуют-де никаких неблагоприятных целей, едва ли не бегом поспешили к автомобилю и — скорей, что называется, по газам...

Думается, что этот небольшой, но выразительный эпизод более чем убедительно показывает, что смысловые искажения, сделавшие видеосюжет тривиальной уткой, вряд ли являются какой-то досадной технической оплошностью его авторов, вызванной характерной для репортерской работы спешкой. Очень уж очевидны сознательные подтасовки и стремление всячески избежать встречи с реальными фактами на пути к долгожданному телеэкрану.

Что осталось за кадром

На сегодня действительно отсутствует нормативно установленный правительством механизм взаиморасчетов между медицинскими службами Министерства обороны и других министерств и ведомств, в которых законом предусмотрено прохождение военной службы.

Да, проблема действительно остро стоит на повестке дня. Но поднять ее на федеральный уровень представители калининградского корпункта ОРТ неуклюже пытались нецивилизованным приемом, спекулируя на смерти солдата и представляя эдакими эскулапами-убийцами ни в чем не повинных людей.

В Калининградской области

свои военные госпитали имеет только служба Балтфлота. Во все прежние годы наравне с флотскими в них проходили плановое лечение и военнослужащие из местных воинских коллективов Федеральной пограничной службы и Министерства внутренних дел. Однако с 1998 года медслужбой БФ всем им было официально отказано в этой услуге. Отказано до тех пор, пока медслужба каждого из этих ведомств не сочтет нужным в индивидуальном порядке заключить с медслужбой Балтфлота договор, предусматривающий среди прочего условия и порядок взаиморасчетов за предоставление медицинских услуг флотскими медиками их военнослужащим и членам семей. Однако отказ лечить до заключения соответствующих межведомственных договоров "чужих" военнослужащих, по публично высказанному заверению пресс-центра БФ, не распространяется на "больных, нуждающихся в неотложной медицинской помощи". Таких пациентов лечебные учреждения флота "принимали и принимают безоговорочно". Правда, какими-либо фактами флотский пресс-центр эти слова не подкрепил.

Сложилась интересная ситуация. Законом вроде и предусмотрено, что любой военнослужащий имеет право на бесплатное медицинское обслуживание, но вот где, когда и в какое время его "обслужат", не всегда ясно. Сейчас-то мы знаем, что в самом деле ничего бесплатного не бывает. И вполне понятно, что необходимо наводить порядок в межведомственных хозяйственно-финансовых отношениях. Но почему обязательно только скальпелем, с кровью разделять служивых силовых министерств,

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

которые за годы социализма стали сиамскими близнецами?

Начало положено неким документом, датированным концом 1997 года и подписанным начальником Главного военно-медицинского управления МО генерал-лейтенантом медицинской службы Ю.Погодиным. В нем, если верить прессе, в поле зрения которой он недавно попал, в частности, говорится: "При оказании медицинской помощи военнослужащим других министерств и ведомств (ФПС, МВД, МЧС, ФСБ и других) после 1 января 1998 года строго руководствоваться решением начальника тыла Вооруженных сил — заместителя министра обороны РФ". И далее о сути того самого решения: "В целях своевременного проведения взаиморасчетов разрешается заключать договоры сроком на один год с командованием округов, соединений, региональных управлений и центров этих министерств и ведомств с зачислением поступающих по договорам денежных средств непосредственно на счета финансово-экономического управления округа флота, медицинского учреждения для восстановления соответствующих статей сметы Минобороны России.

Стоимость одного койко-дня в госпитале для военнослужащего, включая питание, — 60 деноминированных рублей, одного обращения к врачу в поликлинику — 6,3 рубля".

Всего лишь одним росчерком пера "чужие" для Минобороны военнослужащие оказались вытесненными за правовое поле 16-й статьи Закона РФ "О статусе военнослужащих". А она-то, как известно, и гарантирует им право на бесплатную медицинскую помощь в военно-медицинских учреждениях. Подмахнуть

такую бумажку гораздо проще, нежели вместе с коллегами искать разрешение этой в буквальном смысле слова жизненной проблемы на правительственном уровне.

Какие же последствия, оставшиеся за кадром того "жареного" телесюжета, повлекла для калининградского полка внутренних войск та поправшая закон минобороновская инициатива? По словам подполковника Валерия Волковского, полк вынужден лечить госпитальных больных воинов-срочников в стенах мало приспособленного для этого полкового медпункта. Мало приспособленного потому, что его помещения сами давно нуждаются в немедленных "реанимационных мероприятиях", в реконструкции и расширении. Но на все это нет средств. Как, впрочем, нет их и на заключение соответствующих договоров с местными медучреждениями БФ и Минздрава. Вот, для полноты картины, краткие выдержки из акта, составленного по требованию командования полка компетентной комиссией от медицинского отдела УВД Калининградской области в феврале 1998 года: "Все кабинеты (полкового медпункта) по площади не отвечают санитарным требованиям... Отсутствуют изолятор, кабинеты врачей; в нарушение существующих норм физиокабинет совмещен с лабораторией. Практически отсутствует лабораторное оборудование... В медслужбе две палаты на 13 коек, в том числе четыре двухъярусные кровати, что недопустимо (год назад со второго яруса упал больной и получил травму глаза). В этих помещениях в нарушение противоэпидемических, гигиенических правил размещены больные — с нарушением психики, ангиной, эпидемическим пароти-

том... Нуждаются в срочной госпитализации еще шесть человек (с обострением гастрита, с ОРЗ...) — лежат в казармах... Одна из палат очень сырая — угол в черной плесени".

Медицинский отдел областного УВД, имеющий собственную поликлинику и больницу, оказать полку мало-мальски действенную помощь в стационарном лечении военнослужащих срочной службы, к сожалению, не может. Исключительно только в лечении амбулаторном. Причина — дефицит койко-мест. Их здесь всего 60, чего не достаточно даже для плановой госпитализации сотрудников и ветеранов (с их семьями) местных подразделений внутренних дел.

Конечно, больных из числа солдат и сержантов срочной службы с непростым диагнозом или сложной формой болезни медики отправляют на лечение в Санкт-Петербург, в госпиталь Северо-Западного округа ВВ МВД России. Невзирая на огромные транспортные расходы. Однако этот вариант абсолютно неприемлем для особо экстренных случаев, аналогичных трагическому прецеденту с рядовым Д.Спиридоновым.

**Майор милиции
Юрий РЖЕВЦЕВ,
специально для журнала
"На боевом посту"**

Калининград

Незабываемое

ТРИ ВСТРЕЧИ С МАРШАЛОМ ЖУКОВЫМ

Федор Коптев, 40-е годы

Большой жизненный путь прошел участник Великой Отечественной войны полковник в отставке Федор Григорьевич Коптев. На военную службу в войска НКВД его призвали в далеком 1936-м. В начале войны он уже старший политрук и помощник военного комиссара войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта. Участвовал в героической обороне невской твердыни, прорыве блокадного кольца, восстановлении советско-финской границы.

В 50-е годы, после окончания Военного института МГБ, служил за границей, как тогда говорили, на передних рубежах социалистического содружества. Ему было доверено командовать необычной воинской частью — 105-м пограничным полком, который дислоцировался (где бы вы думали?)... в самом Берлине. Затем был помощником первого заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника С.Н. Переверткина, возглавлял оргмоботдел Главного управления внутренних войск, внутренней и конвойной охраны МООП РСФСР. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 2-й степени и девятнадцатью медалями, среди которых одна из наиболее почитаемых фронтовиками — «За боевые заслуги».

Что помнит сегодня Федор Григорьевич о той далекой для нас войне? Оказывается, почти все: имена сослуживцев, детали каждой боевой операции, в которых довелось участвовать. Но самый глубокий след в памяти оставили встречи с легендарным полководцем маршалом Г.К. Жуковым.

В субботу, 21 июня 1941 года, мой непосредственный начальник бригадный комиссар Сергей Ильич Гусаров (он возглавлял политотдел Ленинградского погранокруга, а я состоял при нем порученцем) предложил провести

выходной с семьями на природе под Сестрорецком. Но воскресному загородному отдыху не суждено было состояться. Рано утром меня разбудил резкий телефонный звонок. В трубке раздался встревоженный голос Гусарова:

— Срочно собирайся и приходи на службу.

— А что случилось, товарищ бригадный комиссар? — спросил я спросонья.

— Приедешь — узнаешь.

В управлении погранокруга царил суета. По телефонам от-

давались распоряжения и принимались доклады с участков границы, по коридорам сновали штабисты с документами, окна закрывали светомаскировочными шторами.

Война...

Враг рвался к Ленинграду: с севера — финны, с запада — гитлеровцы. Городу грозила блокада. К осени было сформировано Управление войск НКВД по охране тыла Ленинградского фронта, которому подчинили части пограничных и внутренних войск округа. Меня назначили помощником военного комиссара войск НКВД по охране фронтового тыла.

Жители города, стиснутого блокадой, изнуренного бомбежками и артобстрелами, обессиленного голодом, и не помышляли ни о какой сдаче врагу. Все было подчинено одной цели — выстоять и победить. Наконец пришел долгожданный день прорыва блокады и перехода войск Ленинградского фронта в решительное наступление. Все мы, защитники города на Неве, эти успехи связывали с маршалом Георгием Константиновичем Жуковым. Под его руководством была хорошо спланирована и безукоризненно проведена силами Ленинградского и Волховского фронтов стратегическая операция по прорыву блокады. Группировка немецких войск потерпела поражение и повернула вспять. Отступая, гитлеровцы разрушали мосты, дороги, сжигали деревни. Делалось это с единственной целью — застопорить наступление наших войск.

В это время и произошла моя первая встреча с маршалом Жуковым. И вот при каких обстоятельствах. Путь нашим войскам, наступавшим в район Прибалтики, преграждала река Нарва. Через нее спешно был наведен понтонный мост, по которому пошли боевая техника, колонны машин с боеприпасами, живая сила. Наша часть обеспечивала охрану переправы. А мне было

поручено контролировать организованный проход огромной массы войск через мост на другой берег реки.

Вдруг колонна внезапно остановилась. Как оказалось, на самой середине моста застрял автомобиль и заблокировал все движение. У него отказал мотор. Наступило замешательство, грозившее перерасти в столпотворение. В моей голове промелькнула мысль: «Если сейчас налетят вражеские бомбардировщики, то тут-то нам всем и крышка».

В этот момент к переправе стремительно подрулил легкой автомобиль. Из него вышел человек в глубоко надвинутой на глаза фуражке. Это был Жуков.

— Почему остановилась колонна? — спросил он сурово.

Я подбежал к маршалу и доложил, что на середине моста остановился тяжело нагруженный неисправный автомобиль и перекрыл все движение. Тогда маршал Жуков приказал немедленно сбросить грузовик с моста в реку. Я быстро передал его приказ. В считанные минуты злосчастная машина была сброшена с моста и скрылась в водной пучине. А колонна советских войск вновь потекла по мосту — на освобождение Прибалтийских республик.

Вторая встреча с прославленным военачальником состоялась у меня после войны. Будучи подполковником, я командовал 105-м отдельным пограничным полком. Он дислоцировался в Берлине и выполнял задачи по охране особо важных объектов, в том числе и советского посольства.

В тот период мой полк неоднократно привлекался к участию в учениях, проходивших под руководством главнокомандующего Группой советских войск в Германии будущего министра обороны СССР маршала А.А. Гречко. Набиравшая обороты холодная война постоянно требовала от каждой из противоборствующих

сторон демонстрации превосходства друг над другом. Боеготовность частей и соединений ГСВГ поддерживалась частыми и изнурительными полевыми учениями. Но мы на трудности не роптали. Понимали: это нужно для поддержания мира и стабильности в послевоенной Европе.

На последних для меня показных войсковых учениях я действовал в качестве командира оборонявшейся дивизии. Организация обороны и строительство укреплений осуществлялись на бывшем магдебургском артиллерийском полигоне. С планом учений меня ознакомил главнокомандующий Гречко. Он обратил особое внимание на соблюдение личным составом повышенных мер безопасности. Предупреждение было не лишним, так как в рядах наступавшего на наши позиции «противника» принимала участие полнокровная танковая дивизия. Хотя условия учений и были максимально приближены к боевым, ни о каких потерях в личном составе не могло быть и речи.

Но как уберечь людей от всяких неожиданностей, случившихся порой на подобных крупномасштабных учениях? Решение только одно — чтобы под тяжестью танков не рухнули окопы, блиндажи и огневые точки обороняющейся стороны и не похоронили под собой людей, их необходимо максимально укрепить. Но чем? Вокруг полигона стоял лес. Что, если вырубить часть деревьев и бревнами усилить прочность оборонительных сооружений?

Со своими соображениями на этот счет я обратился к маршалу Гречко и получил разрешение на рубку леса в районе полигона. После того как все блиндажи и окопы были основательно укреплены бревнами, мы проверили их на прочность — обкатали целой ротой танков. Сооружения выдержали своеобразный экзамен. Убедившись в том, что безопасность укрытого в них лично-

го состава гарантирована, я доложил руководителю учений о готовности к выполнению поставленной учебно-боевой задачи.

Атака условного противника началась ровно в 5 часов утра. В первом эшелоне на позиции оборонявшихся двигалось огромное количество танков. Развернувшуюся перед нами картину мы невольно сравнивали с еще не стершимися в памяти батальными сценами Великой Отечественной. В ходе учебного боя нами были успешно отработаны все поставленные задачи. Несмотря на масштабное применение наступающей стороной танков, среди личного состава не было не только потерь, но и ни одного травмированного.

На подведении итогов учений прибыл министр обороны СССР маршал Г.К. Жуков. Главнокомандующий группой войск маршал Гречко доложил о подготовке и проведении общевойсковых учений. В конце своего выступления он особо подчеркнул положительные действия моих подчиненных, не допустивших никаких отклонений от плана учений. Заметив при этом, что безопасность личного состава была организована на высоком уровне.

Маршал Жуков неожиданно для меня произнес:

— Полковник Коптев, прошу подойти ко мне.

Я сначала немного растерялся, но быстро справившись с волнением, поднялся в президиум и четко доложил:

— Подполковник Коптев по вашему приказанию прибыл.

Представляясь, я сделал особый акцент на слове “подполковник”.

Маршал Жуков улыбнулся и, крепко пожав мне руку, громко, чтобы слышало мое командование, произнес:

— Я не ошибся, назвав вас полковником. Вверенные вам подразделения отлично проявили себя на учениях, показав высокое боевое мастерство и от-

личную полевую выучку. Сегодня же будет подготовлен приказ о присвоении вам воинского звания “полковник”.

Так, неожиданно для себя очередное, и последнее в моей ратной службе, воинское звание я получил досрочно.

Моя третья, и последняя, встреча с Георгием Константиновичем произошла в 1957 году в Гаграх. В то время я уже был помощником первого заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника С.Н. Переверткина и вместе с ним отдыхал в министерском санатории. Хотелось бы сказать несколько теплых слов об этом незаурядном человеке.

Военную службу Семен Никифорович начал еще в гражданскую. В шестнадцать лет ушел воевать за советскую власть. Да так и остался в армейском строю. Дослужился до генерала. В конце Великой Отечественной войны командовал 79-м стрелковым корпусом, личный состав которого первым ворвался в Берлин. За взятие штурмом рейхстага и водружение над ним знамени Победы был удостоен звания Героя Советского Союза.

Первым заместителем министра внутренних дел СССР генерала Переверткина назначили во времена так называемой хрущевской оттепели с целью укрепления высшего руководящего звена правоохранительных органов. Но, к сожалению, его жизнь оборвалась трагически. В мае 1961 года, находясь в служебной командировке, генерал Переверткин погиб в авиационной катастрофе...

А пока мы с Семеном Никифоровичем наслаждались беззаботной курортной жизнью. Однажды он попросил меня помочь накрыть в его номере стол с коньяком и хорошей закуской. Как выяснилось, он ждал в гости Г.К. Жукова с супругой. С Георгием Константиновичем они были давнишними друзьями.

Встречались не только по службе, но и в непринужденной обстановке семьями.

Машина Жукова затормозила у подъезда санатория ровно в три часа дня, как и было условлено заранее. Маршал был пунктуален всегда и во всем. Даже в часы отдыха.

Поднявшись в номер Семена Никифоровича, сели за стол. Выпили, как водится, за встречу. Второй тост — за Победу. Завязалась непринужденная беседа. Я обратил внимание, что во время разговора Георгий Константинович несколько раз останавливал на мне свой пристальный взгляд. Наконец он сказал:

— Постой, постой. Где-то мы с тобой уже встречались?

Я ответил, что первый раз нас свели фронтовые дороги у переправы через Нарву, когда по приказу маршала мне пришлось отправить на дно реки заглохший грузовик. А второй раз встретились на учениях в Группе советских войск в Германии, где за хорошо организованную оборону соединения Жуков досрочно произвел меня в полковники.

На лице маршала расцвела удивительно добрая улыбка. Он встал, крепко пожал мне руку, по-фронтовому обнял и расцеловал. Я же был приятно удивлен ясностью памяти, которой обладал легендарный полководец. Сколько на его пути встречалось таких полковников, как я! Возможно ли упомянуть каждого? Уверен, что запомнил он не только меня...

Эти три короткие встречи с величайшим полководцем современности оставили в моей памяти неизгладимый след.

**Полковник в отставке
Федор КОПТЕВ,
ветеран Великой
Отечественной войны
и внутренних войск**

Фото из архива автора

Из тайн архивов

ТРАГЕДИЯ

ГЕНЕРАЛ ПАВЛОВА

22 июля 1941 года, спустя ровно месяц после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был расстрелян командующий Западным особым военным округом Герой Советского Союза генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов. Официальная версия — за трусость, бездействие, нераспорядительность, развал управления войсками, дезорганизацию обороны и, как результат, создание благоприятных условий противнику для прорыва Западного фронта.

Истинная же причина столь сурового приговора — поиск виновных для оправдания серьезных просчетов высшего политического и военного руководства страны в оценке обстановки и сроках начала войны.

Читателям журнала предлагается журналистское расследование трагедии генерала Павлова, проведенное по архивным материалам Главной военной прокуратуры.

Передо мной на столе лежит фолиант в темно-синем ледеринном переплете с тиснением на обложке «Военный энциклопедический словарь». На 533-й странице фотоснимок Героя Советского Союза генерала армии Дмитрия Григорьевича Павлова. Суровое волевое лицо, высокий лоб, сдвинутые у переносицы брови, прищур пронзительных глаз, бритая голова и щеточка

усов а-ля Ворошилов — тогда, в конце 30-х годов у военных была такая мода. И не только среди наших. Вспомним, точно такие усики щеточкой носил Адольф Гитлер.

В энциклопедической справке-объективке на Павлова, безусловно, видного военачальника, указано, кажется, самое существенное: все ступеньки прохождения военной службы и даже

то, что он был кандидатом в члены ЦК ВКП(б) и депутатом Верховного Совета СССР первого созыва. Нет только одного. Что он совершенно необоснованно был осужден и расстрелян как трус и предатель.

Верю, если бы Дмитрий Григорьевич не попал в жернова сталинских репрессий, а был бы просто отстранен от должности (такая участь в войну постигала многих военачальников), он обязательно вписал бы в историю Великой Отечественной войны немало славных страниц.

Но, как говорится — «судьба — индейка, а жизнь — копейка». Видимо, злой рок преследовал Д.Г. Павлова. Когда в июльские дни 41-го года он томился во внутренней тюрьме НКВД и его «обрабатывали» следователи, вновь назначенному командую-

щему Западным фронтом маршалу С.К. Тимошенко (это он утвердил постановление на арест Павлова) передали из резерва 20 полнокровных дивизий, сформированных по штатам военного времени. Получил бы в свое время такое мощное подкрепление Дмитрий Григорьевич, то еще неизвестно, в чью пользу повернулась бы ситуация на Западном фронте в самом начале войны.

Однако у маршала дела тоже не заладились, и буквально через две недели его вызвал на ковер И.В. Сталин. В присутствии членов политбюро и Г.К. Жукова он отстранил бывшего наркома обороны от должности комфронта. От более серьезных оргвыводов его спасло только заступничество Жукова и Калинина.

К слову сказать, Георгий Константинович был высокого мнения о полководческих талантах генерала Павлова. Обратимся к книге легендарного военачальника "Воспоминания и размышления": "В конце декабря 1940 года состоялось совещание высшего командного состава армии. В его работе приняли участие командующие округами и армиями, члены военных советов и начальники штабов округов и армий, начальники всех военных академий, профессора и доктора военных наук, генерал-инспекторы родов войск, начальники центральных управлений и руководящий состав Генерального штаба. На совещании все время присутствовали члены политбюро..."

Всеобщее внимание привлек доклад командующего Западным особым военным округом генерал-полковника Д.Г. Павлова "Об использовании механизированных соединений в современной наступательной операции"...

В своем хорошо аргументированном выступлении Д.Г. Павлов умело показал большую подвижность и пробивную силу танкового и механизированного корпусов, а также меньшую, чем у

других родов войск, уязвимость от огня артиллерии и авиации".

Далее будем цитировать документы из "расстрельного" дела генерала Павлова, хранящегося в архиве Главной военной прокуратуры за номером Р-24000. Эти немые свидетельства человеческой трагедии не требуют комментариев.

Из анкеты Д.Г. Павлова:

"Родился в 1897 году в Кологривском уезде Нижегородской губернии. Отец и мать — крестьяне. Должность — командующий войсками Западного фронта. Член ВКП(б) с 1919 года, окончил Военную академию им. Фрунзе в 1928 году. В царской армии служил унтер-офицером. Жена — Александра Федоровна Павлова. Сын Борис — 17 лет. Дочь Ада — 12 лет".

Уже через две недели после начала войны — 5 июля 1941 года — заместитель начальника следственной части 3-го управления НКО СССР старший батальонный комиссар Павловский составил постановление на арест опального генерала. На следующий день — 6 июля — его утвердил сам нарком обороны маршал С.К. Тимошенко.

В постановлении об аресте читаем: "Павлов Д.Г. в 1914—15 гг. примыкал к анархистам; привлекался к партийной ответственности за примиренчество к правому уклону. В 1916—19 гг. находился в плену в Германии. Пользовался покровительством Уборевича. Участники военного заговора Урицкий, Берзин и др. избличают Павлова как участника заговора. Павлов избличается в совершении преступлений, предусмотренных ст.58-1 "б" УК РСФСР".

Любой арест, как известно, сопровождается обыском, изъятием вещественных доказательств совершенного преступления. Что же нашли у генерала Павлова?

Из протокола обыска от 4 июля 1941 г.:

"Присутствовали: зам. начальника 3-го отдела Западного

фронта Ковальский; зам. начальника 3-го отдела 10-й армии Гойко; сотрудник 3-го отдела фронта Черкашин. Изъято: орден Ленина — 3 шт., медаль "Золотая Звезда" — 1 шт., орден Красного Знамени — 2 шт., значок "Депутат Верховного Совета СССР" — 1 шт."

Боевые награды свидетельствовали о мужестве, храбрости, беззаветной преданности Родине их обладателя. Теперь они — всего лишь вещдоки. После ареста начались допросы — долгие, изнурительные, с пристрастием.

Из протокола допроса от 7 июля 1941 года:

"Я был арестован 4 июля, мне было объявлено, что это сделано по распоряжению ЦК. Позже со мной разговаривал зам. председателя совнаркома Мехлис и сказал, что я арестован как предатель..."

Вопрос. В таком случае приступайте к показаниям о вашей предательской деятельности.

Ответ. Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам.

Вопрос. У следствия имеются данные, говорящие за то, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменческими, что особенно проявилось во время вашего командования Западным фронтом.

Ответ. Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как комфронта, не было. Я также не виновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться в нашу территорию.

Вопрос. Как же в таком случае все произошло?

Ответ. В час ночи 22 июня по телефону нарком спросил: "Ну как у вас, спокойно?" Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге, по донесению командующего 3-й армии Кузнецова в течение полутора суток на Сувалкский выступ шли беспрерывно немецкие мотомехколонны... На мой доклад нарком ответил: "Вы будьте поспокой-

нее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай, сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но ни на какую провокацию не идите". Я сразу же вызвал к аппарату ВЧ всех командующих армиями, начальников штабов и оперативных отделов. Отдал приказ привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные...

В 3 час. 30 мин. нарком обороны позвонил по телефону снова и спросил: "Что нового?". Я ответил, что связь с армиями налажена и соответствующие указания командующим даны. Все, о чем доложили мне командующие, я немедленно донес наркому. Тимошенко сказал: "Действуйте, как подсказывает обстановка".

После смерти И.В.Сталина появились версии о том, что командующие округами и их штабы в ночь на 22 июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. Это не соответствует действительности. Последняя мирная ночь была совершенно иной. Г.К. Жуков в своих мемуарах начисто отмечает эти абсурдные версии. Он пишет, что вместе с наркомом обороны они неоднократно разговаривали по ВЧ с командующими округами Ф.И.Кузнецовым, Д.Г.Павловым, М.П.Кирпосом и их начальниками штабов, которые находились на своих командных пунктах.

Перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками, в результате чего штабы округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Заброшенные ранее немцами на советскую территорию диверсионные группы в ряде мест разрушили проводную связь. Они убивали делегатов связи, нападали на командиров. Усугубляло положение дел то обстоятельство, что значительная часть войск приграничных округов не была

обеспечена радиосредствами. Например, Западный округ был укомплектован только на 27 процентов, так как считалось, что узлы связи Главного командования, Генштаба и фронтов получат все необходимое оборудование от местных органов Наркомата связи. Но последние, как оказалось, к работе в условиях войны подготовлены не были.

Кроме того, генерал Павлов считал (о чем он неоднократно говорил на допросах), что основная причина неудач, преследовавших его войска в приграничных сражениях, — огромное превосходство противника в танках и авиации. Однако следствие, вопреки здравому смыслу, не брало в расчет объективные причины поражений на Западном фронте и настаивало на версии измены со стороны командования. В качестве примера приведем небольшую выдержку из протокола допроса генерала Павлова:

"Вопрос. На всем протяжении госграницы только на участке, которым командовали вы, немецкие части вклинились на советскую территорию. Что это, результат изменнических действий с вашей стороны?"

Ответ. Это обвинение я категорически отрицаю. Измены и предательства я не совершал. Прорыв на моем фронте произошел потому, что у меня не было новой материальной части, сколько имел, например, Киевский военный округ".

Действительно, Киевский особый военный округ превосходил Западный на 8 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованные дивизии. Кроме того, он значительно опережал и в укомплектованности новой техникой. И.В.Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной. Лишившись украинского хлеба, донецкого угля, а затем и кавказской нефти, наша страна не сможет противостоять противнику.

Например, при рассмотрении оперативного плана весной 1941 года Сталин говорил: "Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну..." В прогнозе направления главного удара противника Сталин допустил ошибку, а наркомы обороны, ВМФ и начальник Генштаба даже не пытались его в этом разубедить.

Главное командование немецких войск сразу же ввело в действие 153 дивизии, укомплектованные по штатам военного времени. Из них: 29 дивизий против Прибалтийского, 50 дивизий (в том числе 15 танковых) против Западного особого, 33 дивизии (в том числе 9 танковых и моторизованных) против Киевского особого округа.

Выходит, на войска генерала Павлова вермахт обрушил на 17 дивизий больше, чем было задействовано на Киевском направлении. Такой мощи противостоять было практически невозможно.

И вновь обратимся к протоколу допроса:

"Вопрос. Напрасно вы пытаетесь уйти от ответственности за поражение. Следствием установлено, что вы являлись участником заговора еще с 1935 года, и тогда уже имели намерение в будущей войне изменить Родине. Настоящее положение у вас на фронте подтверждает эти следственные данные.

Ответ. Никогда ни в каких заговорах я не участвовал и ни с какими заговорщиками не общался. Это обвинение для меня чрезвычайно тяжелое и полностью вздорное от начала до конца. Если на меня имеются какие-нибудь показания, то это сплошная и явная ложь людей, желающих очернить честного человека, а значит, обмануть партию и государство".

Теперь, спустя годы, когда антисоветские заговоры 30-х — 40-х годов официально признаны мифами, а военачальники-заговорщики, фамилии которых

упоминаются в протоколах допросов, реабилитированы, не может быть и речи об измене Павлова присяге и Родине.

Однако на следующем допросе Дмитрий Григорьевич неожиданно меняет свои показания и начинает сознаваться в самом страшном, с военной точки зрения, преступлении — предательстве. Вот, например, что записано с его слов в протоколе от 9 июля 1941 года:

“Вопрос. Следствие еще раз предлагает вам рассказать о совершенных вами преступлениях против партии и советского правительства.

Ответ. Анализируя свою прошлую и настоящую деятельность, я счел необходимым рассказать следствию о своих предательских действиях по отношению к партии и советскому правительству. Еще в 1932 году, когда я командовал белорусским мехполком, Уборевич меня отличал как хорошего командира. В последующие годы командующий продолжал выделять меня из среды других командиров, что мне очень льстило, и, таким образом, я целиком попал под его влияние, стараясь как можно лучше выполнить все его указания, одновременно и боялся его.

Позже Уборевич рекомендовал мою кандидатуру в Испанию для командования танковыми частями. Уборевич давал мне вредительское указание по использованию танков, приказав раздать по 3 - 5 машин по всему фронту, что привело к полной их гибели. Мне известно, что правой рукой Уборевича был Мерецков, который также выполнял все указания Уборевича. Он и Мерецков прививали всему командному составу германофильские настроения, говорили, что нам надо быть в союзе с Германией, так как ее армию они очень высоко ценят и всегда ставили в пример немецких офицеров. Я разделял эту точку зрения”.

Ясно как день — следствие

применило к Павлову весь свой арсенал так называемых “иных методов воздействия” — систематические жесточайшие избиения, выдержат которые мог далеко не каждый. Вот и Дмитрий Григорьевич с помутившимся от страшной боли сознанием стал подписывать весь бред, который подсовывали ему ретивые следователи. Из генерала выбили “признательные показания” в том, что он с февраля 1937 года состоял в “военно-заговорщической организации”, в которую якобы был вовлечен К.А. Мерецковым, и по его же заданию активно проводил “вредительскую работу” в рядах РККА. Командировка Павлова в Испанию в 1936 году, по мнению следствия, тоже была организована заговорщиками. Оказывается, сражаясь на стороне республиканцев, Дмитрий Григорьевич одновременно “предавал интересы Испанской республики”. Абсурд, да и только...

21 июля 1941 года командующему Западным фронтом генералу Д.Г. Павлову и его подчиненным — начальнику штаба генералу В.Е. Климовских, начальнику связи генералу А.А. Григорьеву и командующему 4-й армией генералу А.А. Коробкову было предъявлено официальное обвинение. Оно гласило:

“Произведенным расследованием установлено, что в результате предательства интересов Родины, развала управления войсками и сдачи оружия противнику без боя была создана возможность прорыва фронта противником. Арестованный Павлов, являясь участником антисоветского военного заговора еще в 1936 году, находясь в Испании, предавал интересы республики. Командуя Западным особым военным округом, бездействовал. Павлов признал себя виновным в том, что в заговорщических целях не готовил к военным действиям вверенный ему комсостав, ослабляя мобготовность войск округа, и из жаж-

ды мести за разгром заговора открыл фронт врагу...”

Закрытое судебное заседание состоялось в ночь на 22 июля. Председательствовал армвоенюрист Василий Ульрих. Ничего хорошего это не предвещало. Верный сталинский инквизитор еще перед войной отправил на тот свет практически весь высший комсостав РККА. Ульрих выносил только смертные приговоры.

В протоколе судебного заседания с бюрократической скрупулезностью зафиксировано, что разбирательство началось в 0 часов 20 минут, а завершилось в 3 часа 20 минут ночи. Хотя и торопились, но судебные формальности соблюли: удостоверились в личности подсудимых, были ли им вручены копии обвинительного заключения, есть ли отвод по составу суда.

Затем председательствующий огласил обвинительное заключение и задал вопрос подсудимым: признают ли они себя виновными? И тут случилось непредвиденное. Первым сценарий судебного фарса нарушил генерал Павлов. Он начисто отменил все предъявленные ему обвинения и заявил: “Виновным себя в участии в антисоветском военном заговоре не признаю. Участником антисоветской заговорщической организации никогда не был... Ранее данным мною показаниям я прошу не верить. Их я дал, будучи в тяжелом, почти невменяемом состоянии... Прошу доложить нашему правительству, что на Западном фронте измены и предательства не было... Мы в данное время сидим на скамье подсудимых не потому, что совершили преступления в период военных действий, а потому, что недостаточно готовились в мирное время к войне”.

Надо отдать должное мужеству генерала Павлова, нашедшего в себе силы не только отвергнуть все выдвинутые против него абсурдные обвинения, но и сказать правду об истинных при-

чинах поражений, которые потерпела Красная Армия в первые месяцы войны. Но правда суду была не нужна. Искали козлов отпущения, на которых можно свалить всю вину за военные неудачи и просчеты. И нашли...

Суд удалился на совещание. По возвращении председательствующий армвоенюрист Ульрих привычной скороговоркой огласил приговор — всех четырех генералов лишить воинских званий и подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу. Чтение приговора заняло всего лишь пять минут. Привели его в исполнение незамедлительно — в тот же день. О чем свидетельствует справка, аккуратно подшитая в дело № Р-24000 — осужденного Павлова Дмитрия Григорьевича.

А в это время...

Враг рвался к Москве. Упорные бои развернулись в районе Смоленска, а восточнее него приобрели наиболее ожесточенный характер. На рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец Ставка развернула фронт Можайской линии обороны в составе трех армий. Фронт получил задачу подготовить оборону на дальних подступах к Москве...

Вместо эпилога.

Из заключения Генерального штаба Советских Вооруженных Сил от 5 ноября 1956 года:

“Реорганизация и перевооружение Советских Вооруженных Сил, проводимые в первой половине 41-го года, значительно осложняли их боевую подготовку и работу по боевому слаживанию частей и соединений. В связи с тем, что многие руководящие военные кадры в 1937—39 гг. были репрессированы, на ответственные командные должности непосредственно перед войной были назначены офицеры и генералы, еще недостаточно подготовленные к управлению войсками, особенно в сложной и быстро меняющейся обстановке...”

Используя свое превосходство в силах и внезапность нападения, противник сразу же добил-

ся значительного успеха, и уже 25 июня его подвижные войска, осуществляя глубокий обход флангов главных сил Западного фронта, вышли в районы северо-западнее и юго-западнее Минска. Потеряв управление войсками, командующий фронтом уже не мог с достаточной эффективностью использовать имевшиеся в его распоряжении силы и средства для организации отпора врагу, организовать их взаимодействие и обеспечить снабжение необходимыми материально-техническими средствами. Из-за отсутствия связи решения, принимаемые командующим фронтом, не отвечали обстановке. С первого дня войны в штабе Западного фронта находился представитель Главного командования Маршал Советского Союза Шапошников Б.М.

Вместе с тем серьезные упущения и недочеты, допущенные генералом армии Павловым Д.Г. в руководстве войсками, нельзя рассматривать как его бездействие, нераспорядительность, проявление трусости. Тем более нельзя обвинять генерала Павлова в преднамеренном развале управления войсками фронта и в сдаче противнику без боя оружия, как об этом сказано в обвинительном заключении”.

31 июля 1956 года дело генерала Павлова вновь поступило на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР. На сей раз для реабилитации полковника. Были изучены сотни документов, опрошены десятки свидетелей и сослуживцев боевого генерала, учтены мнения и выводы военных историков. В результате родился еще один документ, подшитый в дело № Р-24000 последним — справка о реабилитации: “Военная коллегия ВС СССР в составе председательствующего полковника юстиции Борисоглебского, членов — полковников юстиции Лихачева и Цирминского установила: доводы заключения Гене-

рального штаба признать убедительными.

Военная коллегия определила: приговор ВК ВС СССР от 22 июля 1941 года в отношении Павлова Д.Г., Климовских В.Е., Григорьева А.А., Клича Н.А., Коробкова А.А. отменить по вновь открывшимся обстоятельствам и дело на них производством прекратить за отсутствием состава преступления”.

Посмертная реабилитация вернула истории доброе имя генерала Дмитрия Григорьевича Павлова — человека легендарной судьбы.

Но ставить точку на этом рано. К сожалению, ложь о Великой Отечественной войне усиливает псевдоисториков, продолжает множиться. Вновь беззастенчиво муссируется старый миф о том, что на каждого немецкого солдата приходилось по пять русских (!?) Дескать, мы завалили трупами вермахт.

Однако данные российских и германских архивов свидетельствуют, что к июню 41-го года численность гитлеровского вермахта была доведена до восьми с половиной миллионов человек. Только за один предвоенный год она увеличилась на три с половиной миллиона штыков и достигла 214 вооруженных до зубов дивизий. У нас же к июню 1941 года с учетом призыва дополнительных контингентов (которые доучиться не успели, так как переподготовка в приграничных округах началась лишь в начале мая) под ружьем было свыше пяти миллионов человек — на три миллиона меньше. Именно поэтому Гитлер считал, что выгодный момент для нападения на СССР настал.

Не отягощая себя элементарным знанием истории войны, некоторые летописцы, порой имея даже звания академиков, до сих пор “не знают”, что сроки начала агрессии было несколько. Например, 22 июля 1940 года Гитлер настаивает начать войну осенью того же года. Подписанная им 18 декабря

1940 года директива об утверждении плана "Барбаросса" предусматривала нападение 15 мая. 3 апреля срок нападения переносится на четыре недели, а 30 апреля выяснилось, что железнодорожные возможности не позволяют провести запланированную переброску войск. 30 мая Гитлер заявляет, что днем начала операции "Барбаросса" пока остается 22 июня.

Колебания фюрера по поводу вторжения на территорию Советского Союза продолжались вплоть до 21 июня 41-го. В тот день он пишет Муссолини: "Если я Вам, Дуче, лишь сейчас направляю это послание, то только потому, что окончательное решение будет принято сегодня в 7 часов вечера. Я пишу Вам письмо в тот момент, когда длившиеся месяцы тяжелые раздумья, а также нервное ожидание закончились принятием самого трудного в моей жизни решения".

Однако все эти бесспорные факты вновь и вновь опровергаются. С какой целью, остается только догадываться. Например, в школьном учебнике "История Отечества", предназначенном для учеников 11-го класса, в главе о Великой Отечественной войне написано: "Точную дату нападения Германии на Советский Союз сообщил в Москву Р. Зорге. Разведке удалось установить основные направления предполагаемых наступлений немецко-фашистских армий".

Какая "глубокомысленная" чушь! Если бы это написал никогда не думающий об общественном резонансе корреспондент какой-нибудь газетенки, коим несть числа, было бы понятно и нечего по такому ничтожному поводу ломать копья. Но ведь это учебник. Он формирует историческое мировоззрение у подростков. И то, что закладывается в школе, кристаллизуется в убеждения, остается на всю жизнь. Так какую же "точную дату" сообщил Зорге, когда их было по большому счету около десяти?!

Вот что по этому поводу пишет Г.К. Жуков, который 1 февраля 1941 года вступил в должность начальника Генерального штаба. Чем занимается Генштаб — "мозг армии" — в период надвигающейся военной опасности, какова его компетенция и степень информированности, наверное, этого не надо объяснять дядям и тетям, написавшим учебник "История Отечества". Так вот, маршал Жуков свидетельствует: "С первых послевоенных лет и по настоящее время в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план "Барбаросса", направления главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность. При этом ссылаются на известных советских разведчиков — Рихарда Зорге, а также многих других лиц из Швейцарии, Англии и ряда других стран, которые якобы заранее сообщили эти сведения. Однако наше политическое и военное руководство будто бы не только не вникло в суть этих сообщений, но и отвергло их.

Позволю со всей ответственностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными ни советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали".

Что же касается дезинформации, то она поступала, что называется, мешками. Вот один из таких образчиков. 6 мая 1941 года И.В. Сталину нарком военноморского флота адмирал Н.Г. Кузнецов направил записку следующего содержания: "Военноморской атаке в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносит, что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву, Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах..."

В развитие этой "дезы" приведем еще один документ, германский, от 11 марта 1941 года. На секретном совещании в ОКВ (верховное главнокомандование.— Авт.) был принят ряд решений о подготовке войны против СССР. Среди них и такое: "Штаб Верховного главнокомандования Вермахта желает подключить к осуществлению дезинформационной акции русского атташе (Воронцова — Авт.) в Берлине".

Выходит, Генштаб, следовательно и генерал армии Павлов, не знали точно направления главного удара, действительное количество войск вторжения, их оснащенность. Иначе ситуация на начальном этапе войны, в том числе и на Западном фронте, сложилась бы по-другому. А следовательно, судьбы самого командующего фронтом и его ближайших помощников не были бы такими трагичными.

...Сейчас трудно сказать, кто был инициатором реабилитации Д.Г. Павлова и других генералов Западного фронта. Но думается, что это был Г.К. Жуков. В том, 1956-м году именно он возглавлял Министерство обороны СССР. Георгий Константинович лучше других знал, что для "возвращения народов" Павлов стал всего лишь козлом отпущения. Не потому ли застрелился командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Кирпонос, избежав позора суда?

Сложнейшие, полные трагизма и отчаяния первые месяцы сурового 41-го года. Именно с этих позиций надо рассматривать неудачи начала войны. История, как и человеческая жизнь, не имеет сослагательного наклонения. И негоже нечестному перу писать о драматических поворотах истории.

**Полковник в отставке
Юрий ДУРНЕВ**

Евгений РУДНЕВ

ЗАПАДНЯ

Повесть

1.

Их было шестеро, и сегодня пошел десятый день, как они выбирались из окружения. Они были разными по званию, из разных воинских частей, но волею судеб, которые безжалостно определила для каждого из них начавшаяся война, сейчас оказались вместе.

Шли на восток в основном лесами, делая при этом изрядные крюки, чтобы обойти стороной занятые немцами села. Когда лес вплотную подступал к шоссе, осторожно, чаще всего ночами, подбирались к обочине и, затаившись в кустах, наблюдали за дорогой, сцепив от бессильной ярости

зубы и крепко сжимая в ладонях залощенные приклады винтовок с примкнутыми штыками, шершавые рукоятки пистолетов, трофейные автоматы.

А по широкому Минскому шоссе нескончаемым потоком двигались колонны немецких солдат, облаченных в зеленую и черную униформу, с блестящими, похожими на кочерыжки автоматами, с пухлыми — рыжей кожи — ранцами за плечами и гофрированными металлическими коробками противогазов на боку. Немцы были веселы. Некоторые на ходу наигрывали что-то на губных гармошках, пили из алюминиевых фляжек, горланили и размахивали волосатыми ручищами с закатанными по

локоть рукавами мундиров. Двигались, ослепляя ядовито-желтым светом фар и оглушительно грохоча гусеницами, танки с короткими орудиями и бело-черными крестами на башнях; приземистые, в разводах камуфляжа бронетранспортеры; покрытые брезентом длинные тупорылые грузовики; мотоциклы с колясками. Время от времени колонну обгоняли черные "опели" или "хорьхи", и в свете фар видны были сидящие на задних сиденьях офицеры с витыми серебряными погонами и неприступно-величественными лицами. А высоко-высоко, в темно-фиолетовом звездном небе гудели самолеты, и по их тяжкому, надрывному гуду, по тому, что все они летели на восток, было ясно, что и самолеты тоже немецкие, скорее всего, "юнкерсы". А летят они бомбить наши города.

И вот все это — надсадный лязг траков гитлеровских танков, кинжальные огни фар, густая пыль, острый запах бензина и чего-то отталкивающего чужого, нескончаемые колонны немецкой пехоты, веселые, самодовольные лица фашистов, чувствовавших себя хозяевами здесь, на этой исконно русской земле, надрывное гудение бомбовозов, гортанная немецкая речь, чужие песни, смех — все это действовало угнетающе, давило тяжелой каменной глыбой и удивляло своей нелепостью, отчего на душе делалось еще горше и тоскливее. Каждый из шестерых с трудом удерживал себя от того, чтобы не начать палить по этим ненавистным людям, принесшим с собой горе и страдания.

Стрелять было бесполезно, и все шестеро понимали, что, убив сейчас в лучшем случае горсть врагов, они и сами неминуемо погибнут. Впрочем смерти никто из них не боялся: за две недели войны они успели уже насмотреться всякого, но тем не менее каждый хотел продать свою жизнь подороже, у каждого были свои личные счета к фашистам.

Точных сведений, где именно находятся наши войска, не было. Приходилось довольствоваться тем, что удалось узнать от беженцев и от немец-

кого ефрейтора-интенданта, которого накануне они захватили в плен на правом берегу Березины...

Двое суток двигались мелколесьем. Деревень почти не встречалось. На сожженных немцами хуторах бродили лишь недобро посверкивающие злыми глазами собаки да кошки, которые, завидев людей, ошалело бросались прочь.

Еды не было, воду из колодцев брать опасались: а вдруг отравлена?

Впереди шел старшина Иван Гуринович, пограничник, уроженец здешних мест. Это был плотный белобрысый мужчина. Пять дней назад во время короткой стычки с немецкими парашютистами он был ранен в голову, к счастью, пуля прошла по касательной, но кровоточило сильно. Гимнастерка его успела выгореть на солнце, вишневая эмаль треугольничков в петлицах потрескалась, вместо одного фабричного алела самодельный, суконный.

Следом за старшиной шагал комиссар конвойного полка Федор Николаевич Зотов. Он зорко поглядывал по сторонам, плотно сжимая вздутые, в коричневых запеках губы и щуря серые глаза. На васильковых порядком потускневших петлицах его гимнастерки поблескивали облупившиеся рубиновые шпалы, на рукавах алели большие комиссарские звезды, изрядно, правда, потертые за дни лесных скитаний.

За Зотовым шла медсестра Вера Никитина, тоненькая, похожая на школьницу девушка с тощей санитарной сумкой на боку, а за нею гуськом — красноармейцы Крутиков, Бут и Серов.

Высокий, в обгоревшей пилотке, степенный не по годам Сергей Крутиков, на веснушчатом носу которого висели поломанные очки с одним стеклышком, был полной противоположностью Павлу Буту. Маленький, импульсивный, верткий Бут то обгонял Крутикова, то задерживался на несколько секунд, нагибаясь за рдевшими в росистой траве переспевшими пузырчатými шариками земляники и, нахваливая ягоды, лес, теплое лето, костерил на чем свет стоит пса-Гитлера, да и всех осталь-

Евгений Николаевич Руднев родился на Киевщине в 1937 году. Малолетний узник фашизма. После окончания геологического факультета КГУ работал в Якутии и на Чукотке, в Забайкалье и Средней Азии, Хабаровском и Красноярском краях, Казахстане. Кандидат геолого-минералогических наук. В Киеве и Москве вышло шесть книг его прозы. Причем повесть "Родники" отмечена премией Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского. Член Союза писателей. Живет в Киеве.

ных немцев. Бут был артиллеристом, на острых нешироких плечах его топорщилась гимнастерка с черными петлицами; на большой, явно не пропорциональной туловищу голове чудом держалась маленькая фуражка с красной звездочкой, поломанным лакированным козырьком и таким же черным околышем.

Замыкающим шел красноармеец Филимон Серов, мрачный коренастый парень с широким рубчатым шрамом на правой щеке. В разговорах он не участвовал, о себе не рассказывал, а если Бут обращался к нему с каким-либо вопросом вроде: сколько тебе лет? откуда родом? есть ли зазноба? — то Серов лишь хмуро-отчужденно смотрел на него голубовато-размытыми холодными глазами и молчал. И только однажды, когда Бут, не вытерпев, обозвал Филимона глухонемым толеном и сказал комиссару, что Серова надо бы основательно прощупать на предмет благонадежности, тот недобро прищурился и, сверкнув воспаленными белками, глухо бросил:

— Попался бы ты мне, субчик, в другое время. Потолковали бы, как кореша в кичмане! — и больше от него никто и слова не услышал.

В два часа пополудни сделали привал, выставив охранение.

— Всем, у кого есть съестные припасы, сдать их в общий котел, — распорядился комиссар.

Гуринович расстелил на траве плащ-палатку, и Зотов первым положил на нее три ржаных в крошках табака сухаря. Бут вытащил обшарпанную, без кожуры луковицу, Никитина — два кусочка колото-го сахара. У Гуриновича, Серова и Крутикова, который стоял в дозоре, ничего не было.

— С таким сидором далеко не уйдешь, — вздохнул старшина.

— Лучше хоть что-то, чем совсем ничего, — заметил Бут.

Комиссар достал большой перочинный нож и колдочкой осторожно разбил в ладони сначала один кусочек сахара, потом второй. Аккуратно собрал белую сахарную пыль и осколки, разделил на шесть равных кучек. Присовокупил к каждой по обломку сухаря и дольке лука.

Бут, не отрывая голодных глаз от сухарей, облизнул шершавые, потрескавшиеся губы. Гуринович лишь покачал головой, Вера Никитина, отойдя в сторону, перематывала портянку, а Серов отрешенно смотрел на сосны.

— Воды бы, товарищ комиссар... Неровен час, застрянет сухарь в глотке, — вставил Бут.

Зотов вытащил из планшетки карту:

— Давай, старшина, уточним, где мы находимся...

Гуринович присел возле комиссара, долго смотрел на испещренную разноцветными значками ме-

стность, на тонкие змейки речек, коричневые линии горизонталей, краткие надписи мелкими черными буквами.

— Здесь, товарищ комиссар... — Желтый от табака указательный палец медленно проехал по узкой темной ленте и застыл в центре большого зеленого массива. — Аккурат десять километров до моей родной Сосновки. Места знакомые... Последний раз был тут прошлым летом, с женой и ребятишками. В отпуск к старикам приезжали...

— Кто у вас там?

— Отец, мать... сестренка Мария. Вот туда и надо идти, товарищ комиссар! Продуктами запасемся, отдышимся малость.

— Десять километров, говорите?

— Так точно. Два часа ходу в гражданское время. Ну а сейчас... — Старшина вздохнул. — Сейчас побольше, конечно.

Зотов задумчиво смотрел на карту.

— Не вижу что-то я озер или речушек поблизости... Белоруссия, а водоемов — нет. Воды надо набрать.

— Есть тут один пруд, товарищ комиссар. Метров двести отсюда, в сторону Минского шоссе... В иное лето разольется аж на целое озеро. Караси и плотва водятся. На вашей карте его нет.

— Ну что ж, двести метров нас устраивают. — Зотов повернулся к Серову. — Возьмите фляжки и наберите воды. Только побыстрее. Даю вам пятнадцать минут.

Крутиков, Бут и Никитина отцепили от поясов свои фляжки, протянули Серову. Тот взял их не спеша и, поправив винтовку за плечом, покосился на Гуриновича.

— Куда идти-то?

Старшина показал рукой на высокую стену густого с молодым подростком дубняка.

— Вон... тропка петляет, видишь? Шагай по ней, никуда не сворачивая. Она аккуратно выведет тебя к пруду.

Серов молча выслушал разъяснения Гуриновича, не выказав при этом никаких эмоций и пошел. Через минуту его невысокая, с чуть кривоватыми ногами фигура скрылась в темно-зеленых сплетениях дубняка.

Зотов снова уткнулся в карту. Он думал о том, что делать дальше. Нет продуктов, где сейчас наши войска — неизвестно... Они идут словно с завязанными глазами. А обиднее всего то, что происходит все это не на чужбине, а на своей родной земле... Неужели немцы и впрямь так далеко продвинулись? Неужто они повсюду теснят наши регулярные войска?

Временами комиссару казалось, что гитлеровцы прорвались лишь на одном узком участке нашей

западной границы и вся их затея не что иное, как дикая, безрассудная авантюра. Дальше им шагнуть не дадут, отбросят. Но рассуждая так, Зотов все более мрачнел и хмурился. Он вспоминал первые два дня войны, свою воинскую часть, сослуживцев, жену Нину, детей Костика и Анечку. Перед глазами проносились, как на быстро мелькающих кадрах киноленты, немецкие танки, вставляли рыжевато-оранжевые снопы огня, плавилась кирпичи, обугливались деревья. Над руинами казармы полз едкий дым, в ушах — грохот, медноголосый звон... Вот распластался у пулемета рядовой Снегирев, ожесточенно поливает свинцом накатывающиеся цепи немецких солдат... За казармой, у водоканки две 37-миллиметровые пушки. Там лейтенант Прохоренко, ему помогают два бойца... И снова — пулемет под дымящимся кустом, залитый кровью политрук Самойлов с оторванной рукой... Объятый синевато-красными языками огня наш танк БТ-7. Дробный перестук счетверенных зенитных пулеметов. Кончатся боеприпасы, погибнут бойцы. А немцы прут и прут. Настырно, не останавливаясь перед потерями. Наглые и самоуверенные, они идут, как тяжелые темные волны на скалистый берег. Дым. Скрежет металла. Оглушительные разрывы снарядов. А вверху, сквозь космы черного дыма — маняще синий клочок неба, яркое солнце...

“Быстрее, Федя, быстрее... Ты должен успеть! Ты должен спасти их! Спасти во что бы то ни стало!”

Глубокая воронка. Огромный котлован там, где еще несколько часов назад стоял дом комсостава, в котором остались Нина, десятилетний Костик и шестилетняя Анечка. Прямое попадание авиабомбы. Злой рок. Судьба...

Сколько же уцелело в полку? Человек двадцать? Совсем мало... Отходить? Нет, пуля все равно догонит. Да и куда отходить?! Связи со штабом корпуса нет, и приказа отступить не поступало. Стоять на месте, стоять насмерть! Ни шагу назад! Контратаковать!

“За Родину! За Сталина! Вперед!” Бешено колотится сердце, пальцы до боли сжимают пистолет. Падают побитые снарядами деревья, в диком кровавом танце носится по небу солнце. Остервенело свистят пули, валяются зеленые фигурки... “Бей их, ребята! Бей гадов!” Качается под ногами изрытая дымящимися воронками, щербатая земля. Качаются зловеющие громадины танков с черными крестами, качаются глянцево-черные остовы деревьев, зияющие провалами окон руины... А потом — пронзительно яркий всплеск огня. Чугунный обруч на голове. И — мрак. Тишина.

Он пришел в себя лишь ночью. Насилу поднял-

ся на локтях, преодолевая боль, огляделся. Он лежал на бугре, под исхлестанным осколками зелено-черным кустом. Вокруг валялись трупы немецких и наших солдат, покореженные орудийные лафеты, винтовки, каски, противогазы, цинковые коробки из-под патронов, окровавленные бинты... Дымились трава, в городе полыхали пожары. Но живых немцев видно не было, лишь где-то монотонно трещали моторы танков, гудели в небе самолеты. Над рекой взлетали осветительные ракеты...

Он провел шершавой ладонью по голове, встал пошатываясь. В висках словно били барабаны, одеревеневшие ноги держали плохо. Его мотало из стороны в сторону, как пьяного, подташнивало.

“Контузило...” — заключил Зотов и, взяв у убитого красноармейца две гранаты, проверил обойму в своем ТТ. Потом, медленно передвигая непослушные ноги (к каждой словно привязали по кирпичу), стал осторожно пробираться к виднеющейся невдалеке леску.

До леса было метров шестьсот. В обычное время он одолел бы это расстояние за пять минут. А вот сейчас... Только бы снова не потерять сознание. Только бы дойти...

И он шел, полз и снова шел, пока на его пути не вырос здоровенный немец в каске, с автоматом и блестящей в виде полумесяца бляхой на груди. Зотов выстрелил первым. Немец качнулся и медленно осел с удивленным выражением на багровом квадратном лице. На бляхе красовался орел, держащий в когтях свастику, а чуть ниже — выгравирована готической вязью надпись: “Meine Deutschland”. “Майн Дойчланд, моя Германия, значит. Ну, ну... Вот бы в ней и сидели, сволочи!”

Комиссар сплюнул в сердцах, поднял автомат, поправил гранаты за поясом и побрел дальше к лесу. Страх он не ощущал: была решимость, злость...

И вот сейчас, спустя двенадцать суток, поглядывая на лежащую перед ним карту и вспоминая все то, что пережил, Зотов пытался найти ответы на мучившие его вопросы.

Почему немцы прорвали нашу оборону? Где резервы? В чем допущен просчет? Кто в этом виноват?

И то, что он не мог пока ответить ни на один из них, вызывало досаду. Он злился на себя, переживал. Но больше всего его, пожалуй, сейчас мучило то, что он и эти пятеро его спутников, с которыми пробивались на восток, чувствовали себя отрезанными, по существу, от всей страны, хотя и находились на советской территории. Он был старшим среди них по возрасту и по званию, и потому ответственность ощущал особо.

2.

— Давайте перекусим, товарищ комиссар. — Силоватый и чуть картавый голос Бута вывел Зотова из глубокой задумчивости.

Комиссар молчал: он ждал Серова.

— Что, не терпится? Уже и жажда не мучает? — усмехнулся Гуринович.

— Нет... Кишки марш играют — это да. Эдак не долго и окочуриться с голодухи. А я — молодой, жениться еще мечтаю...

Зотов медленно посмотрел на часы, потом — в ту сторону, куда ушел Серов. Перехватив его взгляд, Гуринович успокоил:

— Вернется.

— И я так думаю, — подхватил Бут.

— Ну что ж, тогда приступим к трапезе, — согласился комиссар.

Каждый взял свою порцию: кусочек ноздреватого, желто-бурого сухаря, маленький осколок сахара и дольку белого, с фиолетовым отливом лука.

Бут шумно вздохнул.

— Одно слово: трапеза! Сгонка веса перед соревнованиями по многодневной ходьбе. Переход из средней в легкую весовую категорию...

— Разговорчики, рядовой Бут!

— А что я такого сказал? Нет шамовки, так и по смеяться нельзя?

— Вы бы лучше отнесли сухарь Крутикову, он ведь в дозоре стоит.

— Слушаюсь! — Бут шагнул к расстеленной на траве плащ-палатке и замер. Кусты затрещали, и на полянку выскочил встревоженный Крутиков:

— Товарищ комиссар, вроде как кто-то крикнул в той стороне, куда ушел Серов. И, по-моему, по-немецки...

Зотов настороженно повел головой.

— Старшина, возьмите Бута и узнайте, в чем там дело. Только осторожно.

— Есть!

Гуринович и Бут, подхватив винтовки, нырнули в заросли.

Наступило томительное ожидание. Комиссар, Крутиков и Никитина сторожким взглядом прощупывали деревья, кустарники. За дни совместных скитаний по немецким тылам у них выработалось своеобразное чутье на опасность. Слух обострился до предела, движения стали экономными. Ничего лишнего, никакой суеты. И если в первые два-три дня при одном слове "немцы" они разом вздрагивали и хватались за оружие, то теперь все было иначе, все происходило обыденно и спокойно. Привыкли, приноровались. И только ненависть по-прежнему кипела в каждом. Ненависть к тем, кто пришел сюда, на нашу землю, жечь и убивать.

И каждый из них в любую минуту был готов вступить в бой...

Никитина кашлянула в кулак, зарделась почему-то, и, положив на ладошку кусочек сухаря, сахар и лук, протянула Крутикову.

— Поешьте, Сережа.

— Спасибо. — Он с благодарностью взглянул на нее, чуть заметно улыбнулся и захрустел сухарем.

А в это же время Гуринович и Бут уже подходили к пруду. Впереди, мягко, по-кошачьи ступая, пригнувшись и чуть боком, шел старшина, за ним, нога в ногу — красноармеец. Оба с беспокойством думали сейчас о Серове. Куда он исчез? Прошло более получаса, как он отправился за водой, давно бы пора вернуться.

Гуринович корил себя за то, что не пошел с Серовым — лес ведь для того незнакомый, впору и заблудиться, а Бут хмурил редкие белесые брови и вздыхал. Бута одолевали сомнения: "А вдруг Серов сбежал к немцам? Скользкий, непонятный этот Серов. Цвет лица — землистый, точь-в-точь как у Петьки Новожилова, с которым в Мариуполе жили по соседству. Три года отсидел тот в тюрьме за воровство... Мягкотелый человек комиссар Зотов. Надо бы допросить этого хмыря Серова, вывернуть наизнанку всю его сущность... А так — все может случиться. Доверять такому нельзя. Да и потом уже дважды встречались немецкие диверсанты, переодетые в форму наших милиционеров... А на карту сейчас поставлена жизнь отряда..."

Впереди ртутно заблестела вода, потянуло запахом ила. В просветах меж кустами видны были желтые кувшинки на синевато-черной поверхности. И тут...

Неприятно полоснули слух резкие звуки немецкой речи. Гуринович тотчас присел и, обернувшись к Буту, приставил палец к губам. Павел понимающе кивнул, весь напряжился.

Под защитой кудрявых веток ивняка они стали подбираться к воде... Шаг, еще один... еще... Кусты начали редеть. Гуринович, крепко обхватив винтовку, чуть выпрямился и выглянул.

На берегу стояли два немца: один высокий, в расстегнутом кителе, с сигаретой в зубах, второй лысый, тучный, шея в три складки, а на песке возле алюминиевых фляжек как-то неуклюже сидел Серов. Лицо у него было измазано кровью; он тяжело дышал, затравленный взгляд его рыскал по сторонам.

Немцы оживленно переговаривались. Высокий, потрясая в воздухе винтовкой Серова, наведя на него автомат, время от времени похихатывал, а толстяк, приставив к виску Серова ствол пистолета, надувал щеки и писклявым бабьим голосом громко повторял:

— Виртшафт! Ферштеен?.. Руссише швайн?! Шайзе! Айн, цвай, драй. Файер!.. Айн, цвай, драй...*

Когда это занятие толстяку надоело, он засунул пистолет в кобуру на животе и взял в правую руку автомат. Пригнувшись, сказал что-то тихо своему напарнику, и затем ударил что было силы Серова кованым сапогом в левый бок.

— Прозит! Прозит... Гут?***

— Сука... — прохрипел Филимон, скривившись, сплевывая кровью.

— Вас? Вас ист дэн льос?***

Немцы снова начали хохотать...

"Ишь, потешаются гады..." — сдвинул брови старшина и услышал над ухом горячий шепот Бута:

— Что... будем делать?

Гуринович лихорадочно соображал. Проще простого уничтожить немцев из винтовок. Две пули — и точка. Но выстрелы могут услышать, рядом — шоссе... Эти двое, очевидно, из проходящей колонны. Решили искупаться или просто поглазеть на здешние места... А если они успеют открыть ответный огонь?.. А-а, семь бед — один ответ.

Гуринович осторожно, стараясь не шуметь, поднял штык, и Бут, поняв намерения старшины, тотчас же сделал то же самое. Быстро прикинул и расстояние: до того места, где стояли на берегу немцы, было метров пятнадцать. Решать все будут секунды...

Огромными шажищами рванулись вперед. Остервенело, зло... Немцы не ожидали: они чувствовали себя в полной безопасности. А когда наконец до них дошло что к чему, было уже поздно.

Резкий взмах винтовки. Перекошенные от ярости и напряжения лица. Сухой хруст рвущегося под штыком материала...

Толстяк все-таки успел, падая, дать очередь из автомата. Пули, к счастью, прошли мимо, потому как сзади его подсек Серов. Бут с разгона вогнал штык в круглое брюхо толстяка, а Гуринович заколол высокого.

Старшина подхватил оба немецких автомата, забрал гранаты, а Серов — свою винтовку и фляжки с водой.

— Сейчас тут будут фашисты! Скорей к своим! — скомандовал Гуринович.

Цепляясь за корни и сучья, ударились напрямик. Жесткие тонкие ветки больно стегали по лицу. Спотыкались, падали, вскакивали и, словно под-

брошенные пружиной, снова неслись вперед, заплетаясь сапожищами в густой траве, хватая широкими открытыми ртами воздух, матерясь...

— Б-быстрее... б-быстрее!

А вот наконец и полянка. Обеспокоенные лица Зотова, Веры Никитиной, Крутикова.

— Ух-уходить на... н-надо отсюда... т-товарищ... комиссар... Сей... с-сейчас надо, — проговорил, захлебываясь словами, Гуринович.

И тотчас же со стороны пруда треснули автоматные очереди, послышались отрывистые немецкие команды.

Никитина подбежала к Буту, качнула головой. Тревожно сомкнулись на переносице брови-ниточки.

— Ты ранен, Павел! — На левом рукаве гимнастерки солдата расплзлось темное пятно. Медсестра быстро достала из санитарной сумки пузырек с йодом и бинт, заставила Бута снять гимнастерку.

Между тем стрельба усилилась, прогремели один за другим несколько взрывов гранат.

Зотов обвел взглядом людей, остановился на Гуриновиче.

— Веди, старшина!

Кинулись вправо, к ельнику. Бежали цепочкой, один за другим, удаляясь от пруда, от стрельбы и взрывов. Бежали, пока хватало сил, пока не стали задыхаться. Потом Гуринович перешел на шаг... Отдышались немного, попили воды из фляжек.

Ельник кончился, дальше — смешанный лес. Вековые засиженные мхами дуплистые дубы, чубатые осины, долговязые, поросшие желто-красными грибами буки, бело-черные березки... Густо пахло мятой и папоротником.

Гуринович вел бойцов одному ему известными заброшенными тропами, которые с трудом угадывались среди сочной травы, коричневатых столбиков полевого хвоща и фиолетовых гроздьев мышиного горошка. Почва под ногами делалась все более податливой, она пружинила, прогибалась; все чаще начали попадаться широкие мочажины и угрюмые, поросшие по краям желтой куриной слепотой и белесой пушицей болотца. Жалили комары, гулко стреляла пузырьками воздуха маслянисто-черная вода. А над головой, в просветах зеленых крон стояло золотистое июльское солнце.

3.

Сергей Крутиков шел последним. Был он по натуре человеком мечтательным, романтичным. Учился в могилевском пединституте на четвертом курсе биологического факультета. Двадцать третьего июня 1941 года он должен был сдавать пос-

* Беспорядок! Понимаешь?.. Русская свинья?! Дерьмо! Раз, два, три. Огонь!.. Раз, два, три... (нем.)

** На здоровье! На здоровье... Хорошо? (нем.)

*** Что? Что произошло? (нем.)

ледный экзамен по спецпредмету “Класс беспозвоночных, рыб и рептилий”. А потом — производственная практика, каникулы, поездка к старшей сестре Ольге в Евпаторию. Увы, ничему этому не суждено было сбыться...

На третий день войны, после ожесточенной бомбежки немцами города, Сергей явился с деревянным чемоданчиком к военкому и, положив на стол документы, попросил, чтобы его немедленно отправили на фронт.

Военком полистал бумаги Крутикова и хмуро сказал:

— Не морочьте мне голову, молодой человек. Студентам пока дана отсрочка... Без вас забот хватает. Занимайтесь своим делом! Все. Кру-гом!

— А дело сейчас у всех одно — защищать Родину, — строптиво возразил, не сдвинувшись с места, Сергей и ощутил, как загорелись уши.

— Слова правильные. Хорошие слова, — устало обронил военком и принялся что-то искать среди горы папок.

В тесном заставленном шкафами и сейфами прокуренном кабинете военкома все время трезвонили телефоны; входили и выходили люди, где-то за стеной стучала пишущая машинка. Военком подписывал какие-то бумаги, отдавал распоряжения; на одних он кричал, других уговаривал, от третьих требовал...

— Ну чего ты все стоишь? У меня здесь разве стойло? — Оторвавшись на миг от бумаг, что подсунул ему черноволосый лейтенант в пограничной форме, наконец спросил у Сергея военком.

— Я слушал по радио речь Молотова. Отправьте меня на фронт!

— А где он, этот фронт, ты хоть знаешь?

— Это вы должны знать.

— Эх, милый ты мой... Откуда только ты такой шустрый взялся? — Военком нахмурил брови. — Очки толстенные носишь, а на фронт просишься. Что у тебя с глазами-то? Близорукость? Дальнорукость?

— Близорукость.

— Сколько диоптрий?

— Минус пять.

— Ну вот! Ты же немца с двадцати аршин не разглядишь! Он тебя подстрелит, как слепого котенка!

— Извините, товарищ военком, но вы... вы совершенно не правы! У меня значки “Ворошиловского стрелка” и ПВХО! Я знаю немецкий язык и кроме того...

Договорить Сергей не успел: в кабинет вихрем влетел капитан войск НКВД. Его гимнастерка, темно-синие галифе и хромовые сапоги были испачканы глиной, одна из малиновых петлиц оторвана. Капитан вручил военкому пакет с сургучными пе-

чатями и пока тот вскрывал его и читал, черноволосый лейтенант в пограничной форме, цепко-внимательно поглядывая на Крутикова, тихо спросил:

— Немецкий язык, стало быть, знаете, да?

— Знаю.

— А конкретно? Насколько хорошо знаете?

— Свободно разговариваю, читаю и перевожу.

Лейтенант снова впился в Крутикова строгими цыганскими глазами.

— Вы что же... из института иностранных языков?

— Никак нет, — ответил по-военному Сергей и, почувствовав, что лейтенант им заинтересовался, с надеждой добавил: — У меня мама преподавала в университете немецкий.

Капитан выбежал из кабинета, и Сергей, повернувшись к военкому и стараясь в то же время следить краешком глаза за лейтенантом, хотел было снова напомнить о себе, но тут задребезжали сразу два телефона. Военком схватил обе трубки, начал попеременно дуть в них, ругать какого-то Анисимова, требуя обеспечить явку на сборный пункт двухсот человек и прислать четыре полуторки...

— А знаете, мы вас, пожалуй, призовем, — сказал Крутикову лейтенант.

На другой день после беседы с майором Крутиков получил на складе новенькую военную форму и винтовку. Черноволосый лейтенант — его фамилия была Дубов — формировал спецотряд, куда Сергея и взяли переводчиком. На подготовку отвели месяц. Занятия поначалу шли интенсивно: военное дело, приемы самбо, изучение топографических карт, ориентирование в лесу по солнцу и звездам, подражание (для подачи условных сигналов) голосам зверей и птиц... Но через несколько дней все разом изменилось. Немцы обошли Минск, стремительно приближались к Борисову. Спецотряд, в котором находился Крутиков, погрузили ночью на полуторки и отправили на запад.

Утром, ни свет ни заря у небольшого лесочка они с ходу вступили в бой. У немцев было превосходство и в людях, и в технике. Неравный поединок продолжался часа три... Сергей и еще пять человек уцелели чудом и то лишь потому, что фрицы решили: гоняться за уцелевшими — только время терять. Они махнули рукой на эту горстку красноармейцев отряда, твердо уверовав, что оставшиеся в живых русские и так рано или поздно погибнут: они окружены, обречены...

Но оттого, что фашисты поступили именно так, а не иначе, в уцелевших бойцах росло и крепло неистребимое желание как можно скорее снова вступить в бой. У каждого лежал камень на душе, какой-то неприятный осадок, и чувство недовольства собой не проходило, так словно именно они,

оставшиеся в живых, были повинны в том, что погибли другие...

Нет, бойцы не искали смерти и в то же время они уже никого и ничего не боялись; хотели лишь одного: покрепче отомстить за товарищей. Это было святое непроходящее чувство ожесточившихся, готовых на все людей.

К вечеру следующего дня их осталось только трое, а ночью в завязавшейся перестрелке с немецкими мотоциклистами уцелел один Крутиков...

4.

Гуринович вел отряд глухой чащобой. Здесь было тихо, покойно. В шелковистой траве пестрели россыпи коричневых масляток, красных подосиновиков, золотистых лисичек. Гулко дробил сонную тишину дятел. Война пока обошла стороной эти места.

На одной из полян они увидели лося. Он пил воду из бочажка всего в пятнадцати-двадцати шагах от них. Старшина кашлянул негромко. Лось медленно поднял голову: с волосатой морды свисали длинные стеклянные нити, на людей доверчиво и чуть удивленно смотрели карие блестящие глаза. В них совсем не было страха.

Серов сдернул с плеча винтовку.

— Ты... че? — заиграл белесой бровью Гуринович.

— А ниче... Жратвы нету.

— Отставить, Серов! — тихо сказал Зотов. — Перебьемся...

Часа через полтора лес стал редеть, почва под ногами сделалась тверже.

— Осталось километра три, — уверенно изрек шагавший впереди Гуринович. — Сейчас начнется березняк, потом два озерка, за ними — бугор и... Старшина запнулся: в разлапистых кустах что-то шевельнулось. Он клацнул затвором винтовки, грозно-отрывисто бросил:

— А ну выходи! Живо!

Из кустов медленно выбрался старик. Был он высок, сухощав, с совершенно белыми, как снег, стриженными под ежик волосами... Запачканные на коленях шевиотовые брюки, пиджак в клеточку с оторванным карманчиком на груди, потертые замшевые сандалеты...

— Кто вы? Почему прячетесь?

Старик молчал. Гуринович повернулся к Зотову, пожал недоуменно плечами:

— Немой, что ли?

— Не похоже.

Комиссар подошел к старику.

— Беженец? Поляк? Русский? Белорус?

И опять — ни слова. Будто воды в рот набрал.

— Решили, значит, в молчанку играть? А смысл?

Старик продолжал настороженно рассматривать то Зотова, то Гуриновича, потом перевел взгляд на Бута, Серова, Крутикова, Никитину. Он долго смотрел на тощую санитарную сумку Веры, топорщившуюся на плече, на ее заштопанную гимнастерку, забрызганные болотной жижей кирзовые сапоги. Расчесанное до крови и распухшее от комариных укусов молодое Верино лицо было усталым и ничего не выражало кроме страдания.

На миг в зеленовато-серых, выцветших от времени глазах старика мелькнуло сострадание, затем он снова бесстрастно стал смотреть на бойцов.

— Предположим... я действительно беженец, русский. Что дальше? — проскрипел старик, и губы его растянулись в нервной усмешке.

— Откуда вы? — спросил комиссар.

— Сие... разве имеет значение?

— Потрудитесь отвечать на вопросы командира Красной Армии, коль уж вы заговорили.

— Я не военный и вам не подчиняюсь. Да-с! Это во-первых. А во-вторых, настоящие командиры Красной Армии по лесам да болотам не прячутся, а бьют фашистов, — колюче возразил старик.

— Спасибо за напоминание. Все?

— Почти... Почему, собственно, я должен верить, что вы — командир Красной Армии?

Зотов нахмурился. На его впалых щеках появилась фиолетово-розовый румянец.

— Разве мы похожи на немцев?

Старик демонстративно отвернулся.

— Не далее как позавчера, я встретил одну группу, вроде вашей... Новенькое обмундирование, пилотки со звездочками, винтовки тульского оружейного... А командир — голубоглазый, добродушный такой! Эдакий симпатичный рубаха-парень, как в стихах Павла Васильева. Он даже закурить мне предложил. Кстати, папиросы "Беломорканал". Я обрадовался, словно ребенок, которому дали красивую игрушку. Наконец-то своих встретил, думаю... — Он замолчал, горестно вздохнул.

— Ну а дальше? Что дальше-то было? — вытянул длинную шею Бут.

— А дальше стихи кончились. Пошла проза: они стали шпыхать по-немецки... Извините, я сяду... ноги что-то плохо слушаются. Варикозное расширение вен — штука не очень приятная... — Старик подтянул брюки на коленях и, побряхтывая, опустился на чокчу. Достал из внутреннего кармана пиджака черный, вышитый красными нитками носовой платок, промокнул лоб.

— У вас — глубокая ссадина на правой щеке... Давайте я прижгу ее йодом, — сказала Никитина и, подойдя к старику, открыла санитарную сумку.

— Спасибо, голубушка. Но уж лучше поберегите йод для более серьезных ран.

— Нет-нет, вашу щеку надо обработать... Поднимите, пожалуйста, голову чуть выше.

Вера взяла палочку и, намотав на нее вату, обмакнула в пузырек, а старик тем временем продолжил свой рассказ:

— Голубоглазый командир, приняв меня за художника, дотошно расспрашивал о картинных галереях Минска, оформлении здешних церквей...

Короче, я понял, с кем имею дело... Потом эти потомки викингов и нибелунгов, облаченные в форму бойцов Красной Армии, расстреляли лесника, его жену и двоих детей. На моих глазах они убили и троих наших командиров — те, видимо, тоже решили, что это свои... Несчастный Бах! Бедный Гете! Что бы они сказали, увидев теперешние деяния своих соотечественников?! Ведь они...

— Как вы спаслись? — перебил, не дослушав, Зотов.

— Они привели меня на какой-то хутор и заперли в сарае... Ночью я сбежал — сарай оказался ветхий, не составляло труда сделать лаз над самым полом. И вот теперь я здесь, кормлю комаров...

Зотов задумался, потер свой широкий подбородок:

— Мда-а... И после всего этого приняли нас за немецких диверсантов?

— В первый момент... Только вот девушка у вас с санитарной сумкой... Немцы сестер милосердия... то бишь медицинских сестер в разведку не берут.

— Откуда вы знаете? — усмехнулся Гуринович.

— Женщине в Германии Гитлер уготовил довольно ограниченные функции: дети, кухня, церковь... — Старик окинул Зотова испытующим взглядом. — Вы тут, судя по всему, главный... Простите, с кем имею честь?

— Полковой комиссар Зотов. Со мной бойцы Красной Армии, выбирающиеся из окружения.

Старик встал, протянул сморщенную, как капустный листок, ладонь.

— Городецкий Станислав Викторович. Сотрудник Минского музея изобразительного искусства. Кандидат искусствоведения.

— А как вы попали сюда?

— Я уехал из города с последним поездом... По указанию горкома партии мы начали эвакуацию картин и прочих ценностей из нашего музея. Когда отъехали от города километров на тридцать, эшелон стали бомбить... — Городецкий снова сел на кочку, закрыл глаза. Лицо его сделалось серым, уголки рта привяли. Глухим прерывистым голосом выдавил: — О-о, что там было за пекло... что было за пекло... Горели вагоны, умирали лю-

ди... А бомбы все падали и падали. Все, кто уцелел, кинулись к шоссе. А там уже немцы. Они косили безоружных людей из пулеметов! А за что? Что мы сделали им такого? Нет, это воистину звери. Человек в здравом уме на такое не способен. Просто сумасшедшие.

— Увы, Станислав Викторович, они не сумасшедшие, — покачал головой Зотов. — И бороться с ними нам будет непросто. У них много танков, самолетов, пушек. Воевать они умеют... Но рано или поздно мы их все равно разобьем. Непременно разобьем!

Городецкий с интересом смотрел на Зотова.

— Ваша уверенность похвальна... Но пока, насколько мне известно, немцы захватили Гродно, Бобруйск, Гомель, Минск и приближаются к Могилеву.

— Это временное явление, Станислав Викторович.

Комиссар вытащил из планшетки карту и попросил Городецкого показать на ней, откуда именно он идет, где встретил диверсантов.

Старик долго разглядывал карту, водил по ней тонким, веснушчатый пальцем.

— Мне, извините, намного проще и привычнее рецензировать живописные полотна, нежели читать топографическую карту... По-моему, тех немцев я встретил вот тут, возле этого лесного массива. Две речки здесь сходятся в виде латинской буквы "V". А хутор... хутор, что они спалили, назывался, то ли Красновичи, то ли Краслевиичи... Простите великодушно старика, запомнювал.

— А может — Красиличи? — поправил Гуринович.

— Вот-вот, Красиличи! — подхватил Городецкий и, наклонившись к комиссару, прошептал: — Прошу прощения, но поскольку вы здесь старший, я хочу сообщить вам нечто очень важное. Тет-а-тет... Ежели вы не против, давайте отойдем куда-нибудь в сторонку. Буду вам премного благодарен.

Зотов пожал плечами и, засунув в планшетку карту, молча направился к толстому буку, что рос метрах в двадцати пяти. Следом за ним двинулся Городецкий.

— Я вас слушаю, Станислав Викторович.

Старик огляделся по сторонам и тихо сказал:

— Я полностью полагаюсь на вашу честность и добропорядочность. Я стар, силы мои на исходе. Одной ногой я уже стою в могиле... История решила сыграть со мной злую шутку. Двадцать второго июня началась война, и в этот же день Городецкому Станиславу Викторовичу, то есть мне, исполнилось ровно 75 лет... Такое страшное совпадение!

— Да, совпадение не из приятных. Но об этом

можно было сказать и при всех... Зачем вы меня позвали?

Старик вздохнул, улыбнулся печально.

— Ах, какой вы нетерпеливый... Впрочем, может, я и не прав. Люди искусства любят почесать языком и там, где военные обходятся одним словом, употребляют десять. И так, с моей стороны, товарищ комиссар, это была, фигурально выражаясь, увертюра... — Городецкий замолчал, еще раз глянул на стоявших поодаль солдат и шепотом произнес: — Хочу открыть вам свою тайну и надеюсь на помощь.

— Говорите.

— Со мною... картины. Очень ценные! Когда горел эшелон, мне и Владимиру Петровичу Расько, нашему директору, удалось кое-что спасти. Расько погиб, а я вот... брожу по лесам. Картины могут попасть к немцам, а этого допустить нельзя. Никогда и ни при каких обстоятельствах! Они — достоинство всего нашего народа!

— Их много?

— Шесть полотен и четыре иконы.

— Где они?

— Да здесь... Недалеко. Я спрятал их в лесу, в глубокой яме. Они в мешке... Сверху я яму присыпал...

Комиссар сорвал буквый листок, повертел его в руках. Он размышлял — все складывалось неожиданно. Зотов понимал, что он должен помочь: Городецкий рассчитывает на него как на единственного представителя советской власти, оказавшегося сейчас в глубоком тылу у немцев. Старик верит ему, надеется. Но ведь идет война! До искусства ли сейчас! Везде кровь, смерть.

— Вы сказали... иконы?

— Да, и иконы! Ах, я понимаю: вы ведь комиссар, — грустно усмехнулся Городецкий и после продолжительной паузы горячо зашептал: — Вы можете, конечно, не верить в Бога, отвергать церковь, но быть равнодушным к этим... к этим иконам нельзя! Нельзя, понимаете?! Это шедевры. Их создала изумительная по своей выразительности кисть настоящих живописцев! Одна из икон итальянского мастера Пауло Чезарини, двенадцатый век. Остальные три — это наша, русская древняя живопись пятнадцатого века. — Старик перевел дух, расстегнул ворот синей сорочки. — Еще на заре советской власти, пятого октября восемнадцатого года, Совнарком издал декрет о регистрации, учете и сохранении памятников искусства и старины... А иконы, повторяю, — это произведения изобразительного искусства! Их создал человеческий гений! Мы обязаны спасти их!

— Ну а картины? Они чьи? — спросил Зотов. — Кто авторы?

— Две Левитана, затем — Поленов, Ярошенко,

Суриков и "живописец счастья", как назвал его Лучначарский, — Огюст Ренуар... Бесценные шедевры!

Старик продолжал говорить, но Зотов уже не слушал его. Полотно Поленова, Сурикова он видел в прошлом году в Третьяковской галерее, когда приезжал с семьей в Москву — к сестре в отпуск. То было совсем другое время — мирное, светлое, веселое... Сколько хороших воспоминаний! Они ходили по музеям, собирали грибы в подмосковном лесу, купались, загорали... Нина пошла себе белое платье. Анечка щеголяла в сомбреро — Нинина сестра подарила, ко дню рождения... Смех. Улыбки. Мороженое с холодной, остро бьющей в нос сельтерской. Кинофильмы, прогулки на катере по Москва-реке... И все то, что было тогда, двенадцать месяцев назад, в такой же ослепительно яркий июльский день, кажется сейчас чем-то нереальным, полуфантастическим, совсем из другой жизни. Словно в Москве, в Третьяковской галерее и музеях был не он, Зотов, а кто-то другой, страшный знакомый ему...

— Нужно, товарищ комиссар, чтобы иконы и картины попали к нашим, — вывел комиссара из забытья голос Городецкого.

— Согласен. Но мы сейчас в тылу у немцев. Как далеко они продвинулись, не знаю. Знаю пока лишь одно: меня в любую минуту могут убить, поэтому вы должны рассказать о картинах всем... Тогда будет больше гарантии, что мы их спасем.

Городецкий обеспокоенно захлопал ресницами. На правом виске у него пульсировала фиолетовая жилка, у крыльев хрящеватого носа вычернились две глубокие морщины.

— Я... я, право... Нет, лучше этого не делать... Не делать... Люди бывают разные...

— Много пути нет, дорогой Станислав Викторович... Вы же мне почему-то поверили, рассказали! Так отчего же не доверяете им? Они такие же солдаты, как и я. Наши солдаты.

— Вы — совсем другое дело. Вы — комиссар!

— И все-таки, Станислав Викторович, и все-таки...

Городецкий колебался.

— Хорошо. Я расскажу всем. Пусть знают. — И, тяжело вздохнув, он медленно, словно все еще сомневаясь в чем-то, пошел к стоявшим у кустов краснотала бойцам.

Когда он закончил свой рассказ, Бут поскреб за тылок и хитровато прищурил левый глаз.

— У меня есть вопрос к Станиславу Викторовичу... Разрешите, товарищ комиссар?

Зотов одобрительно кивнул.

— Вы, извиняюсь, верите в Бога?

На костистом лице старика заиграла усмешка.

— Я — атеист. Мой Бог — это изобразительное

искусство. Ему я поклоняюсь! Все уходит в небытие — люди, деревья, моря... Одно лишь искусство остается навсегда. Искусство вечно!

— Вас бы, Станислав Викторович, к нам в Мариуполь, в наш Парк культуры и отдыха имени Лермонтова, читать лекции... Был там у нас один лектор, так его потом выгнали: пьяница да и неинтересно работал. Засыпали люди... А вот вы — совсем другой коленкор! Одним словом, заранее приглашаю вас в Мариуполь! По рукам?

Бут был уверен, что его слова польстят старому искусствоведа, но тот отнесся к услышанному безучастно. Сдул невидимую пылинку с рукава пиджака, разгладил ладонью лацканы с загнутыми уголками. И снова тонкие губы сломались в усмешке:

— Извольте шутить, молодой человек... Разбейте раньше фашистов, а уж потом будем говорить о Мариуполе, обсуждать, кому и где работать... Гитлер и же с ним похлеще галлов и их вождя Бренна, которые, умертвив сто римских сенаторов, провозгласили, что "сильным принадлежит мир". Гитлер хитрее и коварнее Бренна. Недооценивать это нельзя.

— А вот пугать не надо, отец.

— Я и не пугаю, а предупреждаю. Это — разные вещи, дорогой товарищ. По жестокости Гитлер уже превзошел Аттилу. Но на этом он не остановится...

"Занятный старик, этот Станислав Викторович, — не преминул отметить про себя Крутиков. — Надо будет познакомиться с ним поближе, есть о чем потолковать."

Вера Никитина тоже внимательно следила за завывающим разговором, соглашалась мысленно с Гордеевым, а старшина Гуринович, задумчиво поглядывая на Станислава Викторовича, вспомнил вдруг, что у его стариков, в Сосновке, висит в горнице картина Левитана, вернее, репродукция с его картины "Водяная мельница" — младший брат, Егор, привез. Он учительствовал, преподавал географию в пятих-шестых классах... Интересно, где сейчас Егор? Последнее письмо от него пришло в конце мая: сообщал, что собирается со своими "озорниками и проказниками" на каникулы в Минск...

Серов, поглаживая потной ладонью приклад винтовки, бурчал себе под нос: "Икон нам только не хватало, картин. Да гори они синим огнем! Сейчас самое главное — ноги отсюда унести. Узнают немцы, что с нами картины, будут преследовать, пока всех не перебьют. Эх, жизнь!.. Приклеился, старый хрыч, со своими ренуарами. В гробу я все это видел, в белых тапочках!"

— Итак, объясняя задачу, — громко произнес комиссар. — Нам необходимо пробиться к своим —

это раз. И второе — надо спасти картины. Они не должны попасть в руки немцев... Вопросы есть?

— Нету.

— В таком случае — вперед. Ведите, Станислав Викторович!

5.

Вьюнилась едва приметная в траве стежка, переговаривались вполголоса о чем-то деревья. Городецкого одолевали тяжкие сомнения. Правильно ли он поступил, доверившись этим людям?

К комиссару Зотову и медсестре Никитиной Станислав Викторович испытывал симпатию, а вот остальные... Что они за люди? Особенно вот этот — заросший густой щетиной и мрачный, как осенняя ночь; Зотов называл его Серовым. Он и действительно какой-то серый — все время морщится, словно у него зубы болят, глядит недобро, исподлобья. Станный индивидуум... Старшина Гуринович ранен, голова в бинтах. Дружески подмигивает. А зачем? К чему фамильярности? На Крутикова можно, пожалуй, положиться. Он почти все время молчит, но во взгляде — пылкий ум, желание помочь...

Так уж повелось, что к людям в очках Станислав Викторович почти всегда почему-то благоволил. А вот к говорунам и острякам, вроде Буга, относился с недоверием и некоторой долей скепсиса. И хотя сам Станислав Викторович за словом в карман никогда не лез, любил пофилософствовать на отвлеченные темы, а иногда — и щегольнуть цитатами из Сенеки или Плутарха, но тем не менее, в оценке других людей неизменно руководствовался принципом: "Кто много говорит, мало делает". Поступки красят людей, а не пустословие... Мои иконы, картины можно продать в любой стране, получить за них огромные деньги. Истинные знатоки всегда по достоинству оценят шедевры. Серов, наверно, знает об этом или догадывается. Да и Бут тоже... О чем они сейчас думают? О войне? О моих картинах? А может, о доме, о том, как жили раньше? Любой человек — и хороший, и дрянной — не прочь иногда предаться воспоминаниям, особенно если ему плохо, а они, эти воспомина-ния, — из разряда приятных...

Иконы, картины... Что же делать? А вдруг комиссара не сегодня, завтра и взаправду убьют? С кем же тогда он останется?..

Еще не поздно остановиться, сказать, что заблудился, запамятовал, где именно спрятал мешок... Еще не поздно... А будет ли это правильно? Вправе ли он так поступать?

Рассуждая подобным образом, внимательно приглядываясь к незнакомым людям и стараясь

разобраться в каждом из них, Станислав Викторovich в то же время понимал и другое: одному ему картины не спасти. Семьдесят пять лет — это вам не фунт изюма. Что будет с ним самим завтра — одному Богу известно. Надо рисковать. В конце концов свет не без добрых людей. Да и почему, собственно, он должен не доверять этим солдатам? Разве для этого есть веские основания? А первые, чисто внешние впечатления нередко бывают обманчивы.

Городецкий привел отряд к старому дуплистому дубу. Толстый, в три обхвата ствол бархатился голубоватым мхом. Чуть поодаль угадывалась медвежья берлога.

Станислав Викторovich раскидал ветки, спустился вниз. Быстро, словно боясь опоздать, стал разгребать землю.

— Разрешите... я помогу, — предложил свои услуги Крутиков и спустился следом. Он хотел было пустить в ход трофейный немецкий тесак — широкий, вполне сгодившийся бы для земляных работ, но Станислав Викторovich отчаянно замахал руками:

— Что вы, что вы! Так недолго и полотно повредить!

Землю осторожно, по горсти, выбрасывали наверх... Городецкий суетился, обеспокоенно покусывал губы. Лицо у него покрылось испариной, дыхание стало свистящим.

— Извините, Станислав Викторovich, но давайте лучше я один буду. Вам тяжело, к тому же здесь...

— Нет-нет, — замотал головой старик, — мне легко... Опять же, вы не знаете, где это лежит.

Наконец в беловато-желтом крупнозернистом песке открылась ниша. Городецкий облегченно вздохнул, промокнул лоб носовым платком и вытащил затянутый бечевой мешок.

— Вот... пожалуйста... Вот это он и есть, товарищ комиссар. Это он...

Зотов внимательно взглянул.

— Все цело?

— Безусловно! По весу чувствую. Развязывать не стоит. Холсты упакованы в прорезиненную ткань. Я положил туда же каштанов — от моли и корень ляпухи — от сырости...

— Сколько же весят эти реликвии? Ну-ка, разрешите, — Зотов взял мешок, подержал в одной руке. — С полпуда, наверно...

— Да, столько, пожалуй, и есть. — Станислав Викторovich отряхнул ладони, устало опустился на землю. Левое веко у него дергалось, колени подрагивали.

Кипел под ветром лес, где-то печально кричала кукушка...

— Раз... два... три... семь... девять... — считал вслух Бут. — Гм, двенадцать лет науковала. Нет,

этого мне маловато! Так не пойдет, дорогая птичка! Моя прабабушка Агриппина свет Борисовна прожила ровно сто два года. Раб Божий Павел не хочет от нее отставать!

— Все, спасибо, я отдохнул, — сказал, поднимаясь, Городецкий.

— Крутиков, возьмите мешок, — распорядился Зотов. — Беречь как зеницу ока!

— Есть, товарищ комиссар.

Станислав Викторovich придирчиво наблюдал, как солдат стряхнул с мешка остатки глины, сосновые иголки, травинки...

Зотов кинул на Городецкого вопросительный взгляд:

— Вы готовы?

Старик поджал губы.

— Надеюсь, глубокоуважаемый товарищ комиссар, наш дальнейший маршрут не является военной тайной? Куда вы намерены направиться?

— У нас совершенно нет продуктов и курева, поэтому прежде всего зайдём в Сосновку. Это родное село старшины Гуриновича.

— Но ведь там, наверно, немцы? Немцы!

— Ну и что? — пожал плечами Зотов, и по тому, как он это проделал, по его спокойному лицу, отсутствию в голосе волнения Станислав Викторovich понял, что комиссар действительно не боится врага. И это зотовское спокойствие, его подкупающая невозмутимость невольно передавались другим, и Городецкому в том числе. Он расправил плечи, поднял выше голову:

— Ну что ж, в Сосновку, так в Сосновку.

6.

Серов шел следом за Бутом. Снова, как и вчера, как и несколько дней назад, перед его глазами мелькали стволы деревьев, покрытые с северной стороны зеленым ворсом мхов, затянутые тиной мочажины, трухлявые пни, пересыпанные синими звездочками цикория и кукушкиных слезок травы, рогастые заросли облепихи, усатые ивняки...

Тяжелый, усталый взгляд Филимона упирался в топорщившуюся на тощей спине Бута заскорузлую от пота гимнастерку. Еще вчера Серов чувствовал к Павлу неприязнь, руки прямо-таки чесались на костылять этому салаге за его подозрительность, за ядовитые шуточки. А вот сейчас что-то оттаяло в душе: ведь именно Бут с Гуриновичем выручили его, спасли от немецких автоматчиков на берегу пруда. Из-за него Павла и ранили.

“Эх, добраться бы только до своих... — вздыхал мысленно Серов. — Куда ни ткнишь — повсюду немцы. Переплет антихристов! А тут еще этот старик со своими картинами...”

Филимон хмурился, мотал головой, словно ворот гимнастерки давил ему шею.

Восемь лет назад истосковавшийся по домашнему теплу детдомовец Серов женился. Жену его звали Викторией. Была она бабенкой смазливой, но скуповатой и настырной. Не прошло и месяца после свадьбы, как она стала точить мужа за то, что он мало зарабатывает. "Ну что это такое?! Не жизнь, а прозябание! Одно платье, одни туфли... А молодость ведь не воротишь. Думай, миленький, думай, как содержать жену".

А что думать-то, куда идти? Заганск — городок, в котором они жили, — небольшой, запустелый, тихий. Основные достопримечательности его — крохотный кирпичный заводик да памятник герою гражданской войны Николаю Щорсу. Филимон работал шофером на старенькой и такой же ветхой, как и весь Заганск, полуторке АМО — возил кирпич с заводика на железнодорожную станцию.

Виктории подавай достаток. А тут еще ребенок родился — Мишей назвали, в честь директора детдома, в котором воспитывался Филимон. Пришлось бросить полуторку, кирпичный завод и подаваться на заработки в Донбасс, на шахты.

— У Стаханова небось и квартира своя, и денег курлы не клюют. Еще и машину легковую правительство подарило. Вот это жизнь, Филя! Почет, уважение! Попробуй, а вдруг и у тебя получится, а? Чем черт не шутит?! Соберешь денег, вернешься знаменитым на всю страну. Чего доброго тоже "эмку" отвалят. Купим с тобой большой и ладный дом, заведем хозяйство... Заживем припеваючи! — напутствовала жена.

— А ты... как же? Разве ты со мной не поедешь?

— А я тебя в Заганске буду дожидаться, сына растить. Тут все-таки у нас какая-никакая, а комната. Свой угол! Будешь слать по почте нам с Мишкой денежные переводы. Только смотри там, не пей, я пьяниц не люблю.

— Я же буду скучать без тебя... без Мишки...

— Ничего, перетерпишь годик-другой. Зато потом какой мед будет! Хочешь жить — умей вернуться, миленький. Это основной принцип жизни.

И он уехал в Донбасс. Кончил трехмесячные курсы, стал проходчиком. Два года барабанил под землей. Заработки здесь и впрямь были высокие: не чета тем, что имел на кирпичном заводе. Правда, и работенка не из легких. Вкалывать приходилось до седьмого пота. Надышишься за смену угольной пылью, потом плюешься черными сгустками. Но это не пугало Филимона — до работы он был охоч, сказывалась детдомовская закваска.

Два года жил в общежитии, посылал ежемесячно переводы домой, и в каждом письме просил, чтобы Вика не забыла вложить в конверт фотографию Мишки.

Поначалу та отвечала исправно: писала о городских новостях, о детских яслях, куда определила сына (шесть дней в неделю, полный пансион), о том о сем, даже о гастролях одесского цирка. Потом письма от нее стали приходить все реже и реже...

Полгода мучился Филимон, строил страшные догадки: неужто что-то с Мишкой? А может, Виктория захворала тяжело? Так и не дождавшись никаких вестей, купил билет на поезд и отправился в Заганск. Ехал с тяжелым сердцем, словно предчувствовал неладное. И действительно, скверные предчувствия не обманули его. Пока он рубил в душных забоях антрацит, Виктория спуталась с мастером кирпичного завода Волощуком. Мишка простудился, заболел крупозным воспалением легких и в тот день, когда в Заганск вернулся отец, умер.

Три дня пил горькую Филимон. Из дому не выходил. А потом избил до полусмерти Викторию, ранил из двустволки Волощука. Если бы не помешали добрые люди, вообще пристрелил бы.

Судили, дали пять лет. Из тюрьмы он вышел перед самой войной...

Филимон до сих пор не мог простить жене то, что произошло. При одном только упоминании ее имени у него начинала дергаться правая щека, сжимались кулаки...

А тут еще этот Викторевич — старик Городецкий... Серов шумно дышал, бросал на идущего рядом искусствоведа мрачные взгляды...

А медсестра Вера Никитина в это время думала о матери, о своем родном городе Каневе, где был похоронен на крутом правом берегу Днепра Тарас Шевченко, стихи которого она любила, а "Кобзарь" знала наизусть. Как-то сейчас в Каневе? Неужто и туда уже подошли немцы? Мама... мамочка!.. Получила ли ты мое письмо? О Толе Вера, конечно, ничего не написала... У мамы и так большое сердце. А изменить или поправить уже ничего нельзя. Поздно... Ах, Толя, милый Толечка...

Ровно год назад Вера закончила в Смоленске медучилище и попросила направить ее в Западную Белоруссию — в ту самую воинскую часть, где работал врачом-хирургом ее родной брат Анатолий. Просьбу удовлетворили не сразу — долго пришлось походить по разным военным организациям, инстанциям, ведомствам. Как-никак, Гродно — это граница...

Анатолия убили на третий день войны, прямо у Веры на глазах. Он готовился оперировать очередного раненого. Как отчетливо все помнится! До мельчайших подробностей, до острой, перехватывающей дыхание боли...

Выстрелы, крики... В операционную врываются немцы. Они начинают добивать раненых. Делают

это методично и упоенно, с каким-то дьявольским, чудовищным спокойствием, словно перед ними не люди, а что-то неодушевленное.

— Вы... вы звери! Негодяи! Это же раненые! Раненые, понимаете?! По международной конвенции... — Анатолий недоговорил: немецкий офицер прошел его автоматной очередью. Толя дернулся назад, медленно осел. Белый халат, расплзающиеся алые пятна... Отрывистые немецкие команды, топот ног... "Шнель! Шнель!"

А потом их троих — Надю, Лену и Веру — куда-то повезли в большом немецком грузовике. Когда началась бомбежка — наши налетели, тяжелые ночные бомбардировщики ТБ-3, Вера сразу узнала их по звуку, — машина остановилась, шофер и охрана бросились в кювет, а девушки — к лесу. Они бежали сколько хватило сил, потом шли. Шли всю ночь. Утром забрели на минное поле. Надя и Лена подорвались, Вера уцелела чудом...

За четырнадцать дней войны она увидела столько, что с лихвой хватило бы, пожалуй, на всю жизнь: смерть, кровь, слезы. Ей была ненавистна, противоестественна эта страшная мясорубка. Как и всякая женщина, она мечтала о семье, детях, большой любви, но сейчас... Война бесповоротно подчинила своей воле людей, их мысли, желания, поступки. Чтобы защитить страну, чтобы жить, радоваться солнцу, нужно убивать. Это жестоко, ужасно, но иного пути ни у Веры, ни у ее товарищей сейчас не было. Или ты убьешь фашиста — или он тебя. И Вера хорошо это понимала. Она испытывала до боли глубокое чувство сострадания и к комиссару Зотову, который в первый же день войны потерял свою семью, и к раненому в голову старшине Гуриновичу, к балагуру Буту, замкнутому Серову, к мягкому и вежливому Крутикову (какой симпатичный парень, в такого и влюбиться не грех!), к полному собственного достоинства, интеллигентному старику Городецкому.

"Сколько всего выпало на нашу долю, — думала с горечью Вера. — Хуже всего, что этим мытарствам и конца не видно... Что-то будет завтра? Что ждет всех нас впереди? Война... проклятый фашизм! Ах, люди, люди... Неужели нельзя жить в мире, в согласии? Ведь жизнь у человека только одна. Комиссар Зотов хочет, чтобы картины, спасенные Городецким, попали к нашим. Он говорит, что, оберегая их от варваров-фашистов, мы делаем нечто большее, чем только сохраняем человечеству творения великих мастеров. Мы этим самым укрепляем свою веру в конечную победу над фашистской Германией, в правоту своего дела. Наверно, он прав".

7.

Шедший впереди Гуринович предостерегающе поднял руку. Все остановились.

Старшина подозвал Зотова:

— Вижу немца, товарищ комиссар. Вроде как фотографирует что-то на дереве. Белку, что ли... По-моему, офицер. Солдаты таких фуражек не носят. Вон он справа... Просвет меж деревьями видите? Аккурат туда и глядите. Метров сто от нас. Видите?

Зотов, приставив козырьком ладонь к глазам, вытянул шею. Долго всматривался.

— Ну что? — горячо и нетерпеливо прошептал Гуринович.

— Теперь вижу. Действительно, у него в руках фотоаппарат... Объектив блеснул на солнце... Фотолобитель, значит. Ну-ну. — Комиссар и старшина обменялись быстрыми взглядами.

— Возьмите кого-нибудь в подмогу, Иван Михайлыч, и действуйте.

— Понял! — выдохнул старшина и с решительным видом подозвал к себе Крутикова.

— Немца надо взять живьем. Без всякого шума. Пойдем вдвоем. Задача ясна?

— Так точно.

— Подготовь кляп и веревку.

— Есть.

Гуринович пригнулся и, увлекая за собой Крутикова, шагнул вправо. Через несколько секунд обоих поглотила густая, зеленая вязь кустов.

Старшина продвигался ходко, размашисто и почти бесшумно. Когда шедший сзади Сергей Крутиков задевал ненароком ветки или под его ногами хрустели сухие сучья, Гуринович приседал, хмурясь, и, оборачиваясь, бросал на него горизонтальные взгляды.

Сергей был весь в напряжении. Любой посторонний звук — то ли шорох крыльев пролетающей над головой птицы, то ли скрип дерева — невольно заставлял его пригibasья, крепче сжимать в руках трофейный автомат. Втайне он завидовал старшине, его умению двигаться по-кошачьи, не производя никакого шума. Научиться бы так!

Немца они увидели почти одновременно. Гуринович не ошибся: это действительно был офицер — русоволосый, статный, с железным крестом и разноцветными ленточками за ранения на новеньком кителе. Одной рукой он держал фотоаппарат, другой приманивал рыжевато-черную белку, сидевшую неподалеку на ели. Немец не спеша переходил с одного места на другое, стараясь найти оптимальную точку для фотографирования. Вдобавок белка, словно дразня его, перескакивала с ветки на ветку именно в тот момент, когда он готов было уже щелкнуть очередной кадр.

— У-у, доннер-веттер! — бранился немец, покаявая зверьку кулак.

Вел он себя в этом старом белорусском лесу, судя по всему, совершенно беспечно. Гуринович и Крутиков остановились шагах в десяти от него в густых кустах. Старшина тронул Сергея за плечо, подмигнул: мол, не робей, парень, все будет в норме. Когда немец подошел к ним почти вплотную и повернулся спиной, Гуринович стремительно прыгнул на него и повалил. Фуражка с высокой тульей упала в траву. Подбежавший Крутиков всадил пленнику в рот кляп из обрывка плащ-палатки. Немец дергался, хрипел, мычал, но старшина, подмяв его под себя и заломив за спину руки, держал мертвой хваткой.

— С-спокойно, милоч, с-спокойно... — приговаривал Гуринович.

Сергей быстро вытащил веревку, связал офицеру руки. В какой-то момент немец сделал резкое движение и больно ударил локтем в челюсть Гуриновича. Старшина скривился, затряс головой.

— Ах ты ж, падло... — прохрипел он и, схватив пленника за волосы, ткнул его носом в мох. Тот снова замычал, задергался, но уже как-то обреченно.

Гуринович медленно встал, сплевывая кровь, отряхнулся. Чуть погода поднялся по команде Крутикова и немец. Он шумно дышал, что-то мычал, кидая злобные взгляды. Старшина поднес к его носу пудовый кулак:

— Будешь брыкаться — набью морду. Усек, нет? Переведи ему, Крутиков.

Сергей перевел. Говорить немец не мог — мешал кляп во рту, но в темно-серых, налитых кровью его глазах страха не было. Там затаилась насмешка и ненависть. Пленный держался надменно.

— Пошли! Шнель, шнель! — подтолкнул офицера Гуринович.

Немец оглянулся, еще раз что-то промычал — и пошел.

Минут через пять были на месте. Городецкий с нескрываемым интересом рассматривал немецкого офицера, кружился вокруг него, трогал погоны, пестрые нашивки на рукаве, испачканный травой китель с железным крестом.

— Гм... Непостижимо! — дивился Станислав Викторович. — Неужто это и есть офицер непобедимого вермахта? Выходит, и мы можем брать их в плен, а?

— А почему бы и нет? — передернул плечами комиссар. Если для старика Городецкого пленение немецкого офицера — да еще с железным крестом — было чем-то необычным, то для Зотова и солдат, вышедших с ним из окружения, захват в плен фашиста был просто работой. В первые два-

три дня войны они тоже с любопытством и недобрыми огоньками в глазах разглядывали немчуру, потом — привыкли. А сейчас, когда шла уже третья неделя войны, когда на их памяти десятки боев, сотни смертей боевых товарищей, когда все они сполна испытали, что такое война в окружении — в неизвестности, без продуктов и боеприпасов, — при виде пленного фашиста в каждом шевельнулось лишь презрение к врагу.

— Вытащите у него кляп, — распорядился Зотов. Бут тотчас же выполнил это. Потом долго и брезгливо вытирал о траву руки.

Немец хмуро смотрел в одну точку.

— А теперь побеседуем. — Комиссар повернулся к Крутикову. — Переводите. Его фамилия, звание, номер части?

Крутиков заговорил по-немецки. В ответ тот лишь скривил губы, но через минуту-другую послышался его низкий, приглушенный голос:

— Франц Людвиг Бреннер... Ober-лейтенант великой армии Адольфа Гитлера, — перевел Крутиков. — Назвать номер своей части он отказывается.

— Где проходит сейчас линия фронта?

— Говорит, что за Уралом.

Бут сжал кулаки, подскочил к нему.

— А-ах ты, брехло фашистское! Да я тебя сейчас...

— Отставить! — резко осадил солдата Зотов.

Бут, продолжая воинственно поглядывать на немца, отступил на шаг. А комиссар снова перевел взгляд на пленного. Бреннер надменно улыбнулся, стал что-то объяснять. Говорил он долго и все это время неотрывно смотрел на Зотова.

Федор Николаевич покосился на Крутикова:

— О чем это он?

— Он говорит, товарищ комиссар, что его очень забавляет данная ситуация. Наш отряд обречен. Со всех сторон нас окружают войска вермахта. Он любит фатерланд, и если даже мы его убьем сейчас, это уже абсолютно ничего не изменит. Он умрет достойно, с именем фюрера на устах. Исход войны предрешен, он работает в штабе и хорошо знает об истинном положении дел. Максимум через неделю доблестные германские войска пройдут победным маршем по Красной площади... Он, конечно, понимает, Россия — не Польша или Франция. Здесь за неделю — другую не управиться. Но конечный результат всем ясен уже сейчас! Не ясно только одно: на что мы рассчитываем? В двухстах метрах отсюда находятся его сослуживцы. Двадцать пять человек. Броневики и легковая машина. Ему стоит только свистнуть — и нас раздавят.

— Если он это сделает, то умрет первым, — спо-

койно парировал Зотов, Гуринович и Седов одобрительно закивали.

Крутиков прищурился и перевел пленному слова комиссара. Немец равнодушно махнул рукой и принялся что-то доказывать.

— Он говорит, что не боится смерти. Просто ему интересно лишний раз побеседовать с комиссаром Красной Армии... Смерть для него — пустой звук. Можно умертвить тело, но дух бойца национал-социализма — ни за что! Он гордится тем, что в 1938 году вместе с шестьюдесятью тысячами других присутствовал на партайгеленде германской молодежи на нюрнбергском стадионе. И когда фюрер воскликнул: “Я доверяю вам безгранично и слепо!” — он плакал от восторга... В свое время Бисмарк говорил, что главное для нации — это единство взглядов. Германия сейчас едина как никогда, ее лозунг: “Один народ, один рейх, один фюрер”. Немецкое национальное блюдо “айн-топф” (“все в одном горшке”) — тоже пример единства. Точно так же, как и партийный гимн “Хорст Вессель”. Третий рейх, который создал гений Адольфа Гитлера, просуществует как минимум тысячу лет...

— Чепуха! Вы плохо знаете историю, Бреннер, — покачал головой комиссар. — Первый рейх Фридриха Барбароссы лопнул, как мыльный пузырь, второй — Бисмарка — просуществовал чуть больше девятнадцати лет, ну а третий, который сплели вы во главе с Гитлером, — тоже долго не протянет. Барбаросса утонул во время третьего крестового похода, Бисмарку прижали хвост — его внешняя политика дала трещину, и он ушел в отставку. Что же касается Гитлера, то и он плохо кончит. Уверен в этом! Государства и политические деятели, которые ставят во главу угла насилие, грабеж, обман, долго не живут. Это — аксиома! Переведите ему, Крутиков.

На губах Бреннера играла усмешка. Он по-прежнему держался высокомерно. Ни тени страха. Ни один мускул не дрогнул на лице.

— А может, это только внешне? — подумала Вера Никитина. — Жить, поди, тоже хочет. Ишь, снова возражает или что-то объясняет... Самоуверенный тип!”

Городецкий вздохнул, Бут сплюнул и отвернулся. “Вот она, “золотая немецкая молодежь”, — хмурился Зотов. — Те, на кого опирается Гитлер”.

— Пленный, товарищ комиссар, цитирует Мольтке и Цеппелина. Обычная белиберда... И еще он говорит, что немцы, как великая нация, по праву должны управлять миром.

— Кто же им дал такое право, если не секрет? — заиграл желваками Зотов.

— Он считает, что право не дают, его завоевывают. Сейчас у Германии самая сильная армия в ми-

ре. Боевая техника России в первые же дни войны не выдержала испытаний.

— Что он имеет в виду?

— Солдаты великой армии фюрера вооружены автоматами. У бойцов же Красной Армии — только допотопные винтовки. Люфтваффе рейхсмаршала Геринга имеет подавляющее преимущество в воздухе. У вас же, говорит он, мало самолетов. “Мессершмитты” легко поджигают наши тихоходные истребители И-16 и ночные четырехмоторные бомбардировщики ТБ-3. У советских танков БТ-7 никудышная броня, их можно подбить из любой пушки... Русские проиграли эту кампанию, поскольку современная война — это прежде всего война машин.

— Русские долго запрягают, но быстро ездят, знаешь такую поговорку? — подошел вплотную к пленному Гуринович.

— Да ничего он не знает, — поморщился Бут. — Нашпигован фашистской пропагандой! Дерьмо!

— Расстрелять гаденыша, и дело с концом, — жестко бросил Серов.

Бреннер снова затараторил, поглядывая с усмешкой то на Зотова, то на Крутикова.

Комиссар вопросительно взглянул на переводчика:

— Что еще?

— Он говорит, что Красная Армия обескровлена политическими распрями в стране, что лучшие командиры или расстреляны по приказу... по приказу... — Крутиков запнулся, опустил глаза: было видно, что он не решается что-то сказать.

— Переводите все! Дословно! По чьему приказу расстреляны?

— Слушаюсь, товарищ комиссар, — вздохнул переводчик и хриплым голосом продолжал: — Расстреляны по приказу... товарища Сталина. Или находятся в магаданских лагерях смерти. Уничтожены маршалы Блюхер и Тухачевский, многие генералы...

“Вот здесь этот фашист в чем-то прав. Прав!” — подумал тоскливо Зотов.

— ...У коммунистов нет перспектив. Ибо там, где все общее, нельзя жить богато, эту аксиому вывел еще в шестнадцатом веке Томас Мор. Каким образом может получиться счастливая жизнь, изобилие, о чем всегда пишут советские газеты, если к работе не вынуждает расчет на личную выгоду?

— Все?

— Так точно.

Зотов видел: все смотрят на него, ждут, что он скажет.

— Нас рассудит время, — задумчиво произнес комиссар. — А пока надо воевать. Родина в опасности.

— Есть одна задумка, товарищ комиссар, — шагнул к Зотову Гуринович. — Пусть этот ведет нас к своим. Двести метров отсюда. Возьмем в полукольцо, ударим внезапно — и... Подумаешь, двадцать пять человек... Одолеем! А броневик и машину — гранатами... Надоело, товарищ комиссар, прятаться от этих выродков. Пусть они нас боятся. Мы у себя дома!

Широкий лоб Зотова прорезали три глубокие складки — комиссар размышлял. Рискнуть, что ли? Он отвечал за своих людей, за их жизни, будущее. Сейчас идет война, и главная задача состоит в том, чтобы громить фашистов. Проще, конечно, уклониться от боя, обойти стороной этих немцев с броневиком и машиной. Так безопаснее. Но...

— Сколько отсюда до Сосновки?

— Километра два, товарищ комиссар.

— Ну что ж, давайте попробуем. Если у немцев есть продукты, запасемся. А если нету — придется заглянуть в вашу Сосновку.

Гуринович согласно кивнул, потом сокрушенно произнес:

— Эх, знать бы, где именно находятся эти фашисты! План операции составили бы: с какой стороны лучше всего подойти, когда открыть огонь. А так — лес-то большой, узнай, где и что...

— Ничего, старшина, коррективы внесем по ходу дела.

Зотов встал, поправил гранаты за поясом.

— Федор Николаевич, голубчик, — обратился к комиссару Городецкий. — Дайте и мне, пожалуйста, какое-нибудь оружие. Я, знаете ли... Одним словом, я должен отомстить этим негодьям. В Отечественную войну двенадцатого года воевал и стар и млад. Да-с!

Зотов протянул старику свой пистолет, на рукоятке которого была выгравирована дарственная надпись: "Политруку Ф.Н.Зотову за образцовое выполнение задания от командования".

Городецкий пробежал глазами надпись, уважительно взглянул на комиссара.

— Стреляли когда-нибудь, Станислав Викторович?

— Давненько, знаете ли...

— Ничего, война научит. В магазине шесть патронов. Нажимайте плавно на спусковой крючок да повнимательней цельтесь. Желательно не мазать. — И Зотов чуть заметно улыбнулся.

Старик рассматривал пистолет, вздыхал.

— Федор Николаевич, а ведь кое в чем этот Бреннер, наверное, прав...

— Нет, дорогой Станислав Викторович, Бреннер многого не знает. Есть у нас уже на вооружении не только мосинские винтовки, но и автоматы ППШ, есть превосходные истребители МИГи, скорость которых намного больше, чем у "мессеров", есть

прекрасные танки Т-34. Другое дело, что их пока мало. Но это — пока!

— Вы так думаете? — усомнился Городецкий.

— Не только думаю, а уверен в этом! Между прочим, Станислав Викторович, убеждать меня в целесообразности спасения полотен великих художников не было необходимости — я сразу стал вашим сторонником. А вы? Мы спасаем от фашистов не только и не столько картины, а всю культуру, будущее. Согласны?

— Да-да, разумеется... конечно... извините, Федор Николаевич, я человек сугубо штатский. Если что-то не так сказал — не обижайтесь, ради Бога... Извините... Надо спешить — как бы немцы не хватились этого самого Бреннера.

Зотов подозвал к себе Крутикова, Гуриновича.

— Скажите обер-лейтенанту следующее, — обратился к Сергею комиссар. — Сейчас он поведет нас к своим. Пусть не хорохорится, жизнь у него одна. Великий фюрер ему сейчас не поможет, рассчитывать он может только на себя.

Крутиков перевел. Пленный отрицательно затряс головой, резче обозначились у рта упрямые складки.

— Найн! Найн, гер офицер!

— Он отказывается. Говорит, что это будет предательством по отношению к товарищам по оружию.

Гуринович рванулся вперед, схватил немца за лацканы кителя, да так, что затрещала материя.

— Ах ты ж, сволочь! А убивать наших людей, значит, можно, да?! Веди, гад! Где они, а? Ну-у!! — И столько было в глазах старшины ярости, столько было глухой тоски, отчаяния и злобы на его заляпанном грязью лице, что пленный не выдержал — поспешил отвести взгляд в сторону.

— Шнель! — подтолкнул его коленом под зад Гуринович. — Шнель!

Бреннер втянул голову в плечи — и пошел. Следом двинулись наши бойцы.

(Окончание следует)

СКОРБИ И ЛЮБВИ

Что в камень врезаны искусно,
Но помнит их моя страна,
И ей сегодня очень грустно.
Они поднялись в полный рост,
Свершили подвиг исполинский,
И, не жалея горьких слез,
Страна скорбит по-матерински.
От гор высоких до морей
Скорбит за дочь,

скорбит за сына.

И в скорби праведной своей
Она по-прежнему едина.

Александр КОВАЛЕВ,
подполковник

Повзрослевший солдат

...Амбразуры, мешки,
черный ствол автомата.
Часовые застыли в бессонной ночи.
Тяжелее нет должности,
чем у солдата.
Он же, зная об этом, все терпит,
молчит.
Над Чечнею пронзенное звездами
небо.
Спят в одежде мальчишки,
обняв автомат.
Пахнет осень дождливая снегом
и хлебом.
И о доме грустит
повзрослевший солдат.

Виктор ПРОДУВАЛОВ,
подполковник запаса

Память

Когда-то мальчишкой надеялся,
верил,
Что стану я сыном полка.
Но мне военком у распахнутой
двери
Сказал: "Подрасти-ка пока".
"Пока" протянулось на долгие годы.
На Запад катилась война.
Уж зорька победы

и в хмарь непогоды

Была без бинокля видна.
Своими глазами увидел ведомых
Разбитых фашистских вояк:
Прошли под охраной

у нашего дома,

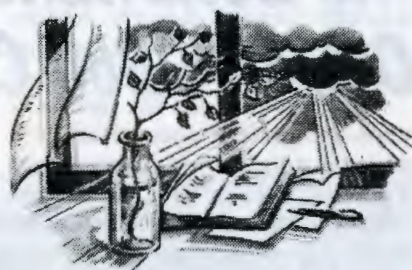
Чего не забудешь никак.
Плененным арийцам
Москву показали,
И шаг их на улицах стих.
Мы, в жестку играя, линали медали
С эмблемой фашистской на них...

Людмила РОМАНЕНКОВА,
прапорщик запаса

***

В душе так чисто все, так ясно.
Дышу свободно и легко.
А я-то думала: прекрасно
Бывает то, что далеко.
А я хотела много света,
Боялась хмурых низких туч,
Забыв, что вестником рассвета
Становится обычный луч.
Забыв о том, что и в морозы,
Когда округа как во сне,
Листочком веточка березы
Сверкнет в бутылке на окне...

Вот так не сразу постигалось
Сквозь заблуждений прошлых
власть,
Что хороша любая малость,
Когда она большого часть.

Юрий ГАЙСЕНКО,
полковник

Сикстинская мадонна

На одной из колонн у входа в
Дрезденскую галерею начертано:
"Музей проверен. Мин нет."
Проверял Ханутин.

Я возвращаюсь к той минуте,
К той славной, памятной весне.
Простой боец — сапер Ханутин
Свой пишет приговор войне.
Разбитый Дрезден, прокопченный
Качает древняя река...
Ханутин пишет на колонне,
Не на год пишет —

на века

Обычное:
"Музей проверен"
С добавкой краткою:
"Мин нет",
Не думая, что в галерее
Повесят и его портрет.
...И на войною опаленных
Солдат,
что миру Мир спасли,
Глядит Сикстинская мадонна
Глазами женщин всей Земли!

Встреча для вас

Елена МАЛЫШЕВА:

**НЕ ДУМАЙТЕ
О ЗДОРОВЬЕ СВЫСОКА!**

Во второе воскресенье июня ежегодно в нашей стране отмечается День медицинского работника. В канун профессионального праздника людей в белых халатах наш корреспондент встретился в телецентре "Останкино" с автором и ведущей программы "Здоровье" Еленой МАЛЫШЕВОЙ.

— Елена, расскажите, пожалуйста, немного о себе: где учились, где трудились до прихода на телевидение? Насколько мне известно, школу вы закончили с золотой медалью, а Кемеровский медицинский институт — с красным дипломом.

— Да, это так. А родилась я в Сибири, чем очень горжусь. По окончании мединститута поступила в аспирантуру. Затем год работала в 51-й московской больнице врачом. Позже меня пригласили во 2-й мединститут на кафедру внутренних болезней, где я тружусь и сейчас. Занималась изучением воздействия стрессов на организм человека. Защитила кандидатскую диссертацию.

— Какова тема вашей кандидатской диссертации?

— Название ее очень длинное: "Предупреждение и устранение нарушений ритма сердца с помощью адаптации к стрессовым воздействиям и активации гаммааминомасляной кислоты".

Она была посвящена изучению вырабатываемой нашим головным мозгом так называемой гаммааминомасляной кислоты, с помощью которой в организме человека осуществляются тормозные реакции. Благодаря ей мы успокаиваемся, засыпаем и т. д. Образуется такая кислота, как оказалось, при слабых стрессах. Она способна лечить нарушения ритма сердца. Мы исследовали вещество, в состав которого входит эта кислота, и

выяснилось, что оно обладает антиаритмическим свойством.

— Лена, вы стали ведущей программы "Здоровье" после Юлии Васильевны Белянчиковой?

— Исторически я вторая ведущая этой передачи, хотя говорят, что до Белянчиковой еще кто-то был. Но это было так давно, что никто уже не помнит. Как вы знаете, программа "Здоровье" десять лет не выходила в эфир. А 3 октября прошлого года телезрители первого канала "Останкино" вновь увидели ее на экранах.

— Если мне не изменяет память, Юлия Васильевна была еще и редактором журнала "Здоровье"...

— Да, в какой-то период

времени после ухода с телевидения. Журнал "Здоровье" — совершенно самостоятельное издание и никакого отношения к нашей передаче не имеет. Однако это не мешает нам встречаться со своими коллегами-журналистами, вместе собираться и что-нибудь обсуждать.

— Знакомы ли вы с Юлией Васильевной?

— Да, знакома.

— Если не секрет, чем сейчас занимается Белянчикова?

— Не секрет. Она работает на третьем московском канале телевидения, ведет медицинскую программу.

— И все-таки, чья была идея возобновить выход в эфир программы "Здоровье"?

— Как часто случается в жизни, разные течения слились в одну широкую реку. Этот поток остановить было уже невозможно. Он достиг своей цели. На ОРТ, мне кажется, существует уважение к традициям. За последнее время очень много программ на первом канале было восстановлено.

— То есть все вернулось на круги своя?

— Нет, не совсем так. Просто ОРТ отличается от других каналов телевидения тем, что здесь никто не стесняется вспоминать свое прошлое. И никто не отрекается от него. Все хотят, чтобы самое лучшее из того, что было, оставалось с нами. Программа "Здоровье" — это, безусловно, лучшее из прошлого.

На моем пути встретились два человека. Один раньше, другой позднее. Первый — это Алексей Пиманов, продюсер нашей передачи. С ним мы и начинали ее делать. И второй человек — это продюсер по художественно-развлекательному и просветительским программам Сергей Шумаков. Он, по моему мнению,

больше других хотел, чтобы "Здоровье" снова появилось на экранах телевизоров. Алексей и Сергей очень активно способствовали развитию этого проекта. Считаю, мне повезло, что для ведения такой программы из числа других выбрали именно меня.

— Скажите, а как вы попали на телевидение?

— В 1994 году меня пригласили на 6-й канал вести программу "Лазарет". Это была 30-минутная воскресная передача в прямом эфире о медицине и здоровье. Потом работала на российском канале в программе "Врача вызывали?". А с 1997 года я — на ОРТ.

Через год работы на телевидении меня пригласили в Америку. Я училась там в университете, который подготовил очень многих известных ведущих, продюсеров. Закончила специальную программу для тех, кто занимается проблемами здоровья и окружающей среды на телевидении.

— Понравилось вам в США?

— Конечно. Америка — это одна из самых технократических стран в мире. Я познакомилась там с очень хорошими людьми. Многому научилась, чему, к сожалению, никогда бы не смогла научиться в России.

— Раньше программу "Здоровье" мы привыкли смотреть на первом канале по воскресеньям в 10 утра. Сейчас она выходит каждую пятницу в 19.10, перед капитал-шоу "Поле чудес". В понедельник утром ее можно посмотреть повторно. В связи с чем все-таки эфирное время было изменено?

— Знаете, пятница, вечер — это даже не праймтайм, а супер-праймтайм. Такое эфирное время не просто лучше утреннего

воскресного, а на несколько порядков выше его. Об этом можно только мечтать.

— Трудно ли быть ведущей такой популярной программы?

— Скажу честно: вести передачу на первом канале ОРТ — невероятное счастье. Это не воспринимается как трудность. У меня долго-долго был такой период ("Здоровье" уже выходило по пятницам), когда казалось, будто все произошло не со мной. Я не считаю, что мне тяжело. Это моя работа, в которой много суеты. Бывают какие-то срывы. Но это — жизнь, как говорит мой муж.

— Темы предстоящих выпусков передачи вы предлагаете сами или они обсуждаются в широкой аудитории? Может, кем-то утверждаются? Расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее.

— Сегодня мы занимаем первое место на ОРТ по количеству писем и второе — по количеству телефонных звонков (соперищаем с "Поле чудес"). Это, с одной стороны, радует нас, а с другой — говорит о том, что у людей много проблем со здоровьем. Часть информации для дальнейших программ мы получаем от зрителей. Согласитесь, что бы с нами ни происходило, как бы дальше ни складывалась экономическая и политическая ситуация в государстве (есть у нас деньги или нет их, хорошие в стране правители или плохие), наша судьба зависит от того, здоровы мы или больны. Больше ни от чего! Но львиную долю того, что показываем, придумываем сами. Очень много помогают и советуют врачи, с которыми сотрудничаем. А работаем мы с лучшими докторами нашей страны.

— У вас, наверное, большая творческая группа?

— Не очень. Нас сейчас всего

7 человек, которые непосредственно готовят программу к выходу в эфир.

— Не планируете ли вы в ближайшем будущем подготовить передачу, посвященную военным медикам? И в частности сотрудникам Главного клинического военного госпиталя внутренних войск МВД России, которые поставили на ноги сотни раненых мальчишек, пострадавших на чеченской войне?

— Мы с удовольствием расскажем о них. Тем более, что у военных медиков есть огромные исторические успехи, которые признаны во всем мире. Это и система эвакуаций, и ликвидация эпидемий и т. д.

Руководитель программы "Армейский магазин" Александр Ильин мне тоже рассказывал о вашем госпитале. Говорил о людях, которые там трудятся. Мы с ним уже договорились снять передачу про военных медиков. Так что в свои творческие планы обязательно внесем определенные коррективы.

— В этом году вы были в составе жюри на конкурсе красоты "Мисс "Красная звезда"—98". Понравилось ли вам это мероприятие?

— Да, очень понравилось. Потому что это были не холодные красавицы с ногами от самой шеи, которых мы привыкли видеть на экранах телевизоров, а самые обыкновенные девушки. Красота не может быть одинаковой. А на других конкурсах все участницы похожи друг на друга: и фигуры, и лица. Тут же были живые люди, которые не побоялись прийти, снять свои кителя, выступить в конкурсе купальников, что-то рассказать о себе. Прошло все очень интересно и человечно.

— Как вы считаете, Лена,

должны ли подобные конкурсы проводиться в дальнейшем?

— Безусловно! Кстати, говорят, что какой-то генерал запретил кому-то из девушек участвовать в конкурсе "Мисс "Красная звезда"—98". Это—полная глупость! Дальше что? Генералы запретят женщинам рожать?

— "Здоровью" отведено на ОРТ всего полчаса в неделю. За такое время о многом не расскажешь и многого не покажешь. Что бы вы еще хотели пожелать телезрителям?

— Я бы хотела, чтобы нашу программу смотрели всей семьей. Совершенно уверена: счастье быть здоровым—счастье втройне, если у вас хорошая, здоровая семья. Говорю это потому, что у меня самой семья, которую я очень люблю. Она состоит сплошь из мужчин: муж—доктор наук, профессор и двое сыновей. Старшему 10 лет, младшему — 7. Огромное счастье, когда ты с удовольствием уходишь утром на работу, а вечером с радостью возвращаешься домой.

Мне хочется, чтобы люди не относились свысока к своему здоровью. Потому что это—игра в прятки с самим собой. Я постоянно езжу на работу попутными машинами. Очень часто меня узнают. Иногда кто-то из мужчин говорит: "Ну, мне программа "Здоровье" не нужна. Я и так здоровый". Чепуха все это! Нет людей абсолютно здоровых. И нельзя не обращать внимания, когда у тебя повышается давление, нельзя продолжать курить и думать, что это ерунда и скоро все пройдет.

Возможно, это звучит банально, но мир хрупок. Каждый из нас связан с большим количеством близких людей. Если мы заболеем, то сразу выпадем из

нормального ритма жизни. Мир, который нас окружает, просто разрушается. А сколько хлопот и неприятностей больной человек доставляет окружающим?! Я это чувствую очень остро. Может, потому, что у меня младший сын тяжело болел, когда был маленьким.

Смотрите программу "Здоровье"! В ней такие простые и ясные советы: как сохранить свое здоровье, что необходимо делать, если вы заболели, как быстрее снова войти в ритмичную, нормальную трудовую жизнь. Словом, не думайте о здоровье свысока!

— А часто ли смотрят ваши передачи родные и близкие?

— Постоянно смотрят. Правда, муж очень редко, потому что много работает. А сыновья и родители — всегда.

— Кто-нибудь из коллег на ОРТ обращался к вам за медицинской помощью?

— Совсем недавно в коридоре встретила одного знаменитого телеведущего. Он говорит: "Ты знаешь, мне, наверное, придется обратиться к тебе за помощью..." Я не поверила своим ушам, потому что как простой зритель считала: у популярных персон есть и связи, и знакомые врачи. Оказывается, вовсе нет. Как правило, известные люди относятся к своему здоровью пренебрежительно. Давление так давление. Сахар высокий—ну и что?! Все равно выйду и проведу программу.

Так вот этот телеведущий объяснил, что ему плоховато и надо бы куда-нибудь съездить подлечиться. Я отвезла его в один из самых известных мединститутов. Там сама испытала настоящую шок, когда руководитель этого учреждения сказал нашему пациенту: "Итак, сегодня у вас последний шанс прийти сю-

да на своих ногах и обследоваться. В следующий раз привезут на "скорой помощи" с тяжелейшим инсультом. И тогда вы будете просить Бога о смерти, а не о том, чтобы вернуться на работу". Конечно, страшные и жестокие слова. Но очень справедливые. Сейчас этот человек проходит курс лечения.

— Трудно ли в нелегкое нынешнее время, когда все решают большие деньги, оставаться на первом канале честным и порядочным телеведущим?

— Что касается нашей программы, скажу следующее. У нас есть незыблемые принципы, которые исповедую не только я, но и все мои коллеги. Мы никогда не рекламируем лекарства, о которых известно что-нибудь плохое. Никогда не рассказываем о препаратах, произведенных сомнительными фирмами. И еще есть несколько серьезных вещей, которых мы не делаем никогда и ни за какие деньги.

Могу сказать абсолютно честно: в наших передачах мы рассказываем только о лучших лекарствах, о передовых методах лечения. Более того, у нас существует рубрика, которая называется "Экспертиза", где мы предупреждаем об опасных препаратах. После чего к нам нередко приезжают из заинтересованных фирм и требуют опровержения. Но поскольку эту рубрику мы делаем совместно с комитетом по изучению побочного действия лекарств, то ни о каких опровержениях речи идти не может. Мы стараемся быть честными. Может, потому, что "Здоровье"—программа неполитическая. И ни разу не испытывали на себе давления с чьей-либо стороны. Пока нам везет.

— Смогла ли бы ваша передача просуществовать сегодня без спонсоров?

— А как по-вашему, могла бы прожить без них, например, популярная программа "Поле чудес"?

— Думаю, да.

— Я тоже абсолютно уверена в том, что ОРТ в состоянии содержать и "Здоровье". Дело в другом. Чем программа популярнее, тем более она привлекательна для спонсоров.

— Лена, несколько слов о вашей "Детской рубрике", которая лично мне очень нравится.

— Если у меня есть свой зритель, то это дети. Как-то раз приехала на съемки в один из детских садиков. Ко мне подошла девочка и говорит: "Я и моя бабушка... мы вас так любим..."

"Детская рубрика" была придумана таким образом, чтобы в ней участвовали не только ребята. Огромный вклад в ее создание внесли Алексей Пиманов и Сергей Шумаков. Теперь дети вместе со мной говорят с экранов телевизоров о взрослых проблемах. Потому что взрослые знают о себе ровно столько же, сколько 5-6-летние дети. Другими словами, "Детская рубрика" сделана для образования взрослых.

— Какое у вас любимое занятие?

— Люблю уезжать из Москвы куда-нибудь. Когда сажусь в самолет, кажется, что я, как птица, расправляю крылья, отрываюсь от земли и улетаю...

— Ни для кого не секрет, что ведущие на экранах телевизоров всегда выглядят гораздо лучше и привлекательнее, нежели в повседневной жизни. На этот раз, признаюсь честно, я впервые столкнулся с обратным. Да поверят мне

читатели, в жизни, вне экрана вы выглядите намного моложе и гораздо интереснее. Поделитесь рецептом красоты и обаяния.

— Я просто соблюдаю диету. Причем жесточайшую. Не ем сладкого. Чай и кофе пью только с сахарозаменителями. Ничего мучного вообще не употребляю, впрочем, как и крупы. Очень редко позволяю себе побаловаться мясом. Люблю рыбу, овощи и фрукты.

— Чтобы вы пожелали медикам внутренних войск в день профессионального праздника?

— Пусть медики в погонах больше лечат мирные болезни, чем раны, травмы и все остальное, что связано с военным временем. Пусть они сами будут здоровы и пусть в их домах живут люди, которые всегда любят и ждут.

— Благодарю за интервью. Примите самые искренние поздравления с Днем медицинского работника. Оставайтесь всегда такой же симпатичной и обаятельной. Желаю творческих успехов вам, Леночка, и всей вашей телевизионной группе.

— Спасибо.

**Беседовал майор
Геннадий ШАХОВ**

Фото Владимира
НИКОЛАЙЧУКА

Только летом и только в деревне вечерами к людям приходит такая тихая грусть, от которой хочется плакать. Но и жить, конечно, хочется тоже.

Вот в такой вечер, когда июньская жара начала спадать, на свежеструганых бревнах у невысокого сруба сидели трое плотников, курили, разговаривали.

— Вот дай мне сегодня миллион, — говорил один, лет сорока, с прокопченным на солнце лицом, — скажи — езжай в город, — не поеду.

— Степаныч, дай-ка мне шархебель, я ему объясню — “чего”! — Копченый протянул руку к ящику с инструментами.

— Ну вот, чуть что — шархебель! — огрызнулся молодой. — Деревня и есть деревня!

— А ты городской?

— Городской не городской, а побольше тебя понимаю в этом!

— В чем?

— В этом!

— Ну в чем в этом-то?

— В жизни! — с вызовом ответил

— Это когда же? — спросил копченый, продолжая зло смотреть на молодого. — В молодости что ли?

— Ага, Миша, в молодости, — с грустью ответил пожилой. — Было это, значит, году... дай Бог памяти... в шестьдесят первом. При Никите еще. Ну, Гагарин в тот год еще в космос полетел.

— А ты, дядь Леш, вместе с ним, что ли?

— Э нет, я сам по себе, — не замечая подначки, продолжал пожилой. — В тот год направили меня служить в штаб округа. Не каждому старлею, скажу вам ребятки, такая лафа выпадает, а мне пофартило. Я даже документы в академию Фрунзе подал. Карьера, в общем, ядрена корень, мне корячилась капитальная...

На слове “карьера” копченый хмыкнул и хитро покосился на рассказчика, а тот, почувствовав недоверие, продолжал говорить с той же интонацией, правда, теперь уж больше обращаясь к молодому:

— Штаб наш располагался прямо в областном центре. Тут тебе, значит, и склады всякие и все такое...

Степаныч с минуту помолчал, как бы набираясь сил перед решительным броском, смахнул пепел с линейных галифе и продолжил:

— И вот приходит однажды бумага из академии. Вызов, значит. Требуют немедля прибыть на экзамены со всеми документами. А главное, ядрена корень, иметь с собой характеристику...

Алексей Степанович коротко взглянул на копченого, затушил папироску и сказал:

— Ты, Мишка, рожу-то не криви. Я ведь могу и не рассказывать.

Но тут вскочил молодой:

— Да плюнь ты на него, дядь Леш! Не обращай внимания. Он вообще никому не верит. Ты мне говори!

Пожилой откашлялся и продолжил:

— А характеристику эту, мать ее в душу, надо было получать у нашего замполита... Сейчас-то, кажись, этих замполитов в армии нет, упрядни-

Евгений ГУСЕВ

— А чего не поедешь-то? — с лукавой усмешкой спрашивал его молодой парень в клетчатой рубашке. — С миллионом-то?

— Да на кой он мне хрен, твой лимон сдался? — беззлобно отвечал копченый. — Чего сегодня на него купишь-то? Говорят, буханка хлеба вот-вот тыщи три стоить будет.

— Да не заводитеесь вы, ну вас! — прикрикнул на них третий, пожилой мужик в выцветшей до белизны армейской рубашке и галифе. — Нашли о чем лясы точить.

— А о чем, дядь Леш, ты предлагаешь? — искоса взглянул на него молодой. — О политике что ли? Так уж до отрывки она надоела. Я думал, хоть жить лучше будем, когда этих-то... ну депутатов-то, выбирали. Ну и чего?

молодой и отвернулся.

Копченый некоторое время с удивлением смотрел на него, потом сказал, обращаясь к пожилому:

— Ты понял, Степаныч?! Эта сопля зеленая больше нас с тобой в жизни понимает!.. Нет, пожалуй, я ему все же отпущу грехи!

— А при чем тут дядя Леша? — возразил молодой. — Я только тебя имел в виду.

Копченый резко встал и схватил молодого за ворот рубахи.

— Отставить! — неожиданно звонким голосом выкрикнул пожилой. — Всем сесть!

Помолчали.

— Живал я в городе-то, — неожиданно произнес пожилой. — Было дело...

ли. А тогда были... Как сейчас помню — суббота. Штабные офицеры все по домам сидят — кто с женами, кто что делает... Я и потопал к замполиту домой. За характеристикой, значит. А замполит этот, ядрена корень, каждую субботу в баню с утра закатывался. Парильщик был — спасу нет. Метра два ростом, физиономия с ящик, ручищи, как у медведя, — огромный мужик. И жена у него — такая же баржа. Ребята поговаривали, мол, слаба баба на передок, а он — ревнив... Но мне то что до них? Мне характеристика нужна...

— Ой ли?! — усмехнулся копченый, но Степаныч даже не удостоил вниманием его реплику, а только еще круче обернулся к молодому:

— Так вот, значит, прихожу я к замполиту, звоню в дверь. Открывает мне его жена, улыбается, как родному, и говорит — проходите, мол. Правда, Кости пока нет, но он должен с минуты на минуту возвратиться из бани. А сама стоит в дверях — копна копной, и не подвинется. Ну я попытался протиснуться между ее

грудями и косяком в комнату, да зацепился за что-то и вырвал у себя на заднице из брюк огромный клочок.

Она — ох! ах! — да как же вы так неаккуратно, да снимайте, я сейчас зашью, иначе, как назад пойдете. Я сначала смутился: да ничего, мол, уж как-нибудь дойду, мне бы только характеристику... А потом, думаю, не велика беда: пускай зашьет, не сверкать же мне и правда голым задом перед людьми. Снял брюки, обмотался какой-то простыней и только было подсел к столу, на котором, кстати, и бутылец стоял (после баньки оно ведь полезно), вваливается этот Костя. И с порога прямо ко мне:

— Ты зачем тут?

А я помню, как увидел перед собой этого слона, так весь аж похолодел. Вскочил, выхватил у нее из рук свои штаны, прикрываюсь ими и говорю:

— Мне бы характеристику...

Он ухмыльнулся, посмотрел на меня, на жену и говорит:

— Это можно.

Затем взял меня одной рукой за шею, другой за трусы... Да больно так взял... Поставил на подоконник и сказал:

— Показывай на что способен еще, кроме этого...

Алексей Степанович замолчал, протянул руку к зашедшему беззвучным смехом копченому:

— Дай-ка лучше папироску, мерин!

— Дядь Леш, а дальше-то что было, — тоже смеясь, спросил молодой.

— Дальше? — Степаныч с наслаждением затянулся едким дымком. — А дальше — все. Финиш с академией вышел. Третий этаж — это вам не шутка...

Быстро темнело. В окнах гасили свет. Деревня затихала.

— Пожил я в городах-то, ребята, пожил, — задумчиво проговорил Алексей Степанович, глядя на потухающее закатное небо. — Хороший денек завтра будет...

75 лет исполняется нашему постоянному автору Александру Ратнеру — участнику войны, капитану 1 ранга в отставке. Более двадцати лет Александр Львович сочиняет юмористические миниатюры, которые печатаются во многих изданиях нашей страны и за рубежом. Сегодня мы публикуем новую подборку его миниатюр.

Раньше и теперь

- ☞ Раньше в могилу сводила смерть, теперь — жизнь.
- ☞ Раньше верил в светлое будущее, теперь — в светлый мир.
- ☞ Раньше людей убивало время, теперь — киллеры.
- ☞ Раньше мозолили руки, теперь — глаза.

Размышлизмы

- ☞ Еще неизвестно, что труднее: воспитать солдата или перевоспитать его.
- ☞ Сколько же надо пряников, что-

Александр РАТНЕР

ЗАПИСКИ СТАРОГО КАПЕРАНА

бы избавиться от политики кнута?!

☞ Замечено, что те, кому не дано, берут сами.

☞ Те, у кого нет способностей, живут по потребностям.

☞ Как на вызывать подчиненных на ковер, если жизнь — это борьба.

☞ Если у человека в голове кипят мысли, еще не значит, что он титан.

☞ Чем тяжелее склероз, тем легче писать мемуары.

Из опыта жизни

☞ Сколько пиратов на просторах житейского моря.

☞ Обладал чувством собственного достоинства, других достоинств не имел.

☞ Соавторы: один пишет, другой

подписывается.

☞ Сколько профессиональных злоумышленников среди любителей делать добро!

☞ Сколько мягкотелых среди твердолобых!

☞ Природа разумна: язык длинный, руки короткие.

☞ Чем ниже напряжение ума, тем выше должна быть его изоляция.

Пожелания

☞ Столько бы первопроходцев, сколько проходимцев!

☞ Военскую службу надо любить! Когда любишь, на многое закрываешь глаза.

☞ Поедая глазами командира — не чавкай.

☺ Сержант объясняет новобранцам:

— Автомат работает так: раз, два, три — и вас нет.

☺ В военкомате офицер спрашивает у призванного, где бы тот хотел служить.

— В Генштабе, товарищ подполковник! — бодро отвечает тот.

— В Генштабе?! Да ты что ненормальный?

— А это что, непереносимое условие?

☺ Идут занятия по строевой подготовке. Жарища, пыль, солдаты обливаются потом, а старшина усердствует:

— Нале-во! Напра-во! Стой! Кругом! Шагом марш! Напра-во! Нале-во!

Наконец один из молодых солдат не выдерживает: выходит из строя и направляется в тень.

ЭТОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕКЛОТА

— Стой! Куда?! — останавливает его старшина.

— Да маленько передохну, пока вы разберетесь, куда все-таки надо идти нашему строю.

☺ — Отчего ты такой грустный? — спрашивает майора сосед по лестничной клетке.

— Да полистал книжку с мрачным концом.

— Это какую же?

— Да свою сберегательную...

☺ Приблатненного парня в автобусе просят передать билет для компостирования. Он обращается к стоящему впереди солдату:

— Пехота, передай билетик!

— Я не пехота, а танкист, — поправляет тот.

— Не, я фигею! Так че мы в танке?!

☺ Учительница отчитывает малыша:

— Это очень плохое слово. Где ты его слышал?

— Папка так говорит.

— А ты не смей повторять! Ты же не знаешь его смысла.

— А вот и знаю! Это значит, что "уазик" опять не заводится.

Николай КАРПОВ

Николай Николаевич Карпов не относит себя к поэтам широко известным. Хотя его песню "Пять ребят" ("Едкий дым создает уют, Искры тлеют и гаснут сами, Пять ребят о любви поют Чуть охрившими голосами...") знают, любят и поют многие. Вот так зачастую неизвестными гуляют по белу свету и многие его добрые, шутивно-ироничные стихи, в одночасье становясь народными. Трудно сказать, хорошо это или плохо. Сам Николай Николаевич относится к происходящему с улыбкой.

Я НАИВЕН, НО ВОВСЕ НЕ СЛЕП...

БИОТОКИ

В рабочем утреннем потоке
Со всеми двигаюсь, спеша,
И шлет в пространство биотоки
Моя раскрытая душа.

Я рад подобному общению,
Как морж скоплению трески.
Мне биотоки — очищенные
От эгоизма и тоски.

Я словно скинул панцирь душный,
Попал на свет из темноты.
И все вокруг единоклассны,
И шлют в ответ:
— Иди-ка ты...

ИЗ РЕКЛАМНЫХ МОТИВОВ

"Тефаль, ты думаешь о нас..."

Сгоревшей каши было жаль,
Но мы утешились тотчас,
Когда узнали, что Тефаль
Все время думает о нас.

Чтоб нас чему-то научить,
На радость, а не на беду,
Тефаль намерен нам всучить
Кастриюлю и сковороду.

Какой у них нарядный вид!
Легки, как рыба чешуя.
В них, если что-то и сгорит, —
Так это пенсия моя...

Много истин уже не в ходу,
Что с презрением зовут
прописными.
Но написано мне на роду
Их считать до кончины своими.

Я наивен, но вовсе не слеп,
Чтобы мудрость былая погасла,
И привык отрабатывать хлеб,
Если даже тот хлеб и без масла.

И еще ухитрюсь притом
Не завидовать участи лучшей
И воспитывать чадо ремнем,
Если чадо уроки не учит.

Словом, всячески чту старину,
Уважаю обряд и обычай.
И — представьте — чужую жену
Не считаю законной добычей!

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

Многие гроссмейстеры предлагают не допускать компьютеры в турниры наравне с живыми людьми, исключить вообще их использование на соревнованиях. Однако производство шахматных компьютеров растет, они уже внесли поправки в соревнования. Например, соревнования по переписке, имевшие большое распространение, сейчас уже невозможны. Откладывать турнирные партии после 40 ходов, как это было ранее, тоже нельзя. Даже короткие отлучки игрока в ходе турнира вызывают теперь подозрения — не пользуется ли он карманным компьютером для анализа создавшейся позиции.

Шахматы становятся в наши годы профессиональным занятием и, естественно, возникает проблема материального обеспечения шахматистов — профессионалов, далеких от элиты, живущей крупными призами. Раньше профессионалы исчислялись единицами. Даже чемпион мира М. Ботвинник, будучи доктором технических наук, работал в одном из институтов. Сейчас же профессионалов сотни. Для своего материального обеспечения они требуют прекратить нарушения их авторских прав на сыгранные ими партии, которые без их согласия попадают в компьютерные игровые информационные системы, а также печатаются средствами массовой информации. Они требуют платить за участие в турнирах, как это было в последнем чемпионате мира.

У профессионалов нет сейчас своего профсоюза и потому претензии и предложения высказывают отдельные лица в адрес президентов ФИДЕ и шахматных федераций стран. Конкретных же решений по данному вопросу пока нет.

№ 18

Мат в 3 хода

№ 19

Мат в 4 хода

№ 20

Мат в 5 ходов

КОМПОЗИЦИЯ — ИСКУССТВО

Человеческий эффект — главный критерий в любом виде искусства. Посмотрите публикуемые задачи и оцените их эффект.

В № 18 три варианта: 1. b4!, цугцванг; 1...Cg3 2. K:c5+Kpf4 3. Ld4X!, 1...Cf2 2. Kc3+ Kpe3 3. Ld3X!. В этих вариантах маты возможны благодаря не сразу замечаемым блокировкам полей g3 и f2, т. е. блокированиям дальних от черного короля полей, что положительно влияет на психику восприятия. В третьем варианте неожиданный цугцванг: 1...Ce1 2. Ld3! и слон "арестован", на любой его ход следуют маты 3. Kc3X! или 3. Kf2X!. Не решает 1. Ld3? b4! Таков человеческий эффект!

Эффектна миниатюра № 19: 1. Ch4! d3. 1...Kph6? 2. Kpf5 и 3. Cg5X. 2. Ce1! d2 3. C:d2 Kph6 4. Kpf5X! Если пешку d4 переставить на c4, то решение меняется коренным образом. Попробуйте найти его.

Секрет "шкатулки" № 20 нетруден, наши читатели, надеемся, откроют его быстро. Без простоты, добра и правды нет искусства.

Любителям гетеродоксов предлагаем решить следующие задания.

№ 21. Кра3, Фh1, Лd6, Ca2, Ca7, пп.а4, е5, f6(8) — Kpc5, Лb6, Kd8, пп.б7, f7, h7(6), обратный мат в 4 хода.

№ 22. Kpg2, Ле2, Ce3, Kb5(4) — Kpe4, Cc1, Kg5(3), кооперативный мат в 3 хода.

ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В современном шахматном мире таких проблем сейчас две: первая связана с вторжением компьютеров в шахматную игру, вторая — с растущим шахматным профессионализмом.

Компьютеры наравне с живыми игроками участвуют уже в некоторых соревнованиях и занимают иногда высокие места. Памятным событием явились матчи Г. Каспарова с суперкомпьютером "Дип Блю". Первый матч состоялся в 1996 году в Филадельфии, победу в

нем одержал Каспаров со счетом 4:2. Но в матче-реванше, прошедшем там же в прошлом году, Каспаров проиграл со счетом 2,5:3,5, причем в последней решающей партии он сдался на 19-м ходу. Компьютер победил шахматиста с самым высоким рейтингом!

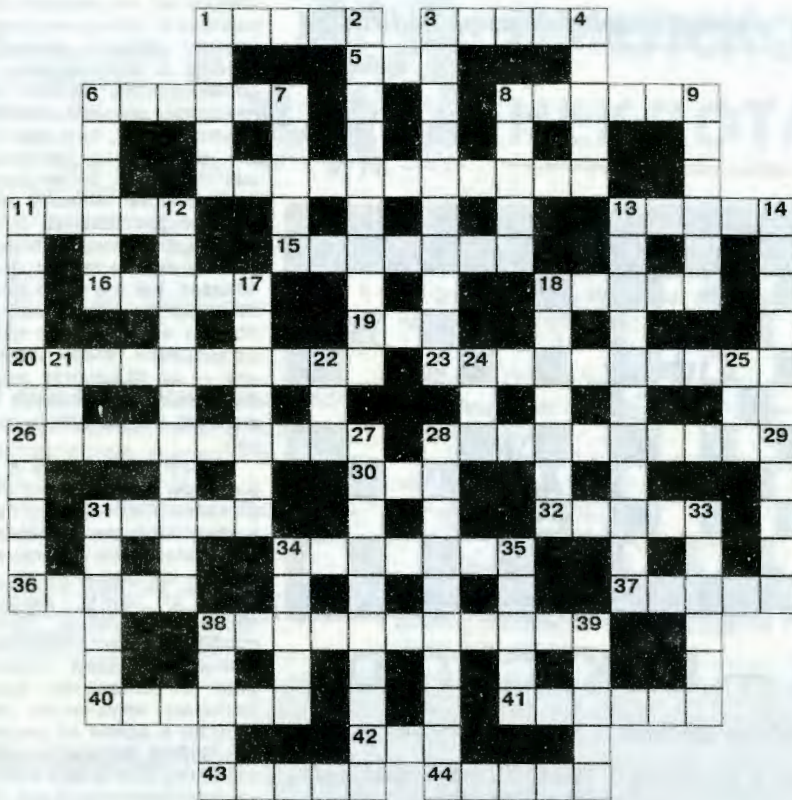
Матч этот вызвал различные толкования, суждения и споры. Кто из спорящих прав — сказать трудно, но ряд высказываний о компьютерах заслуживают внимания. Например, гроссмейстер Е. Свешников заявил, что компьютер силен

только в эндшпиле, в дебюте же он слаб и если в него не будут заложены его — Свешникова партии и сделанные им анализы, то он "сделает из компьютера отбивную котлету".

В журнале № 5 (1998 г.) дана для решения малютка: Kpg1, Ле2, Ca6(3) — Кра7, Кс8 (2), кооперативный мат в 4 хода. Ее решение таково: 1. Кра8! Cb7+ 2. Kpb8 Ch1! 3. Ка7 Lg2 4. Кра8 Lg8X!

КРОССВОРД

ского Союза, кавалер ордена "Победа". 2. Род войск, основное вооружение которого - огнестрельные орудия. 3. Русский писатель, автор романа "Щит и меч". 4. Сигнал об окончании каких-либо действий. 6. Письменное или устное распоряжение командира подчиненным. 7. Одно из основных понятий математики. 8. Канадский писатель, автор сборника "Юмор и человечество". 9. На военном парусном судне - нижняя (жилая) палуба. 11. Народность на севере Индии и в Пакистане. 12. Советский композитор, автор песни "Священная война". 13. Русский изобретатель, создатель первого авиационного ранцевого парашюта. 14. Судно, занимающееся захватом коммерческих судов или судов нейтральных стран. 17. Самый крупный остров в архипелаге Рюкю в Японии. 18. Лицо, ведающее на корабле продовольственным, вещевым и другими видами снабжения. 21. Город в Таджикистане. 22. Название первой достоверной эпохи истории китайского народа и раннего государства в Китае в 16 - 11 веках до нашей эры. 24. Словацкий писатель, автор романа "Дорогой жизни". 25. Река в Сибири, левый приток Иртыша. 26. Расположение войск для отдыха или ночлега вне населенных пунктов. 27. Разъезд в районе Волоколамска, где в ноябре 1941 г. совершили бесмертный подвиг 28 героев-панфиловцев. 28. Прибор для определения количества теплоты, выделяемой при теплообмене или сгорании топлива. 29. Приспособление для удержания судна на месте при его стоянке. 31. Долгосрочная аренда предприятия машин и оборудования. 33. Устрашение, подавление политических противников насильственным путем. 34. Органическое соединение, выделяемое из нефти или бензина с низкими детонационными свойствами. 35. Сотрудник сыска или разведывательной службы. 38. Русская поэтесса, автор поэмы о блокадном Ленинграде "Пулковский меридиан". 39. Изменение размеров, массы и формы объекта (детали) вследствие разрушения поверхностного слоя при трении.

Составил
Евгений КУЛИКОВ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Часть корпуса судна. 3. Правая или левая часть оперативного построения войск (армии, фронта). 5. Титул феодальных князей и туземных властителей в Индии. 6. Древнерусское ударное холодное оружие, состоявшее из короткого древка с насаженной головкой из металлических перьев. 8. Ручной инструмент для узорного выпиливания изделий из дерева. 10. Маршал Советского Союза, кавалер двух орденов "Победа". 11. Чугунная литая коробка для подшипника оси колес локомотива. 13. Часть огнестрельного оружия. 15. Памятник в виде суживающегося граненого столба с заостренной верхушкой. 16. Первичное подразделение в военной авиации. 18. Одномачтовое парусное судно, "дедушка русского флота". 19. Угнетающая, порабащивающая сила. 20. Долгосрочное вложение капитала в какое-либо предприятие, дело. 23. Устройство для охлаждения автомобильного двигателя. 26. Немецко-фашистский концлагерь, начавший функционировать в Германии в 1937 г. 28. Русская писательница, автор романа "В

осаде". 30. Столица Башкортостана. 31. Устаревшее название плашки. 32. Однообразный звук, грохот. 34. Вид военных действий. 36. Корпус автомашины. 37. Судостроительное и судоремонтное предприятие. 38. Мемуары дважды Героя Советского Союза летчика А. В. Ворожейкина. 40. Конструктор артиллерийского вооружения. 41. В парусном военном флоте - самый малый корабль. 42. Река в Болгарии, правый приток Дуная. 43. Одно из средств массовой информации. 44. Стальная балка специального профиля.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Маршал Совет-

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Десница. 9. Шантаж. 10. Брауэр. 11. Иск. 12. Наряд. 13. Опека. 14. Паша. 16. Шпик. 19. Сентенция. 21. Боярдо. 22. Версия. 23. Плеть. 24. Асфалия. 27. Канарис. 29. Осьмина. 34. "Дракула". 37. Палач. 38. Свитер. 39. Налоги. 40. Авторитет. 43. Ежов. 46. Омня. 48. Конго. 49. Триер. 50. "Вор". 51. Микадо. 52. Описка. 53. Задаток.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Банда. 2. Стена. 3. Джерсе. 4. Свидетель. 5. Инкогнито. 6. Абреки. 7. Палаш. 8. Тэффи. 14. "Происшествие". 15. Ширма. 17. Порка. 18. Криминология. 19. Сочи. 20. Явка. 25. Лыжи. 26. Яхта. 27. Клад. 28. Нота. 30. Метро. 31. Нара. 32. Законовед. 33. Магистрат. 35. Рант. 36. Калым. 41. Вантоз. 42. Ефимок. 44. Жулик. 45. Вклад. 46. Оргия. 47. Наука.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ СРЕДСТВ БРОНЕЗАЩИТЫ

НПП «Класс»

**115409, г. Москва,
Каширское шоссе,
дом 50, корп. 2**

**Тел.: (095) 323-77-11,
факс: (095) 323-75-44**

**БРОНЕЖИЛЕТЫ
ЗАЩИТНЫЕ ШЛЕМЫ
БРОНЕВЫЕ ЩИТЫ
СПЕЦАВТОМОБИЛИ
БРОНЕКАБИНЫ
БРОНЕДВЕРИ
БРОНИРОВАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ**

**ПРЕДОСТАВЛЯЕМ УСЛУГИ ПО РАЗМЕЩЕНИЮ РЕКЛАМЫ
В ЖУРНАЛЕ «НА БОЕВОМ ПОСТУ» И ЕГО ПРИЛОЖЕНИЯХ**

**ПРИНИМАЕМ
ЗАКАЗЫ НА
ИЗГОТОВЛЕНИЕ
РЕКЛАМНОЙ И
СУВЕНИРНОЙ
ПРОДУКЦИИ С
СИМВОЛИКОЙ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК
МВД РОССИИ**

**ОКАЖЕМ ПОМОЩЬ
В РАЗРАБОТКЕ
ВАШЕЙ
СИМВОЛИКИ И
ФИРМЕННОГО
СТИЛЯ**

АДРЕС

ОТДЕЛА РЕКЛАМЫ: г. МОСКВА,
СЫРОМЯТНИЧЕСКИЙ ПРОЕЗД, 8

ТЕЛЕФОНЫ: (095) 361-87-27,
(095) 916-14-64

БЛАГОДАРНОСТЬ

Урок мужества

ЧЕЛОВЕК — ЛЕГЕНДА

Герой Советского Союза Алексей Петрович Маресьев — человек-легенда. Подвиг, им совершенный, поставил его имя в ряд со светлыми именами Николая Гастелло, Виктора Талалихина, Зои Космодемьянской, других замечательных сыновей и дочерей России.

Поэт Владимир Матвеев посвятил нашему сегодняшнему собеседнику такие строки:

*Был тот бой воздушный жуток,
Он в душе твоей не стих...
Восемнадцать снежных суток
Полз потом ты до своих.
Вновь звало родное небо,
И взлететь ты снова смог...
Нет, мечте не кануть в небыль,
Хоть протезы вместо ног!
Ты сумел в те злые годы
Встать за честь родной страны.
И всегда служил народу
После праведной войны.*

— Мне грех жаловаться на недостаток внимания со стороны литераторов, журналистов. Известная «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого появилась в 1946 году, потом был снят кинофильм, Сергей Прокофьев написал оперу. Были

сотни газетных и журнальных статей и интервью. К сожалению, в последнее время я недоволен работой ваших коллег. И если бы не знал, что наша беседа будет опубликована в военном журнале, ни за что не согласился бы на встречу. Не обижай-

тесь — просто пишут сегодня не поймешь что, и какие цели преследуют, тоже непонятно...

— Неужели и до вас добрались, лишь желая пересмотреть историю?

— Представьте: в «Комсомоль-

ской правде" появилась статья под заголовком... "Маресьев еще жив". Неплохое название, да? В другой статье читаю: у Маресьева, мол, квартира в 70 квадратных метров, и ни слова о том, что это общая площадь, что квартира просторная, но вовсе не роскошные апартаменты. Людям нашим, многим ветеранам нынче житься нелегко. Прочтут такую статью и в сердцах подумают — жирует Маресьев в своих хоробах. А живу я как все, не просто...

Другой пример из той же оперы. Умер Борис Полевой. Отношения у нас были хорошие: вместе участвовали в различных мероприятиях, ездили в составе совместных писательских и ветеранских делегаций. Когда Бориса Николаевича не стало, я лечился в санатории, выехать на похороны не мог. Но позвонил вдове, выразил свое искреннее соболезнование, сказав, что по возвращении в Москву сразу схожу на могилу товарища, положу цветы. Что и сделал. Через какое-то время узнаю: была телепередача, в которой делился "воспоминаниями" журналист. Миллионам телезрителей он рассказывал о том, что предлагал языки Маресьеву написать некролог, но получил отказ. Маресьев, мол, заявил, что ничего писать не станет. И вообще, дескать, это не Полевой сделал Маресьева знаменитым, а наоборот. В общем, полный бред. Никогда в жизни подобного не говорил и не мог сказать. Но ведь эту брехню слышали миллионы людей — кто-то ведь мог принять и за чистую монету.

Еще один "подарок" от журналиста был. Отыскали моего бывшего референта, который был уволен за халатность в работе и обиделся на меня. И вот этот деятель, опять же с телеэкрана,

заявляет: Маресьев — это рупор ЦК КПСС. Надо же додуматься до такого! Да, мне постоянно приходилось общаться с властями, в разных президиумах сидел рядом с Маленковым, Молотовым. Ну и что?

Не буду больше говорить о своих личных обидах. Больно видеть и слышать, когда шельмуют лучших людей страны, тех, кто уже не может за себя постоять. Ну и что, что подвиг Матросова или Гастелло повторили другие? Кому повезло больше, кому меньше — чего перебивать кости. Были подвиги, были Герои!

А взять вакханалию с переименованиями. Есть поговорка — не сотвори себе кумира. Но для меня Чкалов был и остается кумиром. Улицу его имени переименовали на старинный лад — в Земляной вал. Кому от этого лучше стало? А он сам-то чем провинился перед страной, которую любил, — тем, что близко знался со Сталиным, что Сталин его очень высоко ценил?

— Есть выражение — без вины виноватые. Но, наверное, такое отношение к Героям не случайно?

— Теперь принято в открытую говорить о заказных убийствах. Убивать наше героическое прошлое, светлую память о лучших людях страны — тоже чей-то заказ. Кому-то очень выгодно не оставить и памяти о героях Отечества, чтобы не с кого было брать пример. Лиши народ памяти, его героического прошлого, и делай с ним, что хочешь. Налицо сильнейший удар по духовности, по нравственности. Военно-патриотическим воспитанием молодежи никто на государственном уровне не занимается. Комитет ветеранов войны постоянно обращает внимание

на эту проблему, ставит вопросы перед правительством, но...

Да и одно правительство, в котором постоянные перестановки, не надо винить. Кто мешает, скажем, директору школы провести встречу с ветеранами? Я всегда охотно откликался на подобные приглашения, как бы занят ни был. Теперь такое не практикуется — как отрезало. Я очень боюсь, что грядет поколение, которое будет равняться не на отцов и дедов, а на тех, с кем вчера еще и здороваться никто бы не стал. Но все ж надеюсь, что пелена с глаз скоро спадет, настоящих русских людей по-прежнему много. Да, многие нынче растеряны, дезориентированы. Но ведь нас подвергали испытаниям и в более лихие времена.

— Алексей Петрович, расскажите, пожалуйста, о работе Всероссийского комитета ветеранов войны, заместителем председателя которого вы являетесь.

— Не секрет, что участники и инвалиды войны сегодня — не самая обеспеченная часть населения, несмотря на свои пенсии и льготы. Тратиться приходится не только на питание, одежду, оплату жилья и услуг. Здравоохранение теперь — очень дорогое удовольствие. В последнее время основное поле моей деятельности — социально-правовая работа. Даем консультации ветеранам, отстаиваем их права. Увы, государство практически самоустранилось от помощи этой категории своих граждан. Спонсорские пожертвования случаются лишь эпизодически, собственную коммерческую деятельность инвалидам и ветеранам очень сложно развить в условиях дикого рынка.

У нас нет возможности помочь всем, кто пострадал при исполнении воинского долга в Чечне, других горячих точках, но на моральную поддержку они всегда могут рассчитывать. Я не стану давать политической оценки современным вооруженным конфликтам, но в одном убежден — российские воины достойны уважения. А те, кто пострадал, — особого участия и сострадания.

Иногда в метро вижу инвалидов в военной форме, которые просят милостыню. Это стыд и позор для всех нас! Чтобы эти люди ушли с паперти, мы непременно должны разобраться с экономикой. Будь она здоровой, станет Россия вновь богатой страной — лучше будет и ветеранам. Но пока по чьей-то злой воле промышленность развалена, сельское хозяйство деградирует.

Однако не меньше беспокоят меня искривления в духовной сфере. Искусство и литература должны воспитывать в молодежи чувство патриотизма, гордости за свою Родину. Вместо этого — чернуха, герои типа Рэмбо.

В свое время книга Бориса Полевого переиздавалась только на русском языке более восьмидесяти раз и ее читали, она не пылилась на прилавках. Уж я-то это знаю, как никто другой.

— Алексей Петрович, давайте поговорим об этой книге. Как вы познакомились с Борисом Полевым?

— Встреча та, безусловно, сыгравшая большую роль в моей судьбе, произошла в 1943 году, в разгар боев на Курской дуге. Борис Полевой был тогда майором, военным корреспондентом. Его заинтересовала работа летчиков, сбивших за девять дней

47 самолетов врага. Мое звено истребителей сбilo два немецких самолета. Проговорили мы с Борисом Николаевичем всю ночь напролет. Лишь после войны я узнал, что написанный им материал тогда так и не увидел свет — что-то не понравилось тогдашнему главному редактору “Правды” Пospelову.

О том, что беседа наша пригодилась, я узнал, когда меня направили для прохождения службы в Главное управление военных учебных заведений. Я услышал по радио информацию о том, что написана и печатается книга Бориса Полевого. В редакции дали телефон. Мы встретились. Обрадовались, что оба живы. Кстати, писатель признался, что изменил фамилию главного героя именно потому, что не знал, как сложится моя дальнейшая фронтовая судьба.

Борис Николаевич рассказал, что писал книгу, когда шел Нюрнбергский процесс, когда смотрел на “непобедимых” гитлеровских вояк и мысленно сравнивал со мной, простым русским парнем. Мересьев — образ собирательный, типичный, именно поэтому его судьба так заинтересовала миллионы советских людей, прошедших испытания войной.

— Обобщая образ главного героя, Полевой тем не менее рассказывал конкретно о вашей судьбе. Насколько присутствует в “Повести о настоящем человеке” авторский вымысел или домысел?

— С текстом повести я познакомился, когда события были еще свежи в моей памяти. Никаких претензий к написанному не было. Расхождения с моей истинной историей носят неприн-

ципальный характер. К примеру, Полевой написал, что я обнаружил тело погибшей медсестры, взял ее сумку. Такого факта в действительности не было, никакой сумки я не находил. На поле боя было много тел, но часто нельзя было определить, кто это были — наши или немцы, мужчины или женщины — все было занесено снегом. А Борис Николаевич, добрый человек, посочувствовал мне по ходу повествования, помог найти сумку с медикаментами — так появилась эта сцена. А в другом эпизоде я поймал и съел ежа, хотя в действительности то была ящерица.

Когда летопись Великой Отечественной писалась по горячим следам, могли быть неточности в фактах второстепенных. Но по большому счету журналисты и писатели никогда не лгали, для них свят был долг перед павшими. А сегодня, увы, находятся такие, кто, цепляясь к малейшей фактической неточности, ошибке, ставят под сомнение совершение конкретного подвига Зоей Космодемьянской, молодогвардейцами, Виктором Талалихиным. Начинают кощунствовать, ерничать, когда речь идет о святых для нас именах, о героических событиях...

Борис Полевой смог не только правдиво рассказать о моей личной судьбе, но и создать книгу, которая объяснила людям Земли, почему мы сумели победить Гитлера. Я считаю, что Борис Полевой, прежде всего, сам был настоящим человеком. В отличие от тех, кто сегодня пытается переписать нашу историю, историю, написанную кровью миллионов настоящих людей.

— Одна из ее страниц была написана вами, Алексей Петрович. “Повесть о настоящем человеке” читали все, по крайней мере те, кто учился в

советских школах. И все же хотелось услышать из ваших уст рассказ о тех днях без писательского домысла. Как все было в жизни?

— В боевых действиях на Южном фронте я принимал участие с августа 41-го. Летал на И-16. Хороший был самолет — короткий такой, похож на толстолобика. Мы сопровождали наши бомбардировщики.

На Северо-Западном фронте нас прикрепили к штурмовому полку. Был март — начало апреля. Наши войска впервые окружили немцев в районе Старой Руссы. Оставался лишь узкий коридор, по которому они уходили. Было известно, что особенно много техники и живой силы врага сосредоточено в городе Демянске. Нашему полку и поручили нанести там удар. Десять наших истребителей полетели сопровождать бомбардировщики. Они отработали спокойно — ни одного вражеского истребителя в небо не поднялось. Во второй раз мы полетели шестером — и опять та же картина. В третий раз нас было всего четверо. И тут в небе сразу двенадцать “мессеров”! Половина из них ринулись в атаку на нас. Как говорится, влипли мы. Но все же сориентировались в обстановке — встали в позицию, не спасовали, хотя пришлось тяжело.

В том бою я и был сбит. Попали в мотор моего самолета, вытекло масло, стал падать. Вернее, пошел на вынужденную посадку. Внизу сплошные леса и болота. Но интересная штука — психика человека: больше всего меня пугала мысль, что не на смерть разобьюсь, а лицо себе пораню. Инстинктивно закрываю лицо руками, наклоняюсь вбок. Неожиданно вижу перед собой

озеро. Есть шанс посадить самолет! И тут совершаю (как потом осознал) непростительную ошибку — выпускаю шасси, которое цепляет верхушки деревьев. Чуть-чуть не дотянул до озера. Как я оказался в лесу, как полз до своих, Полевой описал предельно точно. Не совсем верно лишь то, что первым меня обнаружил какой-то местный житель, а не мальчишки. На самом деле было наоборот.

В госпитале я сразу решил — буду сражаться за место в строю. Четыре месяца ушло на лечение. Но куда больше сил потратил на то, чтобы доказать свою полную способность летать. Бесило равнодушие некоторых людей. Как будто я не на фронт просился, а в тыл!

Помню, прибыл я после очередной комиссии в полк. Там должны были со мной полетать, чтобы дать свое заключение на предмет моей пригодности. А командир полка, как узнал о том, что я без ног, лететь со мной наотрез отказался. Думаю, кто же пойдет наперекор командиру? Но нашелся такой человек — штурман полка, то ли грузин, то ли армянин. Прочитал бумагу: “Полетать с безногим летчиком? Полетаем!” Проверил он меня не формально — я выполнил все фигуры, кроме одной (протезы мешали сделать ее). Штурман меня похвалил, написал: “Годен к летной работе”.

Но на том мытарства мои не закончились. Хотели “зарубить” на дивизионной комиссии в Иванове. Но я дошел до Москвы. Там разрешили мне пробные полеты. Удивление, помню, было всеобщее: без ног, а летает не хуже других! Многие просто не верили, что я на протезах хожу. Однажды приезжаем на аэродром в лютый мороз. Все — в меховых унтах. Только я в боти-

ночках. Командир спрашивает: “Что, теплой обуви на складе нет?” — “С обеспечением все в порядке, — отвечаю, — просто унты мне не нужны. Ног у меня нет, а деревяшкам все равно, какая погода”. Не поверили, пока не задрал брючины...

Всерьез меня вновь стали воспринимать, когда оказался на фронте, в Орле, на Курской дуге. Вернуться к настоящей жизни помогли боевые товарищи, наши советские люди, познавшие, что такое фронтовое лихо.

Я очень хочу верить, что парням-инвалидам, вернувшимся из горячих точек, встретятся именно такие люди. Чем меньше будет равнодушия и хамства, тем меньше будет у них боли. И государство должно позаботиться об инвалидах. Ведь здоровье воины потеряли, выполняя свой долг перед Отечеством. А это не пустые слова.

**Беседу вел
Дмитрий КОРОЛЕВ,
наш нештатный
корреспондент**